СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ СОБОЛЕВ

Страницы жизни – воспоминания современников

Предисловие составителя

Сергей Львович Соболев оказал значительное и положительное влияние на математику своего времени и на всех окружавших его людей: коллег, друзей, учеников, последователей.

Мне посчастливилось поработать под непосредственным влиянием его только шесть лет: в отделе Сергея Львовича в Академгородке 1965-1970 годов, куда поступил по рекомендации Михайлова Валентина Петровича, моего университетского научного руководителя.

А в первый раз я увидел академика Соболева в 1959 году в фойе МГУ: высокий, статный в черном костюме со сверкающей звездой Героя Социалистического Труда. Гордый и значительный (но не величественный) – таким запомнился он от этой случайной встречи издали. Оказывается, это впечатление сохранялось у многих встречавших и знавших С.Л. Соболева того времени.

Обаяние его натуры в глазах нас – начинающих и существенно более молодых коллег, основывалось на проявляемой им доступности, доброжелательности и серьёзном отношении к молодёжи.

Мы видели в С.Л. Соболеве такого же «нормального» человека, отличавшегося от нас большей силой ума, талантом ставить и решать математические проблемы, желавшего научить этому и нас.

С.Л. Соболев, по его словам, шёл от прикладных проблем к абстрактным. От него остались сейчас «пространства Соболева», «кубатурные формулы Соболева», «уравнение Соболева», «Институт Соболева». Хотелось бы этой публикацией оставить в памяти читателей «натуру Соболева».

Воспоминания написали люди хорошо знавшие С.Л. Соболева. Представленный здесь перечень авторов далек от полноты, но, надеюсь, будет побудительным мотивом для других. Нам посчастливилось начать сборник рассказом его жены Ариадны Дмитриевны и продолжить мемуарами матери С.Л. Соболева Натальи Георгиевны – наиболее близких Сергея Львовича. С остальными авторами Вы ознакомитесь по оглавлению и кратким аннотациям.

Когда в Сибирь из-за границы
Летят ученые мужи,
И просит шеф посуетиться, -
Давай, что можно, покажи,

Я через лес веду их дикий
В тот институт, на тот этаж,
Где фотостенд есть многоликий,
Что создал летописец наш.

Висит там снимок. Четверть века
Ему исполнилось уже.
Конференцзал, библиотека
Еще пока на чертеже,

Над лесом этажи не встали,
И все мы молоды пока,
Но институт фундаментален
И создается на века.

И, как Колумб над океаном,
Назло стихиям против волн,
На диком бреге котлована
Директор дум великих полн.

Каких пространств какие дали
Перед собою видел он!
Его *У озера* видали,
И локти грыз Ален Делон,

Он близок был и к тайным числам,
Не столь простым, как π и e.
Он обобщенным, новым смыслом
Наполнил наше бытие.

Его труды читаем все мы,
Какой из них не назови,
Там даже маленькие леммы,
Как слезы первые любви.

И рядом с тем изображеньем
Того, кто так неповторим,
Не в силах удержать волненье,
Гостям своим мы говорим:

Regardez là, soyez aimables,
Il n’y a pas du style baroque.
Mais cette image est remarquable,
C’est un visage de notre époque.

Новосибирск, сентябрь 1983
Стихотворение Владимира Петровича
Голубятникова, посвященное
Сергею Львовичу Соболеву

ВОСПОМИНАНИЯ АРИАДНЫ ДМИТРИЕВНЫ, ЖЕНЫ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА

I
Детство

Корни семьи Соболевых уходят в Сибирские земли, к казакам-поселенцам. Возможно, что последние были "декабристами", шагавшими в кандалах, по Сибирским дорогам и впоследствии осевшими около Читы. Там и сейчас проживает далекая родственная ветвь Соболевского дерева. Сергей Львович, будучи в Новосибирске, ездил к ним, чтобы более детально восстановить свою родословную, но, к сожалению, в Чите осталась только "молодая поросль", которая этими вопросами не интересовалась. Известно только, что Захар Соболев был казак, родился и жил в Сибири, был огромного роста и невероятной силы. Сын его Александр был высокий, но не такой "богатырь" как отец. Александр Захарович, дед Сергея Львовича, был женат на Наталии Фёдоровне. У них была большая семья. До взрослого возраста дожило пятеро детей: три сына и две дочери, одна из них Лида умерла молодой от аппендицита, старшая - Нина дожила до старости. В 30-40 годы она часто бывала у нас и умерла на моих руках. Сыновья были: Иннокентий, Александр и Лев-отец Сергея Львовича.

Мать Сергея Львовича, Наталия Георгиевна, была дочерью Георгия Васильевича Раскина. Он был кантонистом. В детстве остался без родителей, воспитывался в еврейской семье, был отдан в военное училище, по окончании сделался интендантским чиновником. В старости получил личное дворянство и чин генерала. Жена его Анастасия Андронниковна была украинка, мелкая помещица. Она имела на окраине Харькова, около городских оврагов (отсюда и название Овражный переулок) четыре дома с большим садовым участком. У Георгия Васильевича и Анастасии Андронниковны было тоже много детей: пять дочерей и сын инвалид с детства. Родители отдали его в деревню. Все дочери в семье получили среднее образование. Наталия Георгиевна уехала в Петербург и поступила на Высшие Женские Бестужевские курсы. Из всех дочерей она была самая одарённая. После смерти Георгия Васильевича, мать решила раздать дочерям их приданое, дома и деньги. Наталия Георгиевна предпочла не дом, а деньги и истратила их на поездку в Париж. Она прожила в Париже около года, посещая лекции в Сорбонне по литературе, истории и искусствоведению. Она овладела французским языком, могла читать и свободно объяснятся, но выговор всю жизнь у неё оставался русско-украинский. Вернувшись в Петербург, Наталия Георгиевна продолжала своё высшее образование. Она познакомилась с членами кружка социал-демократов и активно влилась в их работу. Наталия Георгиевна ездила на окраины

Петербурга, к работницам фабрик и заводов, с беседами на политические темы, писала революционные воззвания, ездила в секретные типографии за нелегальной литературой и её распространяла. Она обворачивала себя этой литературой и шрифтами, изображая беременную женщину. Работа эта успешно продолжалась более года. Нашёлся провокатор, и все члены кружка (в 1901 г) были арестованы. Наталия Георгиевна попала в тюрьму Литовский замок, и после многочисленных допросов она была сослана в Саратов, под надзор полиции. Примерно в это же время в Петербургском университете, где учились на юридическом факультете Лев Александрович и Александр Александрович, начались волнения: митинги и забастовки, часть наиболее активных студентов была арестована, в том числе и Лев Соболев.

Лев Александрович был разжалован в солдаты, но после ходатайства, был сослан в Саратов под строгий надзор. В Саратове и познакомились родители Сергея. Общие политические взгляды, большая интеллигентность обоих и молодая жизнерадостность сблизили их друг с другом. Лев Александрович писал неплохие стихи. Впоследствии часть его стихов была напечатана.

Срок наказания у обоих близился к концу, и они решили вместе переехать в Петербург. Через короткое время Наталия Георгиевна стала Соболева. Она закончила Бестужевские курсы и получила диплом учителя. Она стала

учительствовать в частной гимназии (русская литература и история). Лев Александрович экстерном проходил юридические дисциплины и через 1,5 года сдал в Харькове государственные экзамены. В Петербурге из-за высылки сдавать экзамены было запрещено. Он стал сначала помощником адвоката, а потом адвокатом. К этому времени Наталия Георгиевна уже ждала первого ребёнка. Лев Александрович мечтал о дочке. Он подарил жене картину, на которой изображена прелестная белокурая девочка. Эта картина всегда висела в комнате Наталии Георгиевны, а после её смерти перешла к нам. Вторая картина, которую очень любила Наталия Георгиевна - это французское кладбище, стоит красивая молодая, счастливая пара, а кругом молящиеся на коленях. Через день после смерти Наталии Георгиевны, картина упала и разбилась.

Судя по фотографиям, Лев Александрович был высокого роста, худощавый, со смугловатым цветом лица, с волнистыми густыми волосами, каштанового цвета. Наталия Георгиевна - маленького роста, умеренно полная, с косой, закрученной короной вокруг головы. Ей приходилось носить пенсне, т.к. в детстве у неё был туберкулёзный кератит глаза, и остались рубцы. Она была очень ревнива, сама мне рассказывала, как она иногда мучила по пустякам Льва Александровича, но, в общем, они жили счастливо.

6 октября 1908 года родился сын. Родился он на Малом проспекте в городском родильном

доме, где через 23 года родилась наша первая дочка - Светлана. Серёжу назвали в честь Сергея Радонежского, имя которого значится 8 октября. У нас есть фотокарточка годовалого Серёжи. Он в белом платьице, большеголовый, со светлыми глазами. Через год и десять месяцев родилась сестрёнка - Танечка. Наталия Георгиевна, конечно, уделяла новорожденной много внимания, это очень не нравилось Сергею, он был ревнив. Он не давал матери прохода, хватал её за платье, за руки, и всё время кричал: "Боось Таню, возьми меня". Серёжа начал рано говорить. Он очень любил белый хлеб и всё время просил: "Буки, балаки" (булки, баранки). Есть его портрет в три года - белокурый, худой мальчик в тёмной матроске. В раннем детстве (до 7-8 лет) Серёжа был очень религиозный. Каждый вечер перед сном, он становился на колени, в своей длинной ночной рубашке, и долго молился. Над его кроваткой был образ Христа, а над Таниной - божья матерь. У Сергея была тетрадь, куда он каждый день вносил свои грехи (за этот день), и вечером он их замаливал.

Наталия Георгиевна продолжала работать в гимназии, но её эта работа часто приводила в уныние. Она пыталась знакомить своих учениц с запрещённой литературой, за что у неё были всегда крупные неприятности с начальством, и она решила менять профессию. Она, не бросая работы, поступила студенткой в медицинский институт. В доме ей в помощь было две прислуги: няня Оля и няня Катя.

В 1916 году Лев Александрович ушёл из семьи. Наталия Георгиевна сказала: "Уходи и будь счастлив". Всё воспитание детей легло на плечи одной Наталии Георгиевны.

Работа и учёба занимали у Наталии Георгиевны весь день, она приходила домой поздно вечером. Общаться с детьми она могла только в воскресенье и, несмотря на это, она сумела воспитать и сына и дочку принципиальными, высоко нравственными людьми. Целый день дети были на попечении двух нянь. Ольга одевала, мыла, кормила и много гуляла с детьми. Катя занималась хозяйством. Обе няни очень любили Таню. Она была послушным, спокойным ребёнком, на Серёжу они смотрели косо. Он был целеустремлённым, нетерпеливым к исполнению желаемого, уничтожал всё, что мешало его идеям, а идей и "задумок" было много. Часто "помехой" в исполнении "задумки", служила сестрёнка, и он убирал её с дороги, толкал и шлёпал. Это приводило к большому неудовольствию нянь. Один раз они заперли его на несколько часов в тёмную ванную комнату. Он там кричал до хрипоты и бил в дверь кулаками и ногами. Когда вернулась домой Наталия Георгиевна и выпустила Серёжу из "тюрьмы", она рыдала с ним вместе, а няням устроила большой "разнос", и приказала его никогда не наказывать. Она умом и материнским сердцем понимала сына.

В семилетнем возрасте основные "задумки" относились к строению моделей (макетов) городского транспорта. Тогда по улицам

Петрограда ходил трамвай, хотя и конка ещё себя не совсем изжила. Она ходила на дальние рейсы, на острова к "стрелке". Сергей совсем самостоятельно, из толстой бумаги, скроил и склеил довольно большой трамвай. Это была его гордость, а Наталия Георгиевна показывала его знакомым и они восторгались. Эту игрушку он подарил сестре.

В 1916 году Наталия Георгиевна, на все свои летние каникулы, увезла детей к Балтийскому морю. Поселились они в пансионате, куда принимали с детьми. Как вспоминал Сергей, их там поили разными соками, в обязательном порядке морковным, много давали масла и был диетический стол. В этом же пансионате в это время отдыхал писатель Маршак. Наталия Георгиевна с ним познакомилась и подружилась. Маршак как-то в шутку написал четверостишие, которое кончалось "безусловно, безусловно, хоть причёсана неровно, всех милей Татьяна Львовна". Знакомство с Маршаком продолжалось и в Петрограде. Было в пансионате и другое известное лицо - знаменитый профессор гистологии Догель. На пляже, где обычно отдыхали и купались все обитатели пансионата, Догель наблюдал за терпением Наталии Георгиевны, которую изводил своим непослушанием и протестами Серёжа и, когда осенью Наталия Георгиевна пришла к нему сдавать курс гистологии, он ничего её не спросил, поставил "отличную" отметку, сказав: "Если Вы справляетесь с таким ребёнком, то с гистологией Вы, конечно, справились". Этот факт излагается

во всех "юбилейных" биографиях С.Л. Соболева.

Сережа начал заниматься с француженкой, а потом ещё на курсах французского языка, хорошо говорил по-французски, а когда вырос свободно читал лекции на французском языке.

Семейство Соболевых дожило в Петрограде до октябрьской революции. Голод всё больше и больше преследовал людей. Няня Катя сразу уехала в деревню, а Оля некоторое время (до 1919 года) оставалась с Наталией Георгиевной. Целыми днями она выстаивала очереди за хлебом и крупой. Дети оставались одни. Ходить по улицам было небезопасно: слышались выстрелы. Вскоре закрылась частная гимназия, и Наталия Георгиевна осталась без заработка. Деньгами всегда помогал Лев Александрович. Медицинский институт пока продолжал работать. Наконец, уехала и Оля, и Наталии Георгиевне ничего не оставалось делать, как переехать в Харьков к родным. Там она восстановилась в Харьковском медицинском институте и начала работать в одной из прозектур города. В это время в Харькове была страшная эпидемия холеры, и Наталии Георгиевне приходилось вскрывать по 20-30 трупов в день. В доме проводилась строгая профилактика. Например, яблоки со своих деревьев мыли кипячёной водой, и никто не заболел. Жили в большом доме на Овражном переулке, вместе со старшей сестрой Наталии Георгиевны - тётей Дашей. Она была лаборанткой. Дарья Георгиевна заменила мать детям умершей сестры. С ними жил вдовец-отец детей - дядя Ваня. Дети были: Женя

11 лет и Валериан 13 лет. Заработка всех взрослых не хватало на совсем скромное пропитание семьи. Цены на продукты ото дня ко дню росли баснословно. Приходилось переходить на натуральное хозяйство. Спасал огород, и купили двух коз. Это требовало ухода и работы. Женя и Валериан ходили в школу. Валериан учился в коммерческом училище и первую половину дня был занят, пасти коз пришлось Серёже. Он выгонял их на овраги за домом, брал с собой книги и учебники, читал и учился. У одной из коз был козлёнок, которого пришлось зарезать на еду. Сергей наотрез отказался есть его мясо и потом несколько лет был вегетарианцем. В оврагах Сергей выучил всю элементарную алгебру, геометрию и тригонометрию, и когда Наталия Георгиевна отдала его в вечерний техникум, ему нечего было там делать, и он оттуда ушел. Сергей часто помогал Валериану решать наиболее трудные задачи.

Доила коз Женя, и чем могла помогала маленькая Таня. Мальчики пилили, кололи дрова и топили печи во всём доме. Варили пищу, когда очередь была Серёжи, обед часто пригорал. Весной и осенью огород занимал много времени. Жизненная необходимость вызвала суровое трудовое воспитание детей. Зато Сергей вырос скромным, неизбалованным человеком.

В 1921 году в Харькове получили известие о трагической гибели Льва Александровича.

В 1923 году Наталия Георгиевна решила возвращаться в Петроград. Надо было думать о

дальнейшем образовании Серёжи. Он к этому времени стал юношей 15 лет.

По возвращении в Петроград, младшая сестра Наталии Георгиевны-Варвара пригласила Соболевых жить с её семьёй, но это оказалось настоящим адом, и Наталии Георгиевне пришлось срочно искать квартиру. У Варвары был злобно истерический характер; вечные были скандалы из-за денег, вся семья была пропитана мещанством. Муж Варвары был фашист - немец. Вскоре, Наталия Георгиевна нашла подходящую по цене квартиру в мансарде, по Ропшинской улице Петроградской стороны. В квартире было четыре маленьких комнатки, кухня и холодный туалет.

Чтобы получить аттестат зрелости, Сергей поступил в последний (9-ый) класс Линтовской школы. Таня поступила в пятый класс. Сергей блистал своими успехами по математике и физике. Учительница по математике предсказала ему его будущее. Она говорила: "Математика твоя дорога, перестань думать о другом". По литературе Серёжа писал отличные сочинения. Они содержали своеобразные мысли, логично изложенные, и в них было художественное чутьё. По некоторым предметам (география, биология), его никогда не спрашивали, так были в нём уверены. Сергей был хорошим товарищем, и дружба с классом сохранилось на всю жизнь. Большинство бывших учеников регулярно собиралось каждый год, в день "последнего звонка" (14 февраля) у кого-нибудь дома за чашкой чая. Это продолжалось до глубокой

старости. Есть трогательные фотографии, где старички и совсем белоголовые дамы вспоминают дни молодости. Они друг другу дарили самодельные сувениры. Так Сергей получил мышку. Каждый год, по болезни или по старости, они теряли кого-нибудь из друзей. Я не знаю, продолжают ли они собираться после смерти Сергея, и сколько их осталось в живых. Сергей особенно дружил с Ольгой Константиновной Невзглядовой. Одна его старая приятельница - детская писательница подарила ему свою книжку с надписью "дорогому верблюду - академику". У Сергея Львовича была очень красивая, большая голован с продолговатым лицом, высоким лбом, ярко выраженным затылком: когда он над чем-нибудь задумывался, то его профиль немного напоминал профиль головы верблюда. С вечера встреч Сергей принёс молитву для людей среднего возраста. Она ему очень понравилась.

Молитва для людей среднего возраста

(Из английского научного журнала "Морфология")

Я старею и скоро стану стариком. Удержи меня от фатальной привычки думать, что я
должен что-либо сказать по любому поводу и в любом случае.
Упаси меня от стремления выправлять дела каждого.
Сделай меня думающим, но не нудным, полезным, но не властным.
При обширном запасе моей мудрости кажется

обидным не использовать его целиком, но я хочу сохранить хоть несколько друзей к концу жизни.
Сохрани мой ум свободным от подробного изложения бесконечных деталей, дай мне крылья достичь цели.
Опечатай мои губы для речей о болезнях и недомоганиях. Они возрастают и любовь повторно рассказывать о них становится всё слаще.
Я не смею просить милости не наслаждаться рассказами о болезнях других, но помоги мне сносить их терпеливо.
Я не смею просить об улучшении памяти, но лишь о возрастающей человечности и о меньшей самоуверенности, когда окажется, что моя память столкнулась с памятью других.
Преподай мне блистательный урок того, что и мне случается ошибаться.
Сохрани меня разумно приятным: я не хочу стать святым, некоторые из них слишком трудны для совместной жизни, но и кислые люди - одно из вершин творения дьявола.
Дай мне возможность видеть хорошее в неожиданном месте и неожиданные таланты в людях и дай мне силы сказать об этом.

В Петрограде Наталия Георгиевна начала работать сначала бесплатно, потом доцентом в Первом Ленинградском медицинском институте, на кафедре патологической анатомии. Шеф её был широко известный профессор Владимир

Георгиевич Шор.

После окончания школы, Сергей не смог из-за "малолетства" поступить в Вуз. Принимали с 17 лет и по путёвкам, полученными родителями на работе. Вступительные экзамены были отменены. Серёжа поступил в первую художественную студию, по классу фортепиано, к хорошему педагогу и пианисту - Висневскому, с которым поддерживал связь и после окончания студии. В Харькове он немного научился играть на рояле, во всяком случае, знал клавиатуру. Он много читал, пробовал писать стихи, фотографировал, а главное, думал и размышлял об окружающем мире и о прочитанном.

Через год Наталия Георгиевна просила путёвку в Медицинский институт, но ей досталась путёвка в Университет, на математико-физический факультет. Сама судьба указала правильный путь. Сергей стал студентом Ленинградского университета.

На каникулы, два лета подряд, он, по приглашению тёти Зины, жены дяди Иннокентия, ездил в Феодосию. У них был сын Володя, примерно Серёжиного возраста, очень любивший веселье и девичью компанию. Он пользовался всеми благами жизни. Его мать была известным гинекологом-акушером и много зарабатывала. Серёжа, попав в компанию девочек, сразу влюбился в одну из них. На групповой фотографии эта девочка выглядит значительно старше Серёжи, а он как "молодой петушок" возвышается над девчатами. В Феодосии Серёжа

научился играть в шахматы и скоро начал обыгрывать партнёров. Часто устраивались вокруг Феодосии водные и пешие экскурсии. Конечно, было весело. И всё же больше всего Сергей увлекался занятиями в университете. Так начиналась его жизнь математика.

II
От юности к зрелости

О далёкие годы юности! Тогда Санкт-Петербург именовался Ленинградом, а Каменноостровский проспект - улицей Красных зорь. Вот на этой-то улице Красных зорь и стоял большой дом из серого камня, в котором располагалась Первая Художественная студия, реорганизованная из районных музыкальных школ.

Парадный ход, впрочем, как во всех домах того времени (1924 - 1930 годы) был наглухо забит, и входили в студию через двор. Широкая, когда-то красивая лестница, за ненадобностью, была захламлена какими-то ящиками и остатками разломленной мебели. Верхняя её ступенька заканчивалась в просторном вестибюле, а массивные перила продолжались в вестибюль, расходясь в обе стороны от входа.

В вестибюль открывалось множество дверей, из-за которых слышались различные звуки: скрипку перебивал женский голос вокала, где-то упорно повторялись одни и те же аккорды. Этот вестибюль был местом встреч студийцев.

Отчетливо помню, как облокотившись на перила, стояли двое молодых людей; в одном я сразу узнала моего соклассника (по классу Белкиной-Поповой) Бориса Зейдмана; второй был мне незнаком. Когда я подошла, Борис познакомил меня с Соболевым Сергеем. Он мне сразу показался каким-то особенным человеком. В нём чувствовалась внутренняя сила и общее неповторимое обаяние.

Высокий лоб с рельефно выделяющимися лобными буграми, на который в беспорядке свисали белокурые пряди непослушных волос, прямой крупный нос и массивная нижняя губа, являлись особенностями продолговатого худощавого лица. Движения у Сергея были размашистые "нетерпеливые". Вот первое впечатление моё о юном Сергее Соболеве. Он внимательно и долго смотрел на меня.

На следующий день после занятий Сергей встретил меня в вестибюле и проводил домой. Эти проводы начали регулярно повторяться, но из-за скромности и деликатности Сергей никогда не напрашивался ко мне зайти домой, хотя, видимо, ждал приглашения. И приглашение пришло.

Наш класс Белкиной-Поповой иногда устраивал вечеринки. Чаще собирались в нашей квартире. Мы жили в большой коммунальной квартире, занимали две комнаты, из которых одна была комнатой моей старшей сестры. В этой комнате стояло взятое на прокат пианино. Галочка, моя сестра, всегда уступала нам комнату для этих вечеринок. Мы играли в четыре руки,

импровизировали, загадывали музыкальные шарады и даже умудрялись танцевать. Заканчивались вечеринки скромным чаем. Иногда к нам приходил наш учитель – композитор Гладковский. Бывал и Белкин – муж Белкиной-Поповой, художник. Он рисовал на нас шаржи. Вот на такую вечеринку я и пригласила Сергея. (Он учился у Висневского.) Его должен был привести Зейдман, но Борис забыл и не зашёл.

На другой день Серёжа мне сказал, что пролежал весь вечер на диване, мрачно настроенный и разочаровнный, и что он не мог ничем заняться. Он признался, что влюбился в меня с первого взгляда.

Чтобы его утешить, я позвала его зайти на следующий день после университета. Сергей учился на 2-ом курсе матмеха. Когда он пришёл, у нас никого, кроме меня, не было дома. Мама и сестра были на работе, а старая бабушка Вышла погулять. Серёжа начал мне рассказывать про университет и вскользь сказал, что он нашёл ошибку в работе Салтыкова. Сначала профессор Гюнтер его обругал и сказал, что он невнимательно читал Салтыкова, а когда на следующий день, Сергей принёс доказательство ошибки, Гюнтер был крайне удивлён и сразу отличил Сергея среди других студентов. Я не знаю почему, но я была этим сообщением очень обрадована. Затем спорили о музыке, вкусы иногда не сходились, потом разговор перешёл на спорт. И тут Сергей сказал, что выучился плавать по книжке, а когда летом поехал к тётке в

Феодосию, вошёл в море и поплыл. Он тут же предложил показать мне плавательные движения. Он сдвинул все имеющиеся у нас стулья, лёг на живот и начал разводить руки "брассом", колотил по стульям ногами, считал и фыркал, как бы, отплёвывая воду. В это время вернулась бабушка. Она открыла дверь и остолбенела: какой-то незнакомый молодой человек лежит на стульях и делает вид, что плавает. Я объяснила бабушке ситуацию, а вскочивший Сергей ей представился. Когда бабушка узнала в чём дело, она долго над нами смеялась.

Сергей был очень начитан. Он интересовался всем. Читал книги по философии и медицине. Мама его, Наталья Георгиевна, в то время была доцентом 1-го Медицинского института Ленинграда и научным сотрудником Института экспериментальной медицины. Она приносила домой журналы с новейшими статьями по медицине и Сергей их все прочитывал. Наталья Георгиевна сыну всегда рассказывала о своих опытах с дегтярным раком мышей и он был в курсе современных методов медицинских исследований. Он пересказывал мне всё, что его особенно заинтересовало.

Сергей очень любил поэзию и сам писал стихи. Он написал и посвятил мне тетрадку стихов, к сожалению, в Новосибирске она пропала, и я до сих пор очень горюю об этом.

По воскресениям свободным от занятий мы гуляли, иногда выбирали вечера и в будни. Сергей принёс мне в подарок маленькие шахматы,

которые укладывались в карман, и начал меня учить игре в шахматы. Он сам был неплохой шахматист. В основном он играл со своим большим другом – Борисом Никитиным.

Настала весна, сессия, потом каникулы. Галочка с мужем решила поехать на две недели в Сиверскую (деревня близь Ленинграда). Моя сестра была художница, хотела писать этюды. Она пригласила меня с Серёжей поехать вместе с ними. Предложение было, конечно, принято, и мы вчетвером отправились отдыхать. У Сергея был маленький фотоаппарат с кассетами, и он много снимал. Есть снимок, где Галочка, её муж и я стоим на мостике, и у меня в руках большой букет ромашек. Вообще, ромашек в полях было много, и Сергей говорил, что я сама похожа на ромашку.

Спали мы все в одной избе. Сергею Галочка отвела место за печкой. И вот как-то лёжа по лавкам, мы шёпотом разговаривали с Галочкой. Она проговаривала программу моей жизни. Вдруг послышался голос из-за печки: "А что вы со мной собираетесь делать?" Это так было наивно сказано от всего сердца и так неожиданно, что все засмеялись. Галочка уверила, что для свиданий времени хватит.

Возвратясь в Ленинград, мы с Серёжей проявляли и печатали снятое в Сиверской. Это происходило в маленькой кладовке напротив наших комнат, при красном фонаре. Над нами смеялись о низкой производительности нашей работы, но мы были счастливы.

Осенью начались занятия в университете и в

студии. Мы старались выкроить время для лекций-концертов во дворце Юсупова. В маленьком театре, наподобие Мариинского, профессора консерватории просвещали желающую публику. Вход был свободный. Нам были представлены классики и романтики в камерном исполнении.

Мы с Серёжей регулярно, каждую неделю, посещали филармонию.

Вход стоил 50 копеек на хоры на стоячие места. С восторгом прослушали ряд замечательных симфонических концертов с лучшими дирижёрами. Ближе к весне начались белые ночи Петербурга, ну как тут усидишь дома? Сергей уводил меня в Летний сад, к инженерному замку, а в основном на Неву. Он снял меня на гранитных ступеньках у самой воды, и этот снимок любил больше всех. Во время прогулок он читал мне стихи Пушкина, Есенина, иногда Лермонтова. Я помню, затаив дыхание, слушала целые главы из Онегина. Память у Сергея была блестящая. Иногда разводили мосты, и мы до утра не могли попасть домой. Каждое утро перед университетом Сергей, делая большой крюк, прибегал ко мне сказать "доброе утро".

Так дожили до четвёртого (тогда последнего) курса университета. Сергей начал самостоятельно творчески трудиться. Он решил поставленную ему Гюнтером задачу. Результат работы очень обрадовал Гюнтера, и он считал её дипломной Сергея (хотя официально дипломные работы были отменены).

Университетскую практику Сергей проходил на Ленинградском заводе "Электросила", где он неожиданно оказался очень полезным. Он нашёл решение трудной инженерной задачи. Его пригласили работать на "Электросилу", однако после университета Серёжу распределили в сейсмологический институт АН СССР. Он мне неоднократно говорил, что боится не справиться с работой, и что его могут выгнать. На самом деле он под руководством и в соавторстве с прекрасным учителем и человеком В.И. Смирновым писал работы, прославившие его имя. В 24 года Сергей стал членом-корреспондентом АН СССР.

Начав работать, Сергей усиленно стал просить меня выйти за него замуж. Я долгое время отклоняла это, боясь нарушить начавшуюся у него новую жизнь. Кроме того, Наталья Георгиевна была против нашего брака. Я понимала, что она боится за сына с такими данными. Я ничего тогда собой не представляла, увлекалась занятиями музыкой (фортепиано) и имела за душой лишь шесть классов средней школы.

Однако, Сергей всё больше мрачнел и грустнел при моих отказах. Он уверял, что работать творчески не сможет без меня. В конце концов я дала согласие, а 18 мая 1930 года вечером пришла к Соболевым. Меня до дверей проводила моя мамочка. Открыла дверь Наталья Георгиевна и сразу ушла к себе. Я, как помню, вошла в комнату Сергея, где он лежал на диване, закинув руки за голову и страшно волновался, что

я передумаю и не приду. Он вскочил и от радости весь засиял, на лице я видела огромную улыбку, на столе в хрустальном стакане стояла бледно розовая роза, на лампе был новый только что обклеенный абажур Серёжиной работы.

Утром 19 мая мы пошли в ЗАГС Петроградского района. Это был бывший особняк какого-то богача. Помню огромный мраморный камин, бронзовые бюсты и стол, покрытый зелёным сукном. Мы расписались, свидетелей тогда не требовалось. Нас поздравили и дали документы, и мы пошли домой. Дорогой Серёжа говорил мне всякие ласковые слова. В этот день Наталья Георгиевна пригласила маму и бабушку к нам обедать (Галочка жила в Архангельске). Вот так я стала Соболевой.

Недели через две после моего переезда к Соболевым Сергей повёз меня в Харьков, где происходил 1-ый Всесоюзный съезд математиков. Он хотел меня познакомить со своими родными, которые жили в Харькове, и вообще со мной не разлучаться.

На съезде я была потрясена торжественностью обстановки, а главное, как был встречен доклад Сергея. О нём заговорили многие видные учёные. Знаменитый французский академик Адамар сказал: "Я очень заинтересовался вашей работой. Пожалуйста, ставьте меня в известность о следующих Ваших работах". Я была счастлива. Волшебные дни съезда, знакомства, разговоры пришли к концу, возникло много новых мыслей и надежд.

Вернувшись в Ленинград, Сергей хотел отдохнуть. Он решил меня повезти в Петрозаводск, а оттуда махнуть на знаменитый Кивач. Денег было очень ограничено. Взяли на пароход билеты второго класса. Когда доехали на трамвае до пристани, я побежала вперёд, зная по сигналу, что начинается посадка на пароход, но не слышала шагов за собой, а когда обернулась, то увидела Сергея, сидящего на корточках и что-то искавшего на земле. Оказалось, что он выбросил билеты на пароход, зажав в кулаке трамвайные. Мы опоздали. Пришлось доплачивать за билеты "на завтра" и только на следующий день ехать.

На пароходе в общей каюте было душно и многолюдно, как и на палубе. Сергей меня уговаривал есть борщ из плохо вымытых тарелок, я была очень брезглива, и он сердился.

Приехали в Петрозаводск и первое впечатление просто потрясло нас. Огромный храм, раскрытые двери, и на каменных плитах лежало и сидело несметное число людей. Женщины с грудными младенцами, маленькие дети и старики - это всё были "раскулаченные". Сергей сказал: "Уверен, что правительство этого не знает, всё делают местные власти." Но от этого нам было не легче. Пройдя дальше по Петрозаводску, мы встретили одного симпатичного капитана, с ним разговорились, и он помог нам устроиться на ночлег в доме для командированных. На следующее утро мы на грузовике с компанией молодёжи отправились на Кивач. Дорога была волшебная: леса и сочные полянки, на которых

мелькало огромное количество крупных красных ягод земляники. Я потом никогда не видела таких больших продолговатых ягод.

За несколько километров до Кивача услышали страшный шум падающей воды, а когда подъехали к нему, то обомлели. Масса воды обрушивалась и бешено крутилась, разбивая на своём пути большие брёвна в щепки. Сергей был в восторге, я тоже.

Вернувшись в Ленинград, мы переехали от Соболевых в комнату Галочки. Мне было тяжело жить с Натальей Георгиевной. Меня "взяли в дом", а я хотела быть самостоятельной.

Шли дни, недели, месяцы. Семнадцатого августа 1931 года родилась Светлана. Мамы не было, она уехала в Архангельск на роды старшей сестры. Первые два-три дня было тяжело, потом всё наладилось. Сергей после работы помогал мне. Мы вместе купали Свету, но по нашей неопытности вода была чересчур горяча, и Светлана кричала всю ночь напролёт. Я носила её пол ночи, потом вставал Сергей и бегал с ней по комнате, и она засыпала. Так было пока Сергей не купил водяной термометр, и тогда сразу установился порядок. Все трое высыпались. Летом 17 июля 1933 года родилась вторая дочка – Наташа. Я была вынуждена сидеть с двумя детьми до больших холодов на даче, жилплощади у нас не было. Галочка с ребёнком и мамой вернулись в Ленинград. Но вот приехал на дачу радостный Сергей и сказал, что ему дали большую комнату во дворе Академии наук рядом с музеем. Сергей

помогал мне много с двумя детьми, после его работы мы вместе купали их, и он укачивал младшую, громко напевая "Сон по бережку ходил", а потом лазил со мной на чердак и помогал развешивать пелёнки.

Со следующими детьми Сергей уже помогать не мог. Мы переехали в Москву (в 1934 году), и он стал работать в двух институтах, в "Стекловке" и в сейсмологическом. Вскоре его выбрали депутатом Верховного Совета РСФСР. На приеме бывали сотни людей, и приходило бесконечное количество писем. Нам пришлось взять за свой счёт секретаршу.

В 30 лет Сергей был избран действительным членом Академии наук. У нас к этому времени

было четверо детей. После избрания Сергей постоянно твердил мне, что его выбрали в кредит, авансом, что он должник АН СССР и когда-нибудь постарается оправдать звание академика.

В июне 1941 года мы жили в Валентиновке в двух комнатах депутатской дачи. Воскресение 22 июня был погожий солнечный день, и Сергей с детьми пошёл гулять. Через несколько минут они вернулись домой, и на Серёже не было лица. Он был бел как снег, а дети все были перепуганы. Сергей с волнением в голосе сказал: "Война! Гитлер неожиданно напал на нас. Это катастрофа! Война будет длительная, кровавая." Он один из нас понял предстоящее!

Вечером Сергей уехал в Москву, а на следующее утро один из первых был в военкомате, хотел записаться добровольцем. Но его, конечно, не записали. Он отправился в сберкассу и перевёл до последней копейки все сбережения на оборону страны. Надо сказать, что за три недели до начала войны Серёжа получил 1-ую сталинскую премию в размере 50 000 рублей.

В конце июня нас эвакуировали в Казань. Сергей остался в Москве. С нами уехали все видные математики, в том числе директор математического института И.М. Виноградов. Президент Несмеянов назначил Сергея директором "Стекловки". Серёжа к октябрю

эвакуировал всех сотрудников и отправил в Казань всю библиотеку института. По приказанию правительства он и академик Алиханов оставили Москву в последних числах октября.*

Всю зиму 1942 года Сергей тяжело болел. Сначала сыпным тифом, потом заразился от наших больных детей коклюшем. Во время болезни он связал мне большой ажурный платок, а себе – свитер. Детям Серёжа делал изящные деревянные игрушки.

Через два года (в 1943 года) Виноградов захотел вернуться на директорское кресло, и Сергей предложил свою помощь Кикоину в Курчатовском институте. Он проработал в так называемой Лаборатории N 2 одиннадцать лет. С 35-ти до 46-ти лет — лучшие годы для творческой деятельности. В 1949 году Серёжа сломал ногу и лежал в Кремлёвской больнице. И только это время мы могли общаться с ним по 2-3 часа в день. Работа у Курчатова была в "неизвестном мире". Сергей иногда приезжал на очень короткий срок и неожиданно уезжал опять в "неизвестное".

За время пребывания в больнице Сергей написал книгу "Некоторые применения функционального анализа в математической физике" о теоремах вложения и пространствах,

---

* В воспоминаниях С.М. Никольского «Великий Колмогоров» написано: «… Андрей Николаевич и наш директор академик Соболев накануне срочно уехали из Москвы. Вечером 15 октября, им позвонили, чтобы они немедленно явились на Павелецкий вокзал, только с ручной кладью – их ждет специальный поезд…» (см. кн. Математические события XX века, Москва, Фазис, 2003, стр. 353).

которые в последствии были названы "пространствами Соболева". Эта книга является классикой и читается во многих университетах мира. Монография "Некоторые применения функционального анализа в математической физике" возникла в результате обработки курса лекций, прочитанных Сергеем в Ленинградском университете. Записи лекций были составлены слушателями Х.Л. Смолицким и И.Я. Яковлевым, что помогло быстро оформить рукопись.

Основные идеи этого труда относятся к значительно более раннему периоду и отражены в ряде статей, начиная с 1935 года.

Сколько он мог бы написать прекрасного за 11 лет, но долг перед Родиной был выше этого. Над нами "висела" американская бомба! В Лаборатории N 2 он решал важные практические задачи, из которых появился ряд больших теоретических исследований. Так было с задачей о вращающейся жидкости, задачей Дирихле для гиперболических систем. Там же возникли идеи оптимизации кубатурных формул.

После Курчатовского института по приглашению академика И.Г. Петровского Сергей создаёт кафедру вычислительной математики в Московском государственном университете. Сергей за два года создал первоклассную кафедру и был очень доволен местом работы. Но опять идея после войны помочь стране в развитии науки послужила поводом стать одним из организаторов и вдохновителей Сибирского отделения АН СССР.

Я была свидетельницей рождения идей о

создании науки в Сибири. Это происходило в посёлке "Мозжинка" на даче академика Сергея Алексеевича Христиановича. Оба Сергея решили поделиться своими мыслями о создании крупного центра на востоке с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым (соседом по даче Христиановичей). Михаил Алексеевич сразу одобрил и умело, деятельно занялся продвижением докладной записки трёх академиков в Правительство. С Хрущёвым Лаврентьев был хорошо знаком по Украине.

Итак, через всю биографию Сергея Львовича Соболева проходит красной нитью чувство долга перед Отчизной.

III
Сибирь и последние годы

Когда в 1957 году вышло правительственное постановление о создании Сибирского отделения АН, и начали создаваться научные коллективы институтов, Сергей Львович написал во многие города Советского Союза, где жили хорошие математики, и пригласил их в будущий институт. Большинство откликнулось положительно. Имя его и его личное обаяние, честность, справедливость были им порукой. Быстро оформился большой коллектив. Появилась молодёжь – аспиранты. Сергей Львович, будучи директором института, в течение 25 лет занимался исключительно научной тематикой, внедрял новые направления математики и неизменно руководил научным ростом сотрудников. Он не любил заниматься административной работой и если бы не помощь прекрасного человека, члена-корреспондента Анатолия Илларионовича Ширшова, было бы невозможно держать институт на том высоком уровне, до которого он быстро дорос. Анатолий Илларионович был заместителем директора и взял на себя "каждодневную" жизнь института, со всеми финансами и взаимоотношениями сотрудников. В конечном счёте, институт был признан (полномочной комиссией АН), как институт, находящийся " на уровне мировых стандартов". Таким образом, он приблизился к московской "Стекловке".

Сергей Львович переехал в СО АН в 1957

году, когда оно базировалось в самом Новосибирске. Из-за тяжёлой болезни Олега, я осталась в Москве. Больше жила по больницам, чем дома.

В 1958 году, когда Сергею Львовичу исполнилось 50 лет, Московский университет праздновал его юбилей. (Олег в это время почти умирал в Кремлевке.) Когда ему стало намного лучше, я в октябре 1960 года отправилась в Сибирь. За нами приехал Сергей Львович, и мы поездом (четверо суток) добирались до Новосибирска. Сергей Львович очень нервничал и всё время ездил в Москву, Ленинград и обратно. Он прислал ко мне Серёжу, чтобы я не оставалась одна. К нам поступила Антонина Францевна Миленц – тётя Тоня. На Новый 1961 год Сергей Львович опять уехал. Меня пожалела П.Я.Кочина, которая уже жила в Новосибирске, пришла ко мне в гости и мы втроём встретили Новый год: она, тетя Тоня и я. Этот год был для меня особенно тяжёл: начались крупные неприятности с Мешалкиным.

Первую зиму мы жили в трёхкомнатной квартире в Новосибирске, к нам приходили часто наши зятья: Лёва Сабинин и Всеволод Мелехов. Они были у нас и в день моего приезда, 6 октября в день рождения Сергея Львовича. Они принесли шампанское, и мы все пили за новую жизнь.

Наш дом стоял рядом с оперным театром, и мы несколько раз за зиму были на операх и концертах (филармония находилась в том же здании театра). Ходили без верхней одежды,

чтобы в антракте бегать домой, смотреть, как себя чувствует Олег, спит ли?

Летом 1961 года мы переехали в Академгородок в четырёхкомнатную квартиру с двумя балконами, во дворе Морского проспекта.

Когда Сергей Львович работал, он придерживался очень строгого режима. Рано вставал, в 9 часов он уже сидел за своим письменным столом в кабинете и работал до 13 часов. Обедал и сразу уходил пешком в Институт (30 минут ходьбы). И только в старости (когда заболел) начал пользоваться машиной. К ужину из института, он возвращался тоже пешком. Лаврентьев собирал каждую неделю президиум, на котором обязательно бывал Сергей.

С самого начала между Михаилом Алексеевичем и Сергеем Львовичем начались трения. Михаил Алексеевич захотел быть диктатором над всеми академиками, а Сергей Львович считал себя равным, и в дела своего института его не допускал. Сергей Львович была такая "фигура", что Лаврентьев справиться с ним, как с другими академиками, не смог, и Сергей пересидел его в СОАНе.

Вечерами Сергей Львович часто уходил в гости, а когда бывал дома, занимался с Олегом. Олег любил паять. В воскресенье, отец с сыном уходили на море и там, на берегу разводили костёр. Иногда ходили в математический институт, где Олег съедал всё печенье и сахар, которые Лидия Михайловна берегла для кофе гостям Сергея Львовича. А к нему приезжало

много гостей из разных городов Союза и из-за рубежа. Лидия Михайловна Крапчан была референт-секретарь, верный помощник Сергея Львовича и Анатолия Илларионовича.

В Сибири, Сергей Львович начал работать над кубатурными формулами. Идеи работы родились в Курчатовском институте. Сергей Львович провёл за разработкой и решением кубатурных формул 15 лет. В 1974 году книга в 800 с лишним страниц была издана. Введением в кубатурные формулы, служили главы функционального анализа. Монография "Кубатурные формулы " была переведена на английский язык и издана в Лондоне, в издательстве Гордон и Брич. После смерти Сергея Львовича, "кубатурные формулы" были расширены материалом его учеников и изданы в соавторстве с профессором Владимиром Леонтьевичем Васкевичем. Редактором был профессор Марат Давидович Рамазанов. Этот новый вариант книги был также переведён на английский язык и издан в Голландии, в издательстве Kluwer.

Сергея Львовича постоянно приглашали во все страны Мира. Он ездил в Америку, в Китай, Японию, Индию, Корею, Иран, не говоря уже о государствах Европы. О наших совместных путешествиях смотри мою книгу "Дневник моей жизни".

И когда в начале 1962 года в СОАН была организована лотерея картин, пожертвованных художниками Новосибирска (вырученные деньги

были переведены в оргкомитет III Всемирного Женского Конгресса в Москве) Сергей Львович купил 25 билетов и не выиграл ни одной картины, а И.Н. Векуа купил только 2 билета и выиграл лучшие картины. Сергей Львович был огорчён. Художники подарили ему натюрморт, который висит и сейчас у нас на даче, в комнате Серёжи. Сергей Львович был азартным человеком. В свободные минуты жизни любил играть в винт.

В этом же году в Академгородке был открыт Новосибирский университет. Ректором был назначен академик Илья Нестерович Векуа. Первую лекцию в день открытия университета прочитал Соболев. Илья Нестерович знал, как мастерски, прекрасно и с каким большим подъёмом читает лекции Сергей Львович. Он всегда очень тщательно к ним готовился. Сергей Львович возглавил кафедру дифференциальных уравнений. Он многие годы читал полный курс лекций и сам принимал экзамены. Последние годы жизни в Сибири он предпочитал спецкурсы, которые слушали не только студенты старших курсов, но и аспиранты, и научные сотрудники института математики. Сергей Львович написал учебник «Уравнения математической физики», который выдержал пять изданий. Последнее пятое издание вышло после его смерти в 1992 году под редакцией академика Арлена Михайловича Ильина.

В 1962 году известный немецкий режиссёр документальных фильмов Андрэ Торндайк, предложил Сергею Львовичу, как одному из

организаторов СОАН и, как он считал, "флагу" этого нового города науки, быть главным действующим лицом в фильме "Рождение сибирского города науки". С этой целью Андрэ пригласил нас с Сергеем Львовичем в Потсдам, где находилась киностудия "Дефо" и где жили сами Торндайки. Сергей Львович вылетел на сутки раньше меня, чтобы вместе с Торндайком обсудить сценарий и рассказать об идейной стороне организации науки в Сибири. Когда я прилетела на аэродром в Берлин, меня встретил Сергей Львович с большим букетом гвоздик и Андрэ Торндайк с букетом чайных роз, а также Манфред Краузе, ассистент и правая рука Торндайка. Манфред отлично говорил по-русски, так как он окончил режиссерский факультет ВГИК'а в Москве. Прежде, чем приступить к съёмкам, Торндайк предложил нам познакомиться с ГДР. Путешествие было чрезвычайно интересным. Мы посетили не только города, но и маленькие селения, как правило, очень старинные, относящиеся к средневековью. Сергей Львович выучил текст на немецком языке. Торндайк заранее сделал макет будущего Академгородка. Фильм многократно демонстрировался в Германии и имел очень большой успех. Второй фильм с участием Сергея Львовича носил характер научной беседы между Соболевым, Стейбеком (физик) и Торндайком. Вскоре Анель (жена Андрэ) решила поставить фильм по своему дневнику. Он так и назывался "Дневник немецкой женщины". Среди избранных оказался и Сергей

Львович. Его снимали в Академгородке, при ярком солнце, в 40 градусов мороза, на фоне чёрной стены торгового центра, среди глубоких сугробов голубоватого снега, в темно-коричневом пальто. Анель получила за этот фильм премию. В конце октября 1962 года, к нам в гости, на две недели приехала моя мамочка. Она похудела и была бледна. Я хотела её показать врачам, но она наотрез отказалась, сказав, что это она сделает в Москве. В нашей постоянной переписке она не жаловалась на своё здоровье. В начале марта 1963 года мы получили от главного врача Академической больницы уведомление, что мама лежит у них в стационаре с диагнозом рак кишечника. Мы сразу вылетели в Москву. Олег в первый раз сел в самолёт, но дорогу перенёс прекрасно. Я два раза в день ходила к мамочке в больницу. С операцией тянули (из-за возраста) и 15 мая, мамочка умерла у меня на руках. Сергей в это время был в Штатах и вернулся после похорон. Он не знал, что она умерла, и привёз ей флакон французских духов. Он был очень удручён её кончиной и жалел меня. Со смертью мамы невольно вспомнили смерть Наталии Георгиевны (13 июня 1954 года). Сергей очень любил свою мать и долго был безутешен.

В шестидесятых годах во Франции по инициативе профессора Моруа был организован институт жизни. Это своеобразное научное учреждение не имело определённого штата работников. Организационный комитет состоял из самых крупных учёных с мировым именем. Туда

входили физики, химики, биохимики, физиологи, иммунологи, генетики и другие медико-биологические специалисты. Были приглашены и математики: академики Лихнерович и Соболев. Институт жизни существовал и существует поныне на частные пожертвования крупных меценатов Франции и других капиталистических стран. В самом начале базой института была квартира профессора Моруа в Париже. В настоящее время институту жизни был предложен замок в Цюрихе. Оргкомитет собирался в какой-нибудь капиталистической стране для определения проблематики предстоящей на следующий год конференции, приглашения с докладами конкретных учёных, работающих в данной области и присуждения премий за выдающиеся работы. Так и шло чередование: год работал оргкомитет, на следующий год созывалась конференция. Первая премия была присуждена Селье. Первые конференции проходили во Франции, потом и в других странах. Таким образом, Сергей ежегодно выезжал в институт жизни. Первая конференция состоялась летом 1964 года. На первой конференции в Версале была и я, профессор Анри Поликар, узнав об этом, пригласил нас с Сергеем Львовичем в гости, на пятичасовой чай. Жил он на улице Бонапарта. Серёжа сказал, что хорошо знает этот район, однако оказалось, что улица Бонапарта очень длинная, а номер дома Поликара в самом конце. Времени оставалось до пяти часов мало, и мы побежали. Открыл нам сам Поликар.

Познакомились, и началась беседа, в основном с Серёжей о политике. Ко мне вышла мадам Поликар. Через некоторое время она привезла столик на колесиках, и мы пили чай. Поликар был очень живой, разговорчивый и всё время подчёркивал, что рад знакомству с Соболевым.

В 1963 году в Академгородке собрался советско-американский симпозиум по дифференциальным уравнениям с частными производными. Приехали знаменитые американские ученые: Бергман, Курант, Мори, Ниренберг, приехала и талантливая молодёжь: Лакс, Мозер, Нэш, Финн и другие. Симпозиум был очень насыщенный и интересный. Сергей Львович делал доклад и не пропускал ни одного выступления участников симпозиума, вел приватные беседы, участвовал во всех дискуссиях. У нас дома было два приёма американцев. На первом были пожилые американские учёные, во главе с Курантом, и наши маститые учёные. Был "точный" ужин и опять научные беседы. Второй раз, я устроила приём по-американски: освободила комнаты для танцев, была радиола и холодные закуски, сласти и в большом количестве фруктовые воды, было и вино. Всё это стояло на отдельных столиках. Американская молодёжь веселилась, Лакс снял ботинки и в одних шерстяных носках танцевал несколько часов подряд. Мне потом рассказывали, что это был лучший приём гостей в Академгородке, совсем как в Штатах.

В 1963 году к Сергею Львовичу приехал из

Праги известный чехословацкий математик-профессор Иво Бабушка. В продолжительной беседе оба пришли к заключению, что научное сотрудничество между нашими и чехословацкими математиками приведёт не только к развитию математики в целом, но и к росту научных кадров, на последнем особенно настаивал Иво Бабушка. У нас в Сибири этот вопрос стоял как наиважнейший. М.А. Лаврентьев создал специальную школу для детей, одарённых к математике и физике. Большое число оканчивающих физ-мат факультет университета пошло в научные институты и в аспирантуру. Сергей Львович очень положительно отнесся к сотрудничеству с Чехословакией и к дружбе математиков наших двух стран. В беседе участвовала и горячо поддержала сотрудничество профессор Вера Николаевна Масленникова. Вскоре выработали основную проблематику: "Применение методов функционального анализа и теории функций к задачам математической физики и вычислительной математики". Решили собирать совещания-конференции каждые 2-3 года, по очереди в обеих странах. Это сотрудничество продолжалось около 25 лет (1963-1989гг).

Первая конференция в 1965 году по "дифференциальным уравнениям и их приложениям" была созвана в Москве, в Математическом институте им. В.А.Стеклова АН СССР. Официальное решение АН СССР о научном сотрудничестве наших двух стран было

принято в 1964 году в Москве. С.Л. Соболев был избран бессменным председателем Оргкомитета. Всего прошло 10 конференций; 5 из них в Советском Союзе и 5 в Чехословакии. У нас - в Москве, в Новосибирске, в Алма-Ате, в Ереване, в Седово на берегу Азовского моря. В Чехословакии - в Тупадлах, в Праге, в Смоденнице, в Бехкане и Старой Туре. Иво Бабушка участвовал в сотрудничестве до 1968 года. Потом уехал в США. Организаторами с чехословацкой стороны были чехи Алоис Куфнер и Иржи Тауфер, словаки Брилла Йозеф и Михал Гречуш. С советской стороны - С.Л. Соболев, В.Н. Масленникова, С.М. Никольский, Р.А.Александрян, С.В. Успенский, И.В. Скрыпник, У.М. Султангазин. Сергей Львович принимал участие в 8 конференциях. Из-за тяжёлой болезни, на двух последних он отсутствовал.

В 1981 году конференция была организована академиком Армянской АН Р.А. Александряном. Она проходила на базе научного института вблизи Еревана. Рафаэль Аранович пригласил меня сопровождать Сергея Львовича, а дочка – Евгения поехала как участница конференции. На первом пленарном заседании чешские коллеги передали Сергею Львовичу, от чешского правительства, большую золотую медаль им. Больцано. Так высоко была оценена его роль в этом научном сотрудничестве.

Все годы жизни в Сибири Сергей Львович занимался общественной работой. Он был избран председателем "Общества Советско-

Чехословацкой дружбы". Общество было санкционировано Обкомом КПСС. Ответственным секретарём общества была назначена Галина Денисовна Чернова, очень активная женщина, прекрасный организатор. Она очень уважала и любила Сергея Львовича и взяла на себя всю черновую работу и только иногда приезжала к нему за советами и с отчётами. Она вела обширную переписку между Новосибирском и Прагой. С помощью коллектива преподавателей промышленного техникума, она создала в Новосибирске музей "Советско-Чехословацкой дружбы". Торжественно открывал его Сергей Львович. Галина Денисовна принимала и сопровождала в математический институт к Сергею Львовичу делегатов из Чехии. Мы с Сергеем Львовичем неоднократно принимали в Малом доме учёных правительственные делегации из Праги. Заместителем Сергея Львовича был Александр Фёдорович Никифоров - профессор нашего института. Он тоже принимал участие в приемах. Правительство Чехословакии наградило Сергея Львовича золотым и серебряным орденами "За прогресс науки и человечества". Золотой орден был вручён в Праге, серебряный был передан президентом АН Марчуком. В старости, тяжело больной, Сергей Львович не смог ехать в Чешское посольство в Москве.

В конце 60 годов, в институте математики был впервые сделан машинный перевод о жизни американских индейцев, племени Майа. Немецкие учёные просили Сергея Львовича приехать в

Дрезден и рассказать об этом переводе. Сергей Львович немецкого языка почти не знал. Жена одного немецкого профессора сделала ему перевод с русского языка на немецкий. Он бойко прочитал доклад и все восторгались его "берлинским" произношением. В конце доклада Сергея Львовича попросили объяснить одну из иллюстраций, где "языческое божество пожирает своё детище". Сергей Львович не растерялся и громко сказал: "Der Gott frist" дальше у него не хватило слов. Весь зал смеялся и аплодировал.

В 1968 году 6 октября Сергею Львовичу исполнилось 60 лет. Была организована международная конференция по дифференциальным уравнениям в честь юбилея Сергея Львовича. Оргкомитет конференции, его ученики и сотрудники устроили торжественное заседание, которое продолжалось около пяти часов. Были поздравления, чтения адресов (их было более 90), подарки на столе президиума закрыли там сидящих. Затем был концерт из любимых произведений Сергея Львовича (Римский-Корсаков, Бородин, Мусоргский). Приехали наши дети: Серёжа, Саша с Таней, Женя с Эриком и маленькой Лялей. Люся жила в это время в Новосибирске. Приехала Татьяна Андреевна Тананаева - мать Саши. На мою долю выпала организация ужина. После концерта всех гостей пригласили в зимний сад Дома учёных.

Начали разносить шампанское, потушили свет, и Вера Николаевна Масленникова выступила с пламенной речью, передавая Сергею Львовичу торт-великан, в центре которого был зажжён спирт и бенгальские огни. Огромное пламя озарило лицо юбиляра. В спортивном зале был накрыт ужин на 300 человек, по типу" шведского стола". Напротив входа был сделан стенд, от пола до потолка, во всю ширину стены. На синем фоне золотом было нарисовано 60 и ветвь лавра. (Было очень много живых цветов). Во время ужина слышались тосты и хвалебные гимны Сергею Львовичу. После ужина дамы и пожилые гости перешли пить кофе в малый зал ресторана. У входа стоял мраморный бюст Сергея Львовича-подарок скульптора Горового. Пылал камин. Пили шампанское. 6, 7 и 8 октября подряд у нас дома были гости.

В 1973 году ученики Сергея Львовича в честь его 65-летия устроили парадный ужин в малом зале дома учёных. Светлана, в это время была в командировке в Новосибирске и за ужином сидела рядом с отцом (есть такая фотография).

Примерно в это же время, Сергей Львович стал редко ходить в гости (лишь на часок по воскресеньям). Все вечера он самостоятельно занимался изучением итальянского языка. Он накупил себе всяких учебников, грамматик и словарей и скоро смог читать по-итальянски.

В 1977 году было 500-летие Шведского университета в Упсале. Были приглашены видные учёные с жёнами. В их числе был Сергей Львович.

На второй день приезда, Сергей Львович, беря ванну и выходя из неё, поскользнулся, упал, и о край ванны сломал два ребра. Первая помощь была оказана в клинике университета Упсалы. Он не смог продолжать программу торжеств. Мы не были на королевском приёме. Король, рядом с которым должен был сидеть Сергей, поинтересовался, где Соболев. Король выразил сожаление. Этот молодой король был внуком короля, который принимал Сергея в Стокгольме. Наше посольство срочно отправило нас в Москву. Сергея Львовича положили в академическую больницу. М.А. Лаврентьев снял с нас право на кремлёвскую больницу. Подробности об этом путешествии см. в книге "Дневник моей жизни".

В 1978 году Сергею Львовичу исполнилось 70 лет. Он от торжественного юбилея наотрез отказался, да и я боялась за его здоровье. У него обострился остеохондроз, начались корешковые боли в ноге. Он мог ходить только с палкой. До этого был в Москве тяжёлый приступ стенокардии. Лежал долго в Академической больнице. Решили собрать симпозиум. Пригласили зарубежных гостей: Ж. Лерэ, Ф. Джона с женой, Сарда с женой и много чехов. К нам приехали дети: Таня с Сашей, Женя, Светлана с Володей. Марчук открыл симпозиум. Вера Николаевна Масленникова передала Сергею Львовичу большой букет роз (70 штук), привезённых из Ташкента и Душанбе. Первый доклад сделал Сергей. На третий день симпозиума, мы пригласили гостей в ресторан

дома учёных. На банкете было сказано о величии С.Л. Соболева как учёного, особенно тепло говорил Лерэ. Через неделю был созван учёный Совет в институте математики, на котором, Сергей Львович рассказывал о будущих направлениях в его работе. Были представители из Горкома. Была Г.Д. Чернова, которая, поздравляя, обняла Сергея и даже прослезилась.

Президент АН ССР Анатолий Петрович Александров представил Сергея Львовича ко второй "Звезде", но Фёдор Степанович Горячев так долго держал у себя документы и представления, что, в конце концов, Сергей получил только "Орден Октябрьской революции ".

В 1980 году была наша золотая свадьба. Сергей лечился от остеохондроза в санатории на Кавказе, а я была в Москве. По просьбе Жени мать Жениной подруги Надежда Фёдоровна Анкудинова прислала мне 50 только что срезанных тюльпанов. Многие были ещё с росой. Надежда Фёдоровна была начальником треста озеленения Москвы. Все мои дети приходили ко мне с поздравлением и подарками (шампанским и конфетами). Дети послали отцу поздравительную телеграмму.

1982 год был годом больших переживаний. Исполнилось 25 лет СОАНу. Сергей, по просьбе президиума, выступил с балкона дома учёных. Вся площадь перед балконом была заполнена народом. Все тепло приветствовали одного из организаторов Сибирского отделения. На следующий день у Сергея Львовича начались

тяжёлые приступы стенокардии. Пришлось из Москвы вызывать профессора Сыркина, который его лечил в Москве. Я привезла из дома престарелых тётю Тоню, а сама полдня сидела с Сергеем, в кабинете заведующего реанимации. Сергей просил пойти меня на торжественное заседание, послушать о награждениях. Он рассчитывал на "Героя". Четыре академика получили ордена "Ленина", а он – ничего!

На следующий год Сергею Львовичу исполнилось 75 лет. От большого празднества он отказался, но была опять организована Международная конференция с очень большим количеством иностранных учёных, на которой Сергей Львович, несмотря на жестокие боли в ноге и спине, делал доклад. В доме учёных мы заказали ужин, приехали математики-ленинградцы. У Сергея уже были признаки "паркинсонизма". Он был угрюм, неразговорчив, больше молчал.

До юбилея академик Боресков был у Коптюга и от имени президиума просил представить Сергея ко второй "Звезде", чтобы исправить ошибку 1982 года. Коптюг запротестовал. Так "наследие", оставленное Лаврентьевым, продолжало действовать. Лаврентьев из-за нежелания быть на равных, Коптюг из зависти к огромному таланту Сергея.

Осенью 1988 года мы переехали в Москву. Институт Сергей передал Годунову. А Сергей Львович в конце жизни опять вернулся на работу в Математический институт им. В.А.Стеклова АН

СССР.

Он ходил в "Стекловку", на семинар Никольского-Соболева. Я его сажала в машину, а в "Стекловке" его встречали, обратно наоборот. Там его сажали и мне звонили по телефону, и я ждала у подъезда. Он уже плохо понимал математику, очень уставал, и скоро эти поездки прекратились. Первые два лета он отдыхал в "Узком". С трудом доходил до первого пруда, где было "утиное царство". Он очень любил смотреть на уточек. Я ездила к нему в гости, особенно часто его посещала Люся. Последние два лета он уже не мог самостоятельно жить, и проводил время со мной, на даче в "Мозжинке". Там он сидел на открытом балконе. Раз в день мы под руку ходили по дорожке, от крыльца до ворот. У меня всегда с собой был стул, так как он мог устать по дороге. У калитки он отдыхал, и мы смотрели на нашу "рябинку". Обратный путь был ему труднее. Спал он беспокойно и плохо. Помногу раз звал к себе. Одно время у него начались приступы бронхиальной астмы, как потом выяснилось аллергия от противокомариной мази. В конце августа 1988 года мы с ним лежали в академической больнице, по поводу его бронхопневмонии.

В этом же году 6 октября ему исполнилось 80 лет. К нам домой пришли многие учёные, во главе с Марчуком. Он тогда был президентом. Поздравления Сергей Львович принимал сидя в кресле. Потом мы его уложили, и Светлана осталась сидеть около него, а я гостей пригласила

на праздничный завтрак. На следующий день пришли Серёжины ученики и сотрудники, и он захотел с ними посидеть за столом. Он был очень тяжело болен, худ и медленно, с большим трудом двигался.

За две недели до Нового года, во время лечебной гимнастики, он кратко потерял сознание, повис у меня на руках. Он мгновенно пришел в себя и посмотрел на меня большими ярко-голубыми глазами и на мой вопрос: "узнаёшь меня?", сказал: "ну конечно". Случился повторный безболезненный инфаркт. О первом мы узнали из кардиограммы. Тогда несколько дней у него кружилась голова. В "неотложке" поехали в реанимацию, туда меня не пустили. Через 4 дня его перевели в палату, и я начала за ним ухаживать. В пятницу на той же неделе у него начались резкие взмахи рук и ног и т. к. на субботу и воскресенье на весь этаж оставался один врач, Сергей согласился опять лечь в реанимацию. Провожая, я услышала от него: "До понедельника". Он хотел быть со мной, но инфаркт захватил новые области сердца и его оставили в реанимации. В субботу на следующей неделе, он потерял сознание и со второго на третье января скончался в 2 часа 40 минут ночи.

Посмертно он был награждён золотой медалью им. Ломоносова за 1988 год. Его высоко ценили учёные всего мира. Он был избран:

1. Во Французскую Академию Наук.
2. В Национальную Академию Dei Lincei в Риме.
3. В Берлинскую Академию Наук.

4. В Эдинбургское Королевское общество.
5. Почётным доктором Карлова Университета.
6. Почётным доктором Университета им. Гумбольта.
7. Почётным доктором Высшей школы Архитектуры и строительства Веймара.
8. Членом американского математического общества.
9. Почётным членом московского математического общества.

В письме, написанном мне Александром Даниловичем Александровым после смерти Сергея Львовича, говорится, "что я должна быть счастлива, что всю жизнь была рядом с этим великим человеком".

ВОСПОМИНАНИЯ НАТАЛЬИ ГЕОРГИЕВНЫ, МАТЕРИ СЕРГЕЯ ЛЬВОВИЧА

"Воспоминанья предо мной свой длинный развивают свиток"

В сущности еще рано мне писать воспоминания .... Думается что посвятить им нужно закатные дни, когда уже ничто не привлекает в настоящем, когда насыщен инстинкт жизни, когда чувствуешь себя далеким и чуждым всему, и одновременно с тем как в мутных глазах старости меркнут и блекнут краски окружающей жизни, прошлое все чаще тревожит память и кажется, что там давно – все было иное интересное настоящее.

Это переживается многими стариками, и оценка прошлого нередко бывает пристрастной: все события приобретают более грандиозные размеры, люди вырастают до героев и с уст рассказчика срывается тогда ... «Да были люди в наше время, могучее лихое племя, богатыри не вы»... Но зато тогда чаще от таких воспоминаний веет искренним энтузиазмом, влюбленностью в прошедшее.

Как будто еще рано вспоминать ... и в то же время мне хочется заняться прошедшим быть может оттого, что условия моей теперешней личной жизни (почти полное одиночество) и профессия оставляют в душе много зияющей пустоты. От моего "мертвого" настоящего тянет в

живое прошлое... То время, которое мне хочется вспомнить охватывает около 10 летний период моей жизни наиболее богатый событиями, уже с тех пор много прожито и еще более пережито.

У меня было безрадостное детство. Отец – военный чиновник после упразднения интендантства в Харькове переведен был в Москву, а так как нас было 7 человек детей (старший брат скоро умер), жалование отец получал небольшое, то и решено было, что мы с матерью остаемся в Харькове где у нас был свой дом, а отец уедет. В течение 10 лет мы видели его лишь во время отпуска и командировок и были всецело на попечении матери – женщины умной темпераментной, но мало образованной и необыкновенно жестокой, властной. Больно перебирать все ужасы, которые приходилось переживать нам... Но у меня сложилось убеждение, что многие свойственные мне черты, больное самолюбие и пр. выросли как протест против угнетения, постепенно развились на почве неправильного воспитания.

В семье же и начало моей революционности. На квартире у нас жили студенты, которые нередко вмешивались в наши семейные драмы, защищали нас малышей от суровых взысканий. И как протест против угнетения они меня выучили грамоте и дальше, когда я подросла, постепенно ввели в круг "прекрасных, но запретных тогда идей и переживаний, снабжая книгами, развивая беседами. Я оказалась особенно восприимчивой ученицей и вскоре же объявила форменную войну

не только матери, но и отцу, которого нежно любила и который вернулся, когда я была уже в 7 классе гимназии. Я перестала ходить в церковь, уходила на собрания (в кружки) приглашала к себе для чтений и собеседований "политиков" – членов партии и т.д. Завела знакомство с рабочими, принимала у себя.[1]

В гимназии я вела себя так предосудительно, что была близка к исключению. Спасло меня только прошлое: я очень хорошо училась и несмотря на живость не любила шалостей с педагогическим персоналом и была с ним в прекрасных отношениях. Постоянно при всяких ревизиях из округа, при посещении важных особ и т.д., когда нужно было показать успехи учениц, я вызывалась к доске и помнится не подводила своих педагогов. Практиковавшиеся в то время в казенных гимназиях грубые издевательства и шалости (всадить булавку в сиденье кафедры) приводили меня к негодованию, я всегда активно противодействовала подобным мерзостям. Среди учителей были конечно и не первоклассные педагоги и люди «в футляре», но особенно черносотенных и злых не было. Так учитель физики, я помню, приводил нас в восторг тем, что преподавая по несколько расширенной программе, подчеркивал, что и женщине надо учиться и надо также знать что и мужчине. Это казалось нам верхом либерализма. Сколько раз я

[1] Правда я тогда отличалась бойкостью и смелостью, часто я спрашиваю себя теперь, что сделалось со мной: ни уверенности в себе, ни былой смелости нет и в помине.

получала за поведение, за то, что улучив момент, когда классной дамы нет по близости, я забрасывала его вопросами, просила достать ту или иную книжку, часто даже и не по физике – отказа не было. Хотя это было и небезопасно для него, так как разговаривать с ученицей в отсутствие классной дамы не рекомендовалось ни той ни другой стороне, а приносить, например, книжки по истории культуры, или жертвовать на пострадавших студентов было и того предосудительней и могло повлечь выговор и прочие неприятные последствия со стороны начальницы или директора.

Помню я как-то написала ему восторженное письмо о том, какой он необыкновенный педагог и как ему признательны мы за русскую женщину, за все, что он делает для нас. Письмо я несколько дней носила, пока удалось его как-то сунуть без шпионок, как мы часто называли наших классных дам. Вероятно, послание мое произвело сильное впечатление на него. Когда я вскоре после этого встретилась с ним, он с волнением сказал: знаете госпожа Раскина (госпоже этой было тогда 15 лет), что такое письмо вознаграждает меня вполне за все труды, неприятности и огорчения, которые связаны с моей профессией. Любопытно, что когда я приехала на каникулы, после зимы прожитой в Петербурге, и пошла в обсерваторию к нему, чтобы поделиться своими впечатлениями, я была грустно разочарована. Он показался мне обыкновенным, провинциальным с оттенком даже некоторой пошлости, правда добродушным.

Во всяком случае, по сравнению с тем, что я переживала дома, пребывание в гимназии для меня было настоящим раем, и совершенно искренно как тогда, так и теперь, как в период моего наибольшего протестанства, так и в период более зрелого и объективного отношения к прошлому мне хочется сказать "Наставникам хранившим юность нашу, не помня зла за благо воздадим"... Кроме одной! ее я вспоминаю каждый раз с неприязненным чувством. Но об этом дальше.

Начиная с 6-го класса, как я уже упоминала, я оказалась на крайнем левом фронте, в кружках наших (смешанных по составу, гимназистов, гимназисток и студентов), начав с критиков: Писарев, Добролюбов, как тогда полагалось по всем программам для самообразования, мы перешли к историческим письмам Лаврова, к прогрессу Михайловского и, наконец, к Бельтову. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Кружок наш распался, мои гимназические товарки начали увлекаться танцами, туалетами, и я осталась одна, так что читала Бельтова уже не в кружке, а вдвоем с первокурсником студентом. Читали долго с конспектом, часто останавливались, нередко спорили. Но впечатление произвела на меня эта книга неотразимое. Прочитав ее я всем своим существом примкнула к марксистам как тогда говорили и с пламенностью неофита начала стремиться к активному участию в нелегальной работе. Но мечтам моим не скоро суждено было

сбыться. У одного из членов нашего кружка я познакомилась с рабочим М.И. Он уже был как тогда говорили сознательный и спропагандированный. Мы с ним быстро нашли общий язык (несмотря на разницу в положении, он стал бывать у нас в доме (к великому ужасу моих родителей), приносил иногда нелегальную литературу для чтения и для хранения, и мы уже собирались организовать кружки на одном из заводов, причем я должна была выступать в качестве пропагандиста. Одновременно я познакомилась с другим рабочим, жившим в нашем доме, и имея возможность часто заходить к нему (я хорошо знала его жену), я его всячески старалась заинтересовать, давала ему литературу, книжки о положении рабочего класса на западе, о профсоюзах, иногда нелегальные брошюры. Мы собирались подобрать еще несколько рабочих для образования кружка. Но тут вышла заминка. Один из моих "просветителей" (врач) член социал-демократического комитета в Харькове застал у меня раза два этих рабочих, по намекам догадался в чем дело и вскоре явился для "вразумления". Мне было сказано с полной определенностью, что гимназистке полагается пока что учиться, учиться и учиться, а все мои планы приведут к тому, что меня арестуют, исключат из гимназии, это может сломать все жизнь, а толку будет мало. Было мне грустно и больно, но я не могла не сознавать, что я еще слишком малый деятель. Сейчас вспоминаю об этом с чувством глубокой признательности по отношению к мудрому моему советчику, с

которым я иногда не ладила. Он был скептического склада человек и любил меня иногда поддразнить - а я была горяча тогда порядочно. Пришлось мне сократиться и с горя я весь запас своих сил и времени употребляла на чтение. Читала много по истории культуры, по политэкономии, по социологии. В 8-м классе к тому же весь год у меня были уроки: я уже мечтала о курсах и потому занималась первоначальным накоплением, да и гимназическая учеба требовала много времени (у меня было 3 специальности) – нужно было кончить хорошо, чтобы обеспечить поступление без препятствий тем более, что в 6-м и 7-м классах я почти ничего не делала, жила старыми запасами, да тем, что успевала прочитать наспех на переменах. Только сочинения я писала с увлечением и русскую литературу не забрасывала: С учителем литературы у меня было лишь одно столкновение. Как-то раз задано нам была сочинение на тему: "Характеристика быта и нравов по комедии Недоросль". Не помню точно сейчас, что я такое там написала, но когда начали раздавать сочинения с оценкой, по поводу моего было сказано, что сочинение недопустимое в стенах гимназии, что оно годится для какого либо сатирического журнала, что вообще такое писать нельзя и пр. и т.п. Классная дама меня также долго отчитывала, в конце концов в клетке журнала против моей фамилии появилась 3. Я была очень взволнована и огорчена. Слух о моем сочинении разнесся сразу по всей гимназии, ученицы других

классов просили дать прочитать, кто-то его зачитал и я его назад не получила.

С законоучителем у меня были бесконечные конфликты и споры, на его глазах я "пала", а он мне этого не хотел простить. На беду был он академиком и любил всякие богословские рассуждения. Вначале я принимала живейшее участие в его беседах, задавала ему вопросы, часто очень кстати вспоминала подходящие цитаты из священного писания, словом все было хорошо - потом я резко изменилась, совершенно перестала слушать его разглагольствования, на вопросы отвечала небрежно, а на экзамене так отвечала и так себя вела, что получила 2. Для первой ученицы, которой я была вплоть до 6 класса - это был настоящий скандал, была при этом семейная драма, бесконечные нотации и пр. В это же время я остригла волосы (без разрешения начальниц). Очки я носила по слабости зрения, но то и другое вместе придавало мне настолько "страшный" вид, что перед посещением начальства, попечителя и др. после слов и слов "что мне с Вами делать", меня всегда классная дама отправляла причесываться, и значило это, что я должна была под краном смочить свои непокорные волосы и так их пригладить, чтобы не легко было заметить, что я стриженная, очки меня тоже иногда заставляли снимать, я очень протестовала и мы договаривались с нашей Варваркой (классной дамой) на том, что при устных ответах я должна быть без них, а писать только в очках.

Как теперь припоминаю, последние 2 года

пребывания в гимназии были периодом наибольшего радикализма. Так как я все время готовила себя к революционной деятельности, то надо было закалять себя, чтобы не бояться ни тюрьмы ни каторги ни ссылки. Идеалом моим был Рахметов из романа "Что делать" Чернышевского, и вот началось самовоспитание. Я ела только простые блюда, отказалась от сладкого и фруктов (отдавала свою часть сестрам, чем они были довольны), спала одно время на полу без подушки и матраца, в театр демонстративно одевала косоворотку, а вместо кушака употребляла обычную тонкую веревку. Балам, флирту, романам, процветавшим в наше время, была объявлена беспощадная война. Надо было развить силу воли, не бояться боли и страданий, и вот однажды после заседания кружка решили произвести испытание. Тупой перочинный нож явился орудием искуса, мы пробовали им наносить себе надрезы правой рукой на левой (перед нашими глазами носился образ героя Чернышевского, который спал на гвоздях). Удовольствие было из средних, но мужества для этого у нас хватило. В то время мы много говорили и спорили о женском равноправии и часть из нас были большими сторонницами идей эмансипации.

Помню как я однажды приехала к подруге на дачу (недалеко от Харькова) и мы отправились с ней гулять в поле, чудный вечер в степи с безграничными далями и разговоры о приниженном положении женщины, о том что

надо это все изменить и что мы добьемся лучшего, привели нас обеих в восторженное состояние.

Подруга моя была не менее страстной поборницей женского равноправия и вот мы опустились обе на колени и поклялись никогда не выходить замуж, все время бороться с нашими поработителями и доказать... многое мы хотели доказать. И вот меньше чем через 10 лет я оказалась клятвопреступницей, а еще чрез 10 лет я уже стала думать, что гениальность есть вторичный мужской половой признак, и что роль женщины и в семье и в обществе и в науке не тождественна с мужской.

Подруга моя замуж не вышла, посвятила себя научной работе (физик), но я давно с ней разошлась и не знаю сохранила ли она верность клятве или судьба ее так сложилась. Недавно еще перебирая фотографические карточки, я остановилась на ее изображении: в форме с белым передничком, сосредоточенная, грустная, облокотившаяся на руку головкой, а на обороте прочитала: «другу и товарищу в будущей деятельности». 0 моя юность, о моя свежесть!

Вспоминается мне сейчас еще один эпизод из этого же периода моей гимназической жизни. Часто мы после кружковых чтений говорили о том, что в будущем быть может нам придется итти на фабрику или сесть на землю (еще живы были воспоминания об эпохе хождения в народ), как хорошо было бы попробовать теперь же свои силы.

Сказано сделано.

В селе Циркуны в 15 верстах от Харькова у нашей матери были знакомые среди крестьян, и мы решили отправиться к одному из них во время страды. Случайно как раз один крестьянин зашел к нам и мы: сама я и еще одна подруга и моя сестра, прямо накинулись на него: возьми нас с собой убирать хлеб. Как он не отнекивался, что мы заморимся, что это трудно и пр., мы ничего и слышать не хотели и так пристали, что ему пришлось согласиться. Он впрочем условился с нами, что туда он нас довезет, но оттуда мы должны сами добираться, так как лошади будут заняты возкой снопов. Мы конечно шли на все условия. Восторгу нашему не было пределов, все 15 верст мы без умолку веселились. Приехали под вечер, нас угостили молоком и свежевыпеченным хлебом и предложили пораньше лечь спать, так как поле далеко и надо пораньше встать, чтобы начать во время работу. Уложили нас в сенях на сене покрытом ряднами, возбуждение было столь сильное, что мы почти не спали, к тому же нас что-то безбожно кусало. На заре мы вскочили и начали собираться в поле, последнее было далеко, пришлось частью ехать, часть идти, а потом ... потом был сплошной конфуз. Вязать снопы нам было трудно, то они были малы, то велики, то вовсе разваливались из-за того, что перевязка плохо скручена, нас учили, учили и все было не так. Жать и еще того труднее, ходить по жнивью босыми ногами (мы старались во всем брать пример с хозяйки) было невероятно больно, мы не могли сдержать слезы, искололи себе все ноги, от

бессонницы и страшной жары разболелась голова, от постоянного нагибания разломило поясницы, а главное, главное мы не могли не почувствовать, что пользы мы никакой не делаем, и что они и нас только терпят и все время приходилось перевязывать снопы заново. Особенно плохо это удавалось мне. Даже поэтический кулеш с пшеном и салом, о котором мы мечтали не развеселил нас. Часа в 3 нас уговорили бросить работу и отправиться в город, тем более что идти надо было пешком, и мы поплелись ... буквально еле дошли, с исколотыми ногами, с исцарапанными соломой руками, о настроении говорить не приходится. С тех пор я не мечтала уже жить в деревне и крестьянствовать, так сильно обескуражил меня первый неуспех.

Перед выпускными экзаменами в 9 классе мне пришлось много заниматься, так как я два последние года мало работала. Правда, я всегда внимательно слушала объяснения, но, во-первых, по ряду предметов у нас еще было от сих и до сих, а затем не всегда было достаточно выслушать один раз, чтобы знать предмет.

Но вот экзамены сданы, курсы, о которых я без конца мечтала обеспечены, так как я получила золотую медаль. Педагогический Совет вставши на мою сторону заставил исправить 2 по закону божьему в шестом классе на 4. В 8 классе я с большим удовольствием занималась педагогикой и методикой, взяв три специальности (русский, история и французский) и имея к тому же уроки, я едва справлялась. Каждый из нас должен был

давать пробные уроки по взятой специальности, а также по методике (так называлось обучение грамматике), после каждого пробного урока его разбирали (достоинства и недостатки) и засчитывали или предлагали еще раз дать. Последнее было в исключительных случаях, так как в 8-й класс шли не все, а более сильные, а также те, кто предназначал себя к педагогической деятельности.

Разбирали сначала ученицы, а заключительное слово принадлежало учителю, так что я сделалась штатным критиком и после каждого урока раздавалось: "г-жа Раскина, что Вы скажете?" Я с большим увлечением отмечала положительные и отрицательные стороны, и так как педагоги мы были аховые, промахов и минусов получалось немало. Помню, с каким старанием я выискивала удачные педагогические приемы, но это мало помогало, так как все это были крупицы по сравнению с ошибками, Но роли своей я до конца не выдержала. Помню как перед одним из простых уроков меня товарки убеждали и просили не находить недостатков, и на мои заявления, что все равно Н.И. все их заметит, мне отвечали «он ничего, только ты не критикуй». Пришлось уступить, и я на все вопросы стала отвечать по шаблону: урок дан хорошо, никаких ошибок я не заметила. Сначала учитель удивленно смотрел на меня, а затем перестал спрашивать и говорил сам, стало скучно и неинтересно. Прошла первая половина года, все ближе и ближе заветная цель – поездка в Петербург. Путем многих

столкновений и сцен, долгих более мирных переговоров и убеждений мне удалось убедить отца согласиться на "продолжение образования" как он тогда говорил. Какие перспективы рисовала я ему, когда кончу курсы, какая у меня будет большая гимназия и пр.... В глубине души я конечно не увлекалась ролью начальницы какой бы то ни было гимназии.

Вспоминается мне из этого времени любопытная сценка. Как-то заявляется к нам одна из кумушек матери с весьма оригинальным предложением. У нее на квартире студенты – очень милые, которые м.б. скоро окончат, получат хорошие места. Пока они ничего не имеют, но не пьют и пр., и вот она по уговору с ними решила выступить в качестве "свахи". У нас было к тому времени 3 небольших дома и кое-какие сбережения – так что имелось приданое, старше меня было еще три сестры. Мать наша условилась с нею, что ближайший праздник она с ними придет и состоится знакомство. Я и теперь помню, какую бурю негодования и протеста вызвало это с нашей стороны, и так как я была моложе всех и еще не окончила гимназию, мне это сватовство угрожало меньше чем моим сестрам, то я решила проучить "нахалов". Долго мы обсуждали, как нам поступить, сначала был план пригласить наших друзей и единомышленников студентов и затем с их помощью принять "незваных" гостей так, чтобы во второй раз у них не было охоты являться, но потом передумали, решили сначала сами поговорить. И вот настал условленный день

смотрин. Со свахой пришли три студента Университета бедно одетых, невзрачных, и к тому же два их них по-видимому не отличались ни особыми дарованиями, ни развязаностью. Третий был довольно бойкий с лихо закрученными усиками, уверенный в себе. Он мне сразу не понравился и с ним я и завела беседу, очень скоро мы уже заговорили по существу, в душе моей еще трепетала клятва бороться за женское равноправие... и я не выбирала слов, не щадила своего собеседника и устроила такую отповедь, что не только мне стало жарко. Я прямо говорила о возмутительных пережитках старины, о том что женщина - такой же человек, что смотреть на нее как на вещь нельзя, что жениться но сватовству преступление для интеллигентных людей, а если тут еще примешивается корысть, то это просто ни на что не похоже и позорит честь студенческого мундира и т.д. и т.д. Родители встревожились, делали мне всевозможные знаки, я умышленно их не замечала, наконец, вызвали меня в другую комнату и прямо и резко опросили: «ты с ума сошла, что ты такое проповедуешь?» – то что думаю и в чем убеждена – был ответ. Женихи были крайне сконфужены, даже бойкий черноусый студент приумолк под моими филиппиками и не возражал. Торопясь выпили по стакану чаю и поднялись. Кумушка и моя мать смотрели на меня испепеляющими взглядами ... но я торжествовала, не успели они выйти за дверь, как раздался марш «понапрасну милый ходишь, понапрасну ножки бьешь»... это играла одна из

нас при смехе и одобрении остальных, второй раз женихи не пришли, а после крупного разговора с родителями затихли разговоры о том, что надо искать женихов и выдавать дочек замуж.

Весной 1899 года наступили тревожные дни. В Петербурге вспыхнули студенческие беспорядки, в ряде университетских городов они сразу же взволновали студенчество, начались сходки, обструкции. Начались волнения и в Харькове. Через знакомых мы получали и листки и устную информацию о ходе событий Мне предложили собирать деньги на пострадавших студентов. Я охотно взялась за это. Нужно было действовать осторожно, не всем полагалось сообщать о цели сборов. Беспорядки правительство старалось как можно скорее ликвидировать и с этой целью, как это обычно практиковалось, надо было изъять наиболее популярных, одним из таких был тогда студент (помнится 4-го курса юридического факультета) Козловский. Его и еще несколько других арестовали и выслали из Харькова. Волнения эти захватили и среднюю школу. Каждый день нам воспитатели держали речи о недопустимости беспорядков, о повиновении начальству, предупреждали, что если замечено будет сочувствие, сборы денег и боже сохрани, проводы высылаемых на вокзале, то без всякого промедления виновные будут исключены. И вот я узнала, что такого то числа в таком то часу на вокзале будут проводы пострадавших студентов. Что было делать? Мне так хотелось пойти, что я

недолго колебалась и решила идти, будь что будет. Так как отправка назначена была на середину дня, то я вовсе не пошла в гимназию. Надо было одеться так, чтобы не выдать себя. "Форму", как называли мы наше гимназическое платье, пришлось оставить. Я надела платье сестры, приглаживала и закалывала при помощи шпилек и гребешков свою непокорную шевелюру и для полной конспирации надела в первый раз в жизни вуалетку. С большим волнением отправилась на вокзал, который находился от нас в расстоянии часа ходьбы. Там было уже много народу, масса студентов, людей неопределенного звания и общества и еще больше жандармов и полицейских. Я торопилась попасть на перрон, так как услыхала в толпе, что поезд уже стоит.

Каков же был мой ужас, когда протискиваясь на перрон, я почти нос к носу столкнулась с одной из наших воспитательниц - как мы ее звали бурбонкой и на обязанности которой лежала главная слежка за всеми нами. Узнала ли она меня под вуалью? По-видимому да (как это будет видно из дальнейшего), но я, конечно, не стала ждать, пока она меня возьмет за руку и прикажет немедленно идти домой, или, что еще лучше, сама меня доставит туда. Быстро я постаралась исчезнуть в толпе. Скоро раздались голоса: "идут, идут", а через несколько мгновений раздались и речи. У меня осталось только общее впечатление от всех этих речей.

Говорилось о том, что надо бороться дальше, что остающиеся поддержат и не дадут

заглохнуть делу правды и борьбы и т.д. Козловского на руках внесли студенты в вагон и слушая его красивую вдохновенную речь, я поняла, почему он был председателем сходок и предводителем студенчества. Помнится, что среди речей была речь одной дамы, которая говорила как представитель общества.

Во время проводов я позабыла бурбонку и все на свете. А на другой день меня ожидали в гимназии большие неприятности и волнения. Не успела я появиться в классе, как была вызвана в залу Варваркой для конфиденциальных разговоров.

- Почему вы вчера не были в классе? Вы были на вокзале провожали студентов? А Вы знаете, что это воспрещено? - и пошла и пошла. - Вы собирали деньги для студентов, ведете себя в последнее время недопустимо. Вы погубили себя, Вам остался какой-нибудь месяц-два до окончания, а теперь Вас исключат и ни на какие курсы Вы не поедете. - Кто еще с Вами в компании?

Последнее меня взорвало. Меня можно испытывать и обвинять в чем угодно, но я не шпионка и отвечаю только за себя! Отпираться от всех своих преступлений было невозможно и я больше отмалчивалась. С своей классной дамой я была знакома уже 8-й год. Я на ее глазах выросла, обычно она многое мне прощала и покрывала, но тут по-видимому ее сильно настроили: нашу слезливую добродушную Варварку была не узнать. Разговор наш закончился тем, что пока ей

поручено со мной поговорить, а потом меня позовет начальница и решится моя судьба.

Когда я вернулась в класс взбудораженная до нельзя - на меня посыпались вопросы: в чем дело? о чем с тобой говорила В.И.? Я решила никого не посвящать и ждать решения своей участи. Мое молчание вызвало недоумение и разговоры, и когда одна из подруг сказала мне: “что ты скрываешь? Уж не о нас ли ты говорила?”, я пришла в такое негодование и отчаяние, что трудно выразить.

Это был первый предметный урок человеческой "дружбы". Вместо ответа я разрыдалась так, что не могла успокоиться: всякие уговоры и извинения не помогали и я все твердила: “Как ты могла это даже подумать. Кто же я в конце концов? ...”

Я сказала классной даме, что не могу заниматься,так как болит голова, и ушла домой. На улице я еще сдерживалась, но выходя на пустошь (мы жили за большим пустырем, теперь уже застроенным на окраине города) я дала волю горю и слезам. Меня охватило такое отчаяние, такая тоска и одиночество, такая горькая обида, что мне захотелось умереть. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не милостивая судьба. Мой просветитель и скептик (о котором я уже говорила) жил недалеко от нас и шел по-видимому в столовую обедать. Встретив меня, да еще в таком виде, он прямо опешил - в чем дело? что случилось? Тут уж я выплакала все свои обиды. Я сказала ему, что жить не буду и не могу.

- Вы только подумайте, что она мне сказала - ведь в переводе на наш язык я предатель – да? Нет, я не могу жить, я покончу с собой, долго бродили мы по полю, долго успокаивал он меня, и говорил: плюньте вы на какую то дрянную девчонку да еще глупую.

- Да, но ведь она моя подруга.

- Ну так что из того, подруга, была подруга, - что же из этого, в жизни придется и не такие обиды переносить. Я туго сдавалась, но, наконец, на вопрос:

- Да что Вы в самом деле? с чьим мнением Вы больше считаетесь; какой то девчонки или с нашим? Будет Вам, ведь не я один знаю Вас и не первый год, а и В.И. (его товарищ по партии) и др. Ну что нужно, чтобы Вам успокоится: ее извинение? так я пойду с ней разговаривать.

Это было уже слишком. Я сказала, что она уже извинилась, но что я не так просто забываю обиды.

- Бросьте, а то что Вы молчали после разговора с воспитательницей – это очень хорошо и вперед так делайте, меньше слов болтовни - больше дела. Вы ведь революционеркой собираетесь быть, так и становитесь ею, - больше мужества и меньше реакции на булавочные уколы.

Я успокоилась в конце концов после этих речей, но обида не изгладилась в душе. С тех пор я как-то охладела к этой приятельнице и несмотря на все попытки к примирению и сближению я замкнулась и долго еще с особым чувством твердила строки Лермонтова: "За все за все тебя

благодарю я: за тайные мучения страстей, за горечь слез, отраву поцелуя, за месть врагов и клевету друзей"....

В течение нескольких последующих дней я ждала вызова к начальнице и решения своей участи. Класс готовился тогда к выпускному балу. И вот, наконец, позвали двух представительниц класса, как было сказано, меня и еще одну, бывшую мою подругу Ш., которая к 8-му классу изменила нашим идеалам, увлеклась искусством, танцами и собиралась на сцену. Разговор был странный и непродолжительный: нам было сказано, что среди студентов наблюдаются инфекционные болезни, особенно скарлатина, и потому нам не разрешается приглашать их на бал, чтобы не заразиться. Мы можем пригласить в качестве кавалеров гимназистов и реалистов... и больше ни звука. Мы сделали реверанс и ушли. Я была в полном недоумении, на бал я, конечно, не пошла, потому, что была против танцев, считая их безнравственными, гимназистки из чувства протеста решили не принимать никого, кроме педагогов - но не помню сейчас, было ли это приведено в исполнение.

Итак, я осталась кончать 8-й класс, потом и позже меня было еще несколько таких же случаев, когда вместо исключения замалчивались вины проступков и не подвергались никаким взысканиям. Частью быть может делалось это с целью не доводить до высшего начальства о таких случаях, чтобы не вызывать нареканий за неправильное воспитание, а частью (и это по-

видимому правильнее) из гуманных побуждений, чтобы не портить карьеры питомицам. Начальница наша имела в сущности всего две слабости: французский язык, которому всяческие старалась нас обучить и хорошие манеры, в частности красивые и глубокие реверансы, которые иногда заставляла делать несколько раз подряд, пока не добьется удовлетворяющего ее. В остальном она, несмотря на свою чопорность и внешнюю строгость, была совсем неплохим человеком....

Со страстным нетерпением ждала я момента отъезда в Петербург. Извещение о том, что я принята в число слушательниц В.Ж.К. (бестужевских) получено было еще летом и можно себе представить, как я была счастлива: Петербург, курсы и вся моя дальнейшая жизнь рисовались мне чем-то необыкновенным, там я увижу людей, там узнаю истинную науку, там, наконец, я смогу отдать все свои силы, если понадобится и жизнь на служение родине, страждущему человечеству. Такого крайнего напряжения, я бы сказала, обострения альтруистических инстинктов, желания жертвовать собою и как можно скорее начать "работу" (т.е. революционную деятельность) я, кажется, не переживала еще. Без особых сожалений уезжала я из Харькова: дом я всегда не любила, по отношению же к окружающим меня людям, иногда и друзьям, я испытывала нередко чувство отчуждения, доходившее порой до неприязни. Мне хотелось видеть абсолютное

совершенство, а в глаза били маленькие человеческие слабости и даже пошлость - получалась мучительная раздвоенность.

Но вот, наконец, и Петербург

Тут будет все совсем совсем иное. Это другое во многих отношениях вскоре оказалось не тем, чего мне хотелось, и к чему стремилась моя жаждущая немедленного подвига душа.

Поступила я на В.Ж.К. как раз в тот период, когда целый ряд популярных профессоров был устранен от чтения лекций: Гровс, Кареев и др.

Курсистки делились на две группы: академисток, живших в значительной части в интернате и революционно-демократической группы. Между ними была пропасть. Среди первой группы было много типичных "барышень", которые по окончании гимназии или институтов не знали, что с собой делать. Это было время, когда поступление в Высшее Учебное Заведение не было преступлением для женщины, а наоборот, было модным. На курсы они вносили настроение и нравы светского салона, увлекались туалетами. Затянутые в корсет, причесанные у парикмахеров, они к университетской науке относились как в средней школе. Жизнь в интернате очень напоминала институтскую: принимать знакомых, студентов и пр. разрешалось в определенные дни и в особой приемной, где одновременно размещались посетители, пришедшие ко многим из них. В комнату, где жили интернатки, вход

мужчинам был строго воспрещен. В 10 часов парадная дверь закрывалась и попадать в интернат нужно было через швейцаров, дворников и т.п. Но несмотря на такие "строгости" "они" жили по своему: процветал флирт, бывали часто в театре, в оперетке (публика была состоятельная, так как за пребывание в интернате нужно было платить порядочную по тому времени сумму. "Они" были в дружеских отношениях с администрацией курсов: директором, инспектрисой и т.п.

Другая часть более радикальная была полной противоположностью: начиная от костюма - традиционной косоворотки, стриженных или гладко причесанных волос. Белый воротничок единственно отмечал праздничный наряд. Жили на частных квартирах. Это разрешалось, если имелись в Петербурге родственники, и при желании всегда можно было найти "тетушку" "старше по возрасту кузину" и т.п. Поступали на курсы не от нечего делать, не из-за моды, а оттого, что искали знаний, иной жизни, возможности работать и быть полезной народу, родине.

Эти две группы были антагонистичны и по мировоззрению и по поведению на курсах. Между ними были конечно переходные.

Учебный год начинался торжественным молебном с многолетием царствующему дому - само собою разумеется, что мы не ходили на них. Мы разделялись не только во время занятий, но и во время курсовых балов и вечеринок "болезнь юности никогда не знать веса и меры" - Герцен. Об этом я скажу дальше. Разница эта была резче

всего выражена на историко-филологическом отделении, где больше было светского элемента, инспектрисой на курсах была М. - человек во многих отношениях неприятный, среди интернаток у ней была группа любимиц, которым она протежировала, а по отношению к другим была придирчива, излишне требовательна и сыском порядком надоедала свободолюбивым курсисткам. Говорили о ней, что она охотно занимается сватовством и сводничеством, приглашает к себе всяких высокопоставленных стариков и знакомит их с интернатками.

Много за ней числилось всяких грехов и у нас поднялся в конце концов вопрос об ее удалении. Помнится мы решили изложить все ее злодеяния, собрать подписи и подать директору, а также послать в одну из передовых газет, написать поручили мне. Теперь я, конечно, позабыла это свое «литературное» произведение, но помню, что очень оно понравилось моим товаркам, много видно было в нем и искреннего негодования и смелости. Все новые и новые группы читали с одобрением это письмо-протест, и мы собирались уже отпечатать его на гектографе и начать собирать подписи, как вдруг неожиданно совершенно для нас, директор вызвал старосту нашу и сказал, что он знает о нашей затее, знает автора и группу особенно активных и, если мы не ликвидируем начинания, он исключит всю эту группу. Двойное разочарование: эта быстрая полная информация свидетельствовала о том, что в нашей среде имеются доносчики, а второе нужно

было покончить с протестом. Слушательницы старших курсов, меньше связанные с интернатом, настаивали на этом надежды, что за исключенных заступятся все товарищи, было мало. В то время уже шли разговоры и подготовка к общестуденческой демонстрации и размениваться на мелочи "вылетать из-за какой-то М." было нерационально. Было грустной сдаваться, но мнение старших было авторитетно для нас.

Поступая на курсы, около месяца я, помню, металась между математическим и историко-филологическим отделением и не знала куда поступить - посоветоваться было не с кем, я по очереди бегала на лекции то одного, то другого отделения и в конце концов остановилась на историко-филологическом. На математическом, как мне рассказали слушательницы старших курсов, нужно заниматься очень много и то еле успеешь выполнить программу, а когда же я буду читать по общественным наукам, когда же я найду время для смутно рисовавшейся "работы"? Ведь математика, физика, химия, все это так далеко от борьбы за освобождение, а научной карьере я ни тогда ни позже не мечтала.

Вначале я исправно ходила на все лекции, записывала их, но уже в течение первого семестра увидела, что многие из преподаваемых предметов мне и неинтересны и не нужны: богословие, славяноведение и пр. Даже история Греции читалась в объеме гимназического курса. Я с удовольствием слушала логику Введенского (неокантианец), неприятного, желчного,

черносотенного, но очень даровитого лектора. А вообще, среди профессоров и преподавателей моего первого (двухгодичного) пребывания на курсах не нашлось ни одного, который по настоящему заинтересовал бы меня, побудив работать. Я попала в группу неакадемическую, крайне левую, довольно малочисленную. Не находя удовлетворения, я стала искать и учиться на стороне.

В то время проф. Лесгафт помимо курса для своих постоянных слушателей читал так называемый - частный курс для желающих и под видом нормальной анатомии преподавал нам и физиологию и социологию и педагогику. Назначал он свои лекции по утрам с половины восьмого, это был хороший прием, чтобы сразу отсеять индифферентную публику. Как трудно было подниматься в темные туманные утра, с вечера долго засидишься за книжкой, за спорами, но не идти было нельзя. П.Ф. обладал удивительной зрительной памятью: заметит кто когда приходит, как скучает и неожиданно во время лекции остановится, подойдет и начнет вышучивать: “следовательно есть милостивая государыня, проспали (он изображает зевоту) вчера Маничка и Ваничка долго сидели, чай пили, разговаривали, а утром и проспали, да?” Жертва краснеет до корня волос, получить замечание при полной большой аудитории (тут были и горняки и технологи и медики и медички и просто себе вольнослушатели) было очень неприятно. Но опоздать или пропустить лекцию, конечно, не бог

весть какое преступление, а вот придти в корсете (который тогда большинство носило) на лекцию профессора Лесгафта было похуже. Читает П.Ф. о развитии скелета, о развитии брюшного пресса, о желудочно-кишечном тракте, словом о чем бы не читал, притянет к ответу жертву моды: сначала теоретические рассуждения о вреде стягивания и т.п., а потом остановится перед слушательницей, пристально посмотрит на нее своими проницательными, яркими как горячие угли глазами и скажет: «что милостивая государыня, септемсенс следовательно есть (его поговорка)», указывая на талию: "тут тонко", дальше указывая на грудь: "тут толсто", и далее на голову, а тут пусто?" "Ну что ж на рынке требуется, чтобы тут было толсто, а тут пусто?..." И на следующую лекцию является эта жертва уже без корсета или вовсе убегает. Но несмотря на такие шутки аудитория его была всегда переполнена и слушатели его очень любили. Я оба года (до высылки) слушала профессора Лесгафта и уже много спустя, поступив в Женский Медицинским институт я не раз вспоминала его необыкновенно интересный, многосторонний, универсальный, можно сказать, - курс, который он называл нормальной анатомией. Посещала я и гимнастику, преподававшуюся его ассистентами. Собирались мы в Александровском Манеже. С большим увлечением проделывали мы всевозможные упражнения, но больше всего я любила бег. Еще в гимназии не раз простаивала я у колонны на переменах, в наказание за то, что вместо чинного

гуляния попарно, я начинала бегать в перегонки или прямо одна между парами. Продолжалось это до тех пор, пока не заметит дежурная классная дама. «Раскина Вы опять бегаете, сколько раз Вам говорить? Идите к колонне». И стоишь бывало с горькой обидой в сердце всю получасовую переменку на виду у всех. Но настолько сильно было желание побегать, размяться после сидения в классе, что, рискуя и попадая под наказание, я вновь и вновь принималась за тоже.

И тогда и теперь я не могу понять, что преступного было в желании порезвиться и почему это несовместимо было с «хорошими манерами».

Иногда в ожидании занятий по гимнастике мы устраивали состязания в беге, манеж громадный, разойтись есть где, и я часто оказывалась впереди всех курсисток и некоторых из студентов. Один раз я во время бега, сильно разогнавшись, упала и так расшиблась, что не только еле встала, но несколько времени не могла заниматься гимнастикой.

Спорт, физкультура и пр. тогда еще не были так развиты как теперь, но в каком освеженном состоянии с какой бодростью принимаешься после этих занятий за науку.

Хотелось мне все же найти среди профессоров такого, кто помог бы в моих исканиях, но не в области официальной сухой науки (а таковыми по существу были все наши лектора). Мне указали на Семевского В.И. В это время он уже лекций не читал (кажется был

уволен), а работал дома. К нему обращались и за темами для рефератов и за указаниями литературы. Часто он снабжал и книгами желающих, долго я не решалась идти к нему, наконец собралась. Заплетающимся от волнения языком я сказала, кто я и зачем пришла, меня очень интересовали тогда первые революционеры в России. Василий Иванович предложил мне заняться историей декабристов, указал тут же пособия, сказал, где что можно найти. Если будут недоумения и вопросы – заходите, а когда напишите, покажете мне. Он произвел на меня, помнится, прекрасное впечатление, только смутила меня несколько его не то усталость, не то какая то озабоченность. Время тогда было тревожное и трудное и "опальным" профессорам не легко тогда жилось, над "декабристами" я работала с удовольствием, большей частью в публичной библиотеке и когда написала читала ее в кружке своих знакомых бестужевок и лесгафтичек. Показать ее Семеновскому я однако не собралась, так она и лежала у меня до тех пор, пока однажды в ожидании обыска, я ее не подвергла аутодафе.

Постепенно через посредство моих прежних знакомых членов Харьковского комитета, я познакомилась и с питерскими социал-демократами. В первые два года я не принимала участия в работе, правда, я хранила у себя нелегальную литературу, разносила ее по указанным адресам, на квартире у меня устраивали явку, но вот и все. Как ведется

революционная работа, я совершенно не знала и, несмотря на захватывающий интерес, спросить не смела. Часто я разносила пакеты или хранила у себя свертки, даже не зная, что в них находится. В Харькове я была больше осведомлена во всем, но никогда я не роптала. Настолько был у меня силен пиэтет, я так благоговела перед "деятелями" как мы их называли, что меня ни на минуту не огорчало звание "пешки", как окрестили меня тогда приятельницы. Сколько горячих споров было у меня с сестрой и с двумя лесгафтичками, жившими в одной квартире с нами, по поводу этих неожиданно, под новый год или в другое неподходящее неурочное время появлявшихся людей, которые размещались по углам и начинали таинственные разговоры, в которых мы не принимали никакого участия, а веселиться, как предполагалось раньше, конечно не удавалось. Меня упрекали, что это безобразие, что нужно знать, что и для чего делается, тогда и помогать, что ты да и мы для них не существуем как личности и т.д. Особенно одна Э.Д. выходила из себя; она все искала тогда, как она говорила "людей с хорошей душой", а тут к тебе приходят какие-то люди в футляре. Я спорила без конца и говорила, что дело есть дело и если для всякого пустяка хранения литературы и пр. надо рассказать всю и всех родословную, откуда несешь, кому отдашь и т.д. то будет масса ненужных разговоров и еще больше провалов, ищи сначала работы, а с людьми потом сойдешься. Не знаю кто из нас был прав, но Э.Д.

так и не стала в России революционеркой, уехала через год за границу и там, кажется, успокоилась, найдя себе по душе одного человека. С сестрой конфликты на этой же почве привели к тому, что мы разъехались, и я поселилась с одной бестужевкой С.М.

Поручения, которые приходилось выполнять мне в то время, как я уже говорила выше, были несложные, лишь выполнение одного из них врезалось мне в память по своей необычности. Как-то передали мне, что нужно перенести и спрятать на время типографию. Я плохо была осведомлена тогда, что это такое, но так как переносить надо было на себе, то я надела на себя широкую драповую накидку (не помню сейчас откуда я ее получила) и вдвоем с моей приятельницей С.М, мы отправились на прием в родильное отделение Рождественских курсов. В то время из женских высших учебных заведений последние были наиболее революционными по составу слушательниц. Скоро мы разыскали дежурившую там и нужную нам слушательницу, которая и приступила к нагрузке. С порядочным ужасом смотрели мы на что-то крайне тяжелое (по-видимому это были типографские кашни, а может быть и шрифты), связанное в белые тряпки. Это таинственное что-то было уложено в довольно поношенный обыкновенный желтого цвета башлык, который был привязан к моему животу, под платье разумеется. Тяжесть была основательная, с трудом я передвигала ногами, помню, все время мне казалось, что башлык от

старости лопнет и что тогда будет. Претерпев метаморфозу: из обычной первокурсницы, у которой трогательно сзади болталась коса, сделавшись вдруг беременной в последнем месяце после посещения родильного отделения (задумано было остроумно!) мы с С. (Софа Малиновская) со всякими напутствиями спустились со второго этажа и благополучно вышли на улицу. Тревожно озираемся, шпика не видно, но мне так тяжело, что я еле двигаюсь. Извочника нам рекомендовали взять отойдя порядочное расстояние от родильного отделения из конспиративных соображений, и вот мы двигаемся черепашьими шагами. Спутница моя значительно меньше меня ростом, я буквально повисаю у нее на руке и все время думаю вот-вот оборвется мой груз, время от времени она спрашивает меня шепотом "ну как?" мне все кажется, что тяжесть моя спускается все ниже может быть это так и было - башлык растягивался. Хотя бы скорей извозчик - было моим ответом. Но вот мы уже подходим к Лиговке, из-за угла выезжает ванька, и мы без дальних разговоров погружаемся и едем, меня поддерживает моя Софа, я могу облокотиться о спинку пролетки, мне уже становится легче и веселее и если бы не роль, которую я должна продолжать разыгрывать, - я бы смеялась, так интересно и забавно симулировать беременность. Едем далеко на Екатерининский канал, где в комнате у одной лесгафтички (сестры Софы) мы решили оставить нашу ношу, теперь задача прошмыгнуть в ворота, чтобы не увидел дворник.

Слежки за нами нет, так что бояться надо лишь местных врагов. Судьба нам благоприятствует, у ворот никого. Софа расплачивается с извозчиком, а я тороплюсь пройти двор и скорее подняться. Меня волнует этот подъем: идти надо в пятый этаж, с тяжелой ношей это не так просто, но тут мы почти у себя дома - можно и остановиться и посидеть и на подоконнике. Благополучно добираемся с драгоценной ношей, выгружаем ее в комод под белье и ликуем. Сознание, что мы совсем хорошо выполнили поручение, делает нас счастливыми, даже гордыми. Дисциплина так развита, что мы даже не любопытствуем, что там завернуто. С таким же успехом мы могли бы перенести и бомбы и что угодно, потом много было нам неприятностей с этой типографией. Месяца два или три спокойно лежала в комнате наша ноша. Но вот хозяйке комнаты нужно уезжать на лето, а за нею никто не идет. Как раз тогда было много арестов, оставшиеся должны были налаживать работу и восстанавливать связи, а это все не так-то и просто было сделать, понятно, что очередь до нашей типографии дошла нескоро, немало пришлось побегать, пока, наконец, она была эвакуирована.

На старших курсах было тогда несколько человек из Харькова. Естественно, что быстро возникла у нас мысль об организации землячества. Целью обычно являлась взаимопомощь, самообразование и пр., а в конце концов это сводилось кроме организационно-административных заседаний, к устройству

вечеров с отчислением или в красный крест или при наличии связи землячества с кем-нибудь из революционеров, для "нелегальной борьбы", как тогда говорили. Наше землячество оказалось довольно пестрым по составу и объединить всех, как мы мечтали, устроив ряд рефератов по марксистской программе и социализму, нам не удалось. На одном из наших земляческих заседаний я познакомилась и потом несколько раз встречалась с одним горняком Д. Я с большим жаром старалась убедить его в том, что необходимо наше землячество революционизировать, самим учиться социализму, устраивать сборы на нелегальную борьбу и, вообще, связаться с партией социал-демократов. В ответ на мои горячие речи я слышала: в России ничего не выйдет все равно, мы утонули в старых предрассудках, живем сплошь компромиссами, надо уехать в новое место, например, в Америку и там создать новую коммуну. Там будет все иное, а главное там будет свободная любовь. Собеседник мой особенно увлекался разговорами на последнюю тему и в одну из следующих встреч предложил начать собирать деньги на будущую нашу коммуну и настойчиво звал меня ехать с ним. Перспектива уехать из России, которую я так страстно и нежно любила, не улыбалась мне вовсе, а горячие речи Д. о свободной любви меня прямо коробили. Так мы и не поняли друг друга, а когда я узнала, что студент Трика, автор "Сапогов Карла Маркса" - нашумевшего тогда памфлета - его приятель, я прямо пришла в негодование, как он

может быть приятелем такого возмутительного, с моей точки зрения, человека.

В этом произведении высмеивались голые "марксисты", которые становятся прямо фетишистами. Как одна курсистка благоговеет перед парой рыжих истрепанных сапог, которые будто бы принадлежали Карлу Марксу, прячет их у себя как запрещенную вещь и т.п.

Время от времени удавалось попасть на нелегальные вечеринки. Устраивать подобные собрания было довольно трудно, а попадать на них еще труднее: желающих было масса, а частная квартира какого либо человека из общества (инженера, артиста и т.п.) вмещала 100 – 150. Выступали на них в то время "марксисты" и народники, там я видела Туган-Барановского, Струве, Мякотина, Милюкова, Рыжкова, Васильева. Вечеринки эти обычно нас очень волновали и давали материал для многих и многих бесед. Обычно там более открыто высказывалось то, что затушевывалось и о чем можно было догадываться между строк на заседаниях существовавшего еще тогда вольного экономического общества. Нечего и говорить, что меня это все больше укрепляло в марксистских позициях.

Занимались я перед экзаменами неважно, на второй курс я сдала кое-как. Не только богословие, но и латынь, например, сдавали под суфлера. Логику я оставила на осень, чтобы заниматься ею на досуге. Летом в Харькове это мне и удалось.

Домой на летние каникулы я поехала не сразу, с своей приятельницей и еще несколькими студентами и курсистсками, жившими в волжских городах, я решила поехать по Волге. Билет мне достали бесплатный, а по железной дороге (до Рыбинска) давалась на курсах скидка (50%). Поезда до Нижнего, где я останавливалась на несколько дней, вспоминается мне сейчас как сплошной праздник. В первый раз я увидела Волгу, о которой так много слыхала и знала по литературе. Широкая, полноводная (в мае), с зелеными берегами, с прихотливо разбросанными на крутом берегу городами с золотыми куполами церквей, она меня пленила и показалась такой близкой родной, какой не казалась только что покинутая мной закованная в гранит Нева. Ехать было необыкновенно весело - позади и скучные лекции и экзамены, даже "проклятые" вечно волновавшие меня вопросы куда-то уплыли, растаяли под яркими лучами весеннего солнца, заглушены были говором и живым шумом городов, в которых мы считали долгом при маленьких даже остановках побегать, рискуя иногда остаться на берегу. Довольно быстро мы сорганизовали хор и палуба третьего класса явилась центром, куда стали стекаться и слушать наши песни пассажиры 1-го и 2-го классов. Тут были и "Нагаечка" – песня, сложенная после демонстрации 8-го февраля, закончившейся избиением студентов, и незабытая еще и теперь "Дубинушка" и Некрасов: "Назови мне такую обитель" (у парадного подъезда) и "Железная

дорога" его же, и бесконечная о жизни и злоключениях студента с припевом "Черная галка, чистая полянка" и многое множество других и, в частности, малороссийских песен, спелись мы уже раньше на благотворительных вечерах в дворянском собрании, на курсах и т.н.

Публика делилась на две части: «они» во фраках и белых перчатках, дамы в белых платьях, в цветах и в кружевах, танцующие под музыку - и мы в демократических туалетах в одной из боковых комнат или в аудитории повыше, певшие революционные песни и под хлопанье рук танцевавшие лезгинку, на улице мостовой и малорусского гапака.

В промежутках между пением я буквально носилась по пароходу, шутила, смеялась, вообще вела себя, вероятно, как теленок, выпущенный на зеленое поле. Я имела тогда способность популярность приобретать быстро и скоро уже все знали "Наталку" Много лет спустя я встретилась с почтенной седовласой дамой, которая остановила меня словами "Простите, Вы не бывшая Наталка Р. – простите, что так называю, я Вас помню во время поездки но Волге". Она рассказала мне, что один из ее знакомый, студент, бывший также на пароходе, долго спустя все бредил Волгой и все удивлялся, что есть же на свете такие темпераменты как у Наталки. «Да, вскружили Вы ему голову», я даже и не заметила этого.

Я проехала тогда всю Волгу до Астрахани, на всех пристанях выходила смотреть, как работают грузчики, и пыталась познакомиться с

ними ближе, помогать им, но вскоре натыкалась на противодействие надсмотрщиков, которые заставляли меня ретироваться.

Второй год на курсах был для меня богаче событиями. Осенью 1900 г. в г. Харькове были аресты, которым подвергся чуть ли не весь комитет с.д. Произведена была масса обысков, и у нас в доме, и в Петербурге у меня. Жила я тогда на Вас. Острове. Жило нас 4 бестужевки, по две в каждой комнате, расположенных рядом и сообщавшихся между собой дверью. На хранении у меня был тогда порядочный тюк литературы. Почему-то в этот вечер нами овладела какая-то тревога и собираясь спать мы решили тюк с литературой положить в комнате у сестер Д. (как находившихся вне всяких подозрений). Дверь мы закрыли и придвинули к ней комод. Не успели мы заснуть (12 1/2) как раздался резкий звонок. Сколько мне приходилось потом слышать подобные звонки и всякий раз в них было что-то характерно: грубое властное, как звонили только полицейские. Мы услыхали как в коридоре назвали мою фамилию: здесь живет такая-то, где ее комната - и не успели мы опомниться, как к нам ввалились жандармский офицер, околоточный надзиратель, несколько полицейских и штатских в сопровождении дворника. Наши протесты, что мы не одеты и пр., вызвали лишь насмешки, «ничего с вами не сделается, можете и при нас одеться». Негодующие взволнованные мы с Софкой начали одеваться. От холода ли или от волнения, но нас буквально дрожь пробирала. Обыск длился до 4-х

часов, хотя в небольшой студенческой комнатке искать было нечего. Но пока были просмотрены все кофточки, прочитаны все письма (последнее было особенно мучительно), составлен протокол, прошло немало времени.

- А кто живет за стеной?

- Слушательницы Бестужевских курсов.

- Знакомые их, да? Мы прямо замерли: если пойдут туда – мы погибли. Спасибо, хозяйка по-видимому, сообразила и сказала, что они мало знакомы, что дверь закрыта, хотя они тут же проверили, что она не заклеена. Но все же им не пришло в голову, что комод мог быть водружен перед их приходом. С другой стороны, имея предписание из Харькова произвести обыск только у меня, местные власти не очень были склонные усердствовать. В истории революционных движений не раз отмечалось: местные власти желали проявлять инициативу и сами раскрывать преступления, а не руководиться при этом иногородними указаниями. Когда, наконец, эта свора ушла, не арестовав меня, в приказе было оговорено арестовать, если будет найдено что-либо предосудительное, то мы до утра уже не сомкнули глаз - помимо невероятного волнения нам принесли тюк с литературой, мы почему-то были уверены, что они вернуться и что тогда будет, и вот мы изыскивали способы один другого неудачнее, куда спрятать. Остановились в конце концов, на том, что разложили литературу под тюфяк. Но "они" не пришли и мы спешно ее эвакуировали.

Контрабандисты

В 1900 - 1901 г. Суворин хотел поставить в своем театре на Фонтанке антисемитскую пьесу «Сыны Израиля» (Контрабандисты). Молодежь учащаяся, узнав об этом, заволновалась, в то время отношение правительственной власти к евреям было возмутительно, постановка пьесы, в которой евреи изображались крайне с отрицательными чертами, а единственный русский (судебный следователь) оказался наделен пышно всевозможными добродетелями, могла еще больше усилить у широких масс нетерпимое отношение, казалась нам совершенно недопустимой. Евреи тогда являлись страдающими элементом и вполне понятно, что на защиту их ополчились наэлектризованные желанием бороться, отдать свои силы на славное дело защиты униженных и оскорбленных. Когда стало известно, что на первое представление продаются билеты, студенты университета (наиболее передовые тогда), бестужевки, лесгафтички и др. по предварительному уговору запаслись билетами, решили во что бы то ни стало сорвать представление. На свои голосовые средства мы не вполне надеялись и решили усилить их. Компанией отправились мы на Сенной рынок и купили там свистки обычные полицейские, но с такими пронзительным свистом, что прозвали их сиренами. В день спектакля мы уже были в возбужденном состоянии, правда, более рассудительные среди

нас говорили, что не мешало бы по крайней мере прочитать пьесу, чтобы знать, что пойдешь опротестовывать, но эти единичные голоса не встретили сочувствия, ведь там высмеиваются евреи, разве этого недостаточно - надо положить конец национальной травле, все люди одинаково достойны уважения, - человеческая личность должна быть неприкосновенная и пр. пр., и вот мы в театре. Народу масса, нет ни одного свободного места, публика несколько более обычного взволнована, больше, чем всегда в этом театре учащейся молодежи, немного громче гул толпы, но и все, до поднятия занавеса ни о чем особенном нельзя было и думать, но едва погасли огни и начал подниматься занавес, как единодушный неистовый вопль или рев - не знаю как назвать – «долой» огласил зрительный зал. Одновременно раздались свистки сирен и свистки от вложенных в рот пальцев (студенты).

Главную роль играл тогда артист Томский (Тинскний), пользовавшийся до этого времени большой популярностью. Он и другие артисты, судя но движению губ произносили что-то, но что, нельзя было разобрать, занавес опустился, и мгновенно как по мановению волшебной палочки все стихло, через несколько секунд опять взвился занавес, опять заходили артисты, и опять рев "долой"! еще более сильный. На сцену полетели яйца, огурцы, кто-то с остервенением бросил калошу, летят шапки. Занавес вновь опускается - шум и свист вновь прекращается, всюду в проходах, в ложах в том числе и в нашей

появляются городовые. Мы безуспешно пытаемся их выставить. Занавес опять поднимается и опять свист, крики «долой», на сцену летят даже дамские шапки.

Городовые вступают прямо в рукопашный бой, пытаются выхватывать и в буквальном смысле вытаскивают некоторых женщин из зрительного зала, в движениях не стесняются, тащут за косы, толкают в спину. Но не со всеми удается справиться. Цепко ухватившись за барьер ложи, мы кричим «долой», «долой» - в нашей ложе одни женщины, но удалить не одной не могли. Наконец занавес опускается и теперь окончательно. Публика взволнована, но волнение это скорее радостное: спектакль сорван, дружный протест переживается как большая победа над темными силами. Зрители постепенно расходятся, но не все благополучно: продолжаются укрощения наиболее строптивых.

Группу около 70 человек тесной стеной окружают городовые, ведут по каким-то коридорам и наконец останавливают. Появляется какой-то чин и начинается "переписка". "Переписка" в то время практиковалась довольно часто: переписывали (то есть спрашивали имя фамилию звание, занятие и адрес; на нелегальных вечеринках, случайно зашедших в квартиру, где производился обыск и т.д.). Все знали, что если тебя где либо переписали, то это даром не пройдет, в деле, имевшемся на каждого из нас в третьем отделении, будет соответствующая отметка, и из таких переписей в конце концов

получается скомпрометированная репутация. Такой человек делался в политическом отношении неблагонадежным. Довольно долго ждали мы пока нас запишут, при желании, вероятно, можно было бы уклониться от переписки и постараться скрыться. Но я и мои приятели не хотели бежать с поля сражения, терпеливо ждали очереди. Но, наконец, переписаны и можно идти домой.

Прошло несколько дней, отрасти улеглись, - жизнь входит в обычную колею, как вдруг является к нам на квартиру студент университета (мы его до того не знали) и сообщает, что меня и мою приятельницу будут судить в мировом суде по 38 статье, которая предусматривает "нарушение скопом общественной тишины и спокойствия"? Тут же он рассказывает о том, что всех переписанных 70 человек ждет та же участь, петербургское общество и адвокатура выступает в нашу защиту, - что каждому из нас, или нескольким вместе назначается защитник, с которым он и предлагает войти в сношение. Меня защищает присяжный поверенный И. В назначенный день я пришла к нему на квартиру, разговор был недолог. И. сразу увидел, с кем он имеет дело, и помнится, больше всего мы с ним говорили о том как вести себя в зале суда. Я была тогда порядочная горячка и отличалась большой живостью и, вот помню, как он меня убеждал, чтобы кроме ответов на его вопросы, я никак не проявляла своего отношения ни к суду ни к речи адвокатов. Чтобы Вы не услыхали - прошу Вас будьте спокойны, не возмущайтесь, иначе Ваш

идейный протест в зрительном зале будет испорчен. Я обещала, что постараюсь справиться и с своим негодованием и со своим восторгом. Помню, что и в самом зале суда я много причиняла беспокойства защите: ко мне подходил и присяжный поверенный Б. и другие и убеждали и меня и моих товарок вести себя как можно тише. Общество и суд должны увидеть в вас не дебоширов, а идейных протестантов.

Зал мирового суда в день начала нашего дела был переполнен до отказу. Кроме значительного количества обвиняемых (больше студенческая молодежь), адвокатов, среди них были наиболее блестящие тогда: Коробчевский, Бобрищев-Пушкин, братья Бернштамы, Волькенштейн, Новыков и много других, было несколько литераторов и дам из общества. Врезалась почему-то в память фигура мирового судьи: полный с белокурыми усами и почти лысой головой с большой цепью на шее, фигура спокойная, ровным внушительным голосом допрашивал он нас. Говорили о нем, - что ему приказано было нас осудить во что бы то ни стало, а что сам по себе он приличный человек.

После переклички обвиняемых и оглашения дела, приступили к дознанию Всех расспрашивали об одном и том же: были ли в театре такого-то числа и что там делали, признаете ли себя виновной. Когда очередь дошла до меня, я сказала: в театре была, свистела, кричала «долой» и жалела, что не было еще других средств, чтобы высказать свое негодование. Виновной себя не

признаю. По ответам обвиняемые были разделены на две группы: те, которые ограничились шиканьем, признаны были невиновными, так как обычаем допускаются в зрительном зале как аплодисменты так и шиканье (свист), те же, которые кричали и на суде говорили о своем протесте, попали в группу осужденных, которых в конце концов оказалось не очень много. (Не помню точно числа). Во время допроса обвиняемых мы все вели себя очень сдержанно без особых усилий, но зато когда начались речи защиты, я поняла почему адвокаты так боялись за нас. На суде я была в первый раз, и блестящие и по форме и по содержанию речи таких волшебников слова, как Коробчевский и Бобрищев-Пушкин привели нас в такой восторг, что понадобились почти нечеловеческие усилия, чтобы не хлопать, не кричать от восторга, а стоять. Но слово было дано и мы его сдержали. Сущность речей защитников сводилась к следующему: статья 38 предусматривает нарушение общественной тишины и спокойствия скопом, обычно ее приходится применять в случаях, когда загулявшая в ресторане или в другом месте компания вываливается на улицу или в общественное помещение (учреждение) и начинает дебоширить, бьют фонари кричат и пр. Привлекаются по этой статье женщины определенной профессии, и я предлагаю вам, г.судья, посмотреть на обвиняемых; - неужели их можно заподозрить в чем либо подобном. Ведь это учащаяся молодежь, это же те, кто сменит нас, это

наша надежда. Их протест в театре Суворина есть прежде всего идейный протест и как таковой его надо рассматривать и, конечно, он не подлежит каре по 38 статье. "Контрабандисты" – литературное произведение с определенными тенденциями, протест против постановки их есть борьба против определенных устаревших литературных форм. Вспомните, какими волнениями и даже скандалом сопровождалось первое представление "Эрнами" Виктора Гюго, когда столкнулись два направления: ложно-классицизм и романтизм. Не тоже ли самое мы видим и в данном случае.

Лучшие речи произнесли Коробчевский и Бобрищев-Пушкин. Среди нас было несколько евреев и защита их базировалась на оскорблении пьесой национального чувства и пр. Коробчевский поражал красотой стиля, богатством образов, а Бобрищев-Пушкин наэлектризовал всех темпераментом, страстью, молодостью.

Помню как в перерыве Коробчевский подошел к нему, обнял, поздравил с успехом и сказал ему с дрожью в голосе "Отдайте мне вашу молодость".

Речи окончены и несмотря на то, что мы "цвет и надежда России, что мы "идейные протестанты", что у нас надо учиться чуткости во всякой фальши, смелости открыто заявить о своем протесте (слова защиты), судья нас признал виновными и присудил к отсидке в течение 4 суток в аресте даже без замены денежным штрафом (максимальное наказание). Защита

предложила перенести дело в мировой съезд, который утвердил приговор. Вначале был проект довести дело до сената, но уже в съезде настроение было настолько определенно безнадежное, что мы решили больше не судиться, а отбыть наказание, тем более, что ходили слухи, что всем судебным инстанциям приказано нас осудить. И вот несколько времени спустя к нашему конфузу пришел за нами на квартиру на Васильевском острове городовой и предложил нам следовать за ним в арестный дом на Казанском плацу. Собралось нас 5 бестужевок и мы со свертками в руках пошли через весь город, помню, особенно неприятно было идти по Невскому. Шли по середине улицы, как обычно водили воришек и проституток, казалось нам, что все смотрят и бог знает что о нас думают, хотелось прямо сквозь землю провалиться, так это казалось буднично и пошло и так далеко было от тех картин, что рисовались нам, как завершение революционной борьбы: ссылка, тюрьма или даже каторга. Нас, действительно, смешали с грязью. В арестном доме вначале нас поместили в общей большой камере, где в то время сидели несколько нищенок и проституток, а затем нам отвели 2 небольшие камеры, где мы и устроились.

Камеры на ключ не запирались и мы все время ходили, как друг к другу, так и в большую камеру, где сразу же и завели знакомства. «Кати», «Маши» и т.д. Так и не уразумели, каким образом и за что мы попали "на плац". Нам было интересно прошлое и настоящее этих жертв общественного

порядка и помню как я подолгу разговаривала с ними и расспрашивала их о прошлом. Сидели они в большинстве за буйство часто в пьяном виде. Некоторые прямо говорили, надоест таскаться по Невскому, захочешь отдохнуть, выпьешь какую-нибудь штуку и попадешь сюда. Судимостей у них без конца.

Вначале они недружелюбно и недоверчиво смотрели на нас, но потом быстро все обошлось и сколько за четыре дня я услышала там ужасных повестей на тему "как дошла я до жизни такой". Были там разные представительницы от дорогих до 25 к. за визит. Осталось у меня глубокое и тягостное впечатление от этих разговоров, но увидела я, что это такие же люди как и мы: и ложные и вздорные, и любящие и равнодушные, только более издерганные и какие то особенно бесшабашные.

Отсидка прошла быстро и осталось от нее помимо духовного следа лишь пометка о судимости, которая в будущем должна была препятствовать в случае выборов куда либо или получения высокой ученой степени (академии наук). Ни то, ни другое нам ни в какой степени не угрожало, и мы были беззаботны насчет последствий.

Материально я была сравнительно обеспечена – сравнительно, так как получала из дому около 15 р., кое-когда перепадал случайный заработок, в виде переписки, приема подписки на издававшиеся у нас литографированные лекции и пр. Когда стало известно, что предполагается

однодневная перепись в Петербурге, я захотела принять в ней участие не только с целью заработка. Мечтой моей было попасть в рабочий район и посмотреть как живут питерские рабочие. Уже второй год я в столице, а кроме одного-двух рабочих завсегдатаев вечеринок (в их числе, помнится, был уже слепой тогда Шелгунов), которые мало чем отличались от нашего брата, я не имела понятия о тех, кому по моим взглядам принадлежало будущее, с кем я так пламенно и, увы, пока безнадежно мечтала работать. Мне удалось попасть в группу врача-статистика Ф. (теперь профессор гигиенист) и я получила наряд переписать рабочее население казарм большой ткацкой фабрики за Невской заставой. У группы инициаторов во главе с зав. возникла мысль, нельзя ли воспользовавшись переписью собрать кое-какие данные о положении рабочих, кроме официальных вопросов, напечатанных на бланках. Интерес к этому был жгучий, так как кроме "фабрики Дементьева" (где описывалась жизнь Московских рабочих) да книжки Туган-Барановского "Русская фабрика в прошлом и настоящем" - с устаревшими уже данными ничего не было. Понятно поэтому, как нам улыбалась перспектива увидеть своими глазами рабочих, да еще собрать данные, которые могут пригодиться. На предварительных заседаниях были разработаны дополнительные вопросы, которые при помощи условных значков, мы должны были занести на официальные листы.

Заседания эти были неофициальными,

открыто боялись говорить, но по группам удалось всех информировать и столковаться. На меня выпала нелегкая задача. Заведующий был осведомлен, что казарма, которую я должна была переписать, пользуется дурной славой, - попасть туда можно только с околодочным надзирателем, которые зорко следят за тем, что делается, и своевременно доносят куда следует. Заведующий предупредил меня, что нужно держать ухо востро. Переписывать рабочих, живущих на частных квартирах было много проще, но делать было нечего. Рано утром, нагруженная списками и листами, я направилась за невскую заставу. Разыскавши свою бумагопрядильню, в сопровождении околодочного надзирателя я обошла комнаты в казарме (работницы еще не ушли на работу) и оставила листы, вкратце объяснив, что грамотные должны записать, а в обеденный перерыв я снова приду собрать их и заполнить, кто не сможет сам этого сделать. И до сих пор я еще отчетливо помню красное длинное двухэтажное здание, в котором направо и налево от коридора шли комнаты, грязные, бедно обставленные, имелась собственная кровать, стол и пара табуретов, у очень немногих имелась ситцевая занавеска над кроватью, да пестрые открытки или портреты царей. Было как-то скучно и неуютно в этих камерах, работницы в большинстве были истощенные и бледные, у некоторых были маленькие дети, которые оставались беспризорными в то время, как матери уходили на фабрику. Переждав время до перерыва

на обед в одном из ближайших трактиров, я отправилась за своими листами. К моему большому удовольствию, околодочный надзиратель меня уже не сопровождал - я была локализована. Дело пошло быстро и хорошо, я незаметно то в порядке официальных вопросов, то в порядке приятельской беседы выуживала нужные мне сведения: сколько зарабатывает, как долго занята, чем особенно недовольна, несколько самых невинных вопросов, касающихся духовной жизни, где училась, читает ли и что и т.д. (и незаметно условными значками я отмечаю ответы). Но постепенно, как я перехожу из комнаты в комнату, я замечаю, что за мной идут "любопытствующие", которые что-то слишком усердно слушают все мои вопросы, и еще усерднее следят за тем, что я пишу. Это мне не очень нравится, но я все же продолжаю. Как вдруг в одной из комнат является работница, лучше других одетая, с весьма самоуверенным видом и, постояв немного, обращается ко мне с такой приблизительно речью «а скажите пожалуйста, почему Вы не у всех одно и тоже спрашиваете? Я – грамотная, заполнила данный Вами листок, и там совсем нет того, что Вы спрашиваете?» Я была прямо огорошена, много сил стоило не показать виду, как-то замять, сказать что ничего я лишнего не спрашиваю, что может быть случайно из личного любопытства спросила кого-нибудь, но это мол не в счет. Я поняла, что надо ставить точку, чтобы не испортить дело. Эта "волнотерка" сопровождала меня несколько времени, а когда

ушла, мне сказали, что это главная у них по собиранию всевозможных сведений и передаче их по начальству и тут же ругнули ее хорошенько. Тут же я заметила, что живут не дружно, некоторые не разговаривают даже друг с другом, ссорятся. Кончить пришлось уже без дополнительных данных. Впечатление у меня получилось в общем очень грустное, масса неграмотных, забитых, истощенных, живут как в тюрьме без духовных радостей и без материального достатка от горя и с досады ссорятся, сознательности нет и почва для пропаганды довольно бесплодная. Впечатление от рабочих мужчин, особенно заводских, по рассказам моих товарищей по переписи было совсем иное.

На втором курсе была небольшая группа, активно участвовавшая в революционной работе. Мы с благоговением и завистью в тоже время смотрели на них, выполняли их поручения, по части хранения и переноски литературы, даже печатания на гектографе отчетов, листков и пр. К их группе принадлежали два сибиряка - кажется студенты, ни фамилии, ни имен их я не знала, а называли их просто "черный господин" и "белый господин", они правда соответствовали этих кличкам. Хранили литературу больше в интернате у живущих там бестужевок прямо в комнате. Говорили, что это не вполне удобно, что ключи подходят ко всем одинаково хорошо, но это все же было лучше частной квартиры. Обыска в интернате на моей памяти ни разу не было.

Произвести его можно было лишь с разрешения директора. Наступила весна и по поводу приближения 1-го мая было много хлопот с листками. Помню, как-то вечером прибегает Н.С. и говорит, надо спешно идти по такому-то адресу, забрать литературу и принести в интернат. "Что-то чувствуется нехорошее, бродят сзади какие-то тени и, возможно, что всех нас арестуют" Мы условились, что завтра утром она зайдет в интернат в 10 ч. утра и скажет, куда дальше направить листки. Но она следующее утро ни в 10 ни в 11 никто не пришел - ясно было, что провалились. Долго мы обсуждали, что делать - надо узнать точно и предупредить кого можно. Жила я на частной квартире, ничего компрометирующего у меня тогда не было и я решила пойти, сговорившись, что обо всем, что узнаю, немедленно сообщу. Жила Н. недалеко на Васильевском Острове. Очень меня уговаривали приятельницы спросить на квартире вымышленную фамилию и тем временем осмотреть, что делается. Но вышло так, что не успела я позвонить как открылась дверь и на вопрос, кого вам, я выпалила "Курсистка С. дома?" – как-то не выговорилась вымышленная фамилия. Моментально откуда-то выскочил штатский гражданин и пригласил - пожалуйте, я сразу поняла, что попала в засаду. На мое заявление, что я пришла за учебником, нужным для экзамена, был ответ: «а мы вот разберем, какие Вам учебники нужны». Тип пошептался о чем-то с хозяйкой, вероятно спросил, часто ли я

бывала на этой квартире. Это было всего второй раз и она, верно, меня вовсе не видала у себя. В квартире оказался спрятанным и городовой, который и предложил мне отправиться в полицейский участок, помнится где-то на Малом проспекте. Я была сдана околодочному надзирателю, который спросил, кто я и адрес. «Посидите, пока выяснится дело», сидеть пришлось несколько часов. Тут же в камере, околодок разговаривал по телефону, что-то писал, а я все ждала, и с каждым получасом томилась все больше. Вначале я считала ниже своего достоинства разговаривать с полицией, но когда у меня истощилось терпение, я решила поговорить. «Послушайте, зачем Вы меня держите? Мне нужно заниматься к экзаменам, я пришла к слушательнице старшего курса за книгами, а меня ведут в участок и держат без конца, нет приказа об аресте, у меня ничего нет, когда это кончится?» Околодок разъяснил, что отпустить меня не может, что нужно выяснить, не подлежу ли я аресту. Ну, так в чем же дело, выясняйте, позвоните по телефону, но надо это недоразумение выяснить. Он сообщил мне между прочим, что сегодня все очень заняты. Я поняла, что в ночь было много обысков и арестов. Наконец, он чего-то добился но телефону, пригласил меня пойти в камеру рядом, там появилось какое-то отвратительное существо женского пола, которое предложили мне раздеться и тщательно ощупывало и перебирало все принадлежности моего туалета вплоть до чулок.

Когда я осталась в рубашке она провела своими щупальцами по телу, проверяя не подвязано ли что под сорочкой. Так мы часто действительно переносили литературу. У меня ничего не было. Это был первый личный обыск, нечего и говорить, что меня коробило от гадливости и негодования. Когда я вышла к околодку, он добродушно (почти с улыбкой) сообщил мне, что я могу идти и продолжать готовиться к экзамену. Оказалось, что не дождавшись меня, моя приятельница отрядила еще одну курсистку интернатку, на другую известную нам квартиру и она подверглась той же участи, но выпустили ее довольно скоро, так как снеслись с канцелярией и директором, личность установили и за отсутствием улик отправили на попечение директора.

Это было весною 1900 г., арестов было много, и нам пришлось вскоре принять участие в "передачах" для предварилки. Каждому полагался один, иногда два клиента, часто передавали деньги, а часто покупали продукты: ветчину, колбасу, печенье, булки, апельсины, яблоки и упаковывали и несли на Шпалерную. Иногда передавали и носильные вещи. Там под расписку передавали мнимым кузенам, тетушкам и пр. Некоторые заключенные, кто сидел долго, имели "невест", которые хлопотали о свидании, переписывались и нередко начавшаяся симуляцией развивалась настоящая и глубокая любовь, невеста становилась настоящей и нередко сопровождала жениха, а потом мужа и на тернистом пути сибирской ссылки.

Часто в этих передачах посылали записочки на папиросной бумаге, где делались всякие предупреждения о новых судимостях, допросах и т.п. В конторе при передачах мы узнавали о новых арестах, устанавливали, есть ли родные или друзья, которые будут заботиться, или кто новый клиент для красного креста, и тогда включали его в наши списки. Дело помощи было налажено хорошо, чувство товарищеской солидарности и братства было не только пышной фразой, а переживалось по настоящему. Особенно перед праздниками Рождества и пасхи было много хлопот с передачами: заказывали куличи, красили яйца, посылали и лакомства. Когда через год я оказалась арестованной в Литовском замке и сама начала получать передачи, сколько это принесло мне радости и облегчения. Ничего и говорить, что передачи делались совершенно одинаково и интеллигентам и рабочим.

За состраданием развивалось вскоре и чувство протеста по отношению к власти и невинная благотворительность превращалась для многих в "первую ступень" революционного стажа.

4 марта 1901 г.

День 4 марта является безусловно событием первостепенной важности не только в жизни петербургского студенчества, и как таковой заслуживает того, чтобы быть отмеченным на страницах истории русского освободительного движения. Это начало массовой

демонстрационной борьбы (демонстрации 1876 и др. конечно не являлись таковыми). В этот знаменательный день петербургские студенты выйдя в числе 10-15 тысяч на улицу, увлекли за собой и значительную часть общества и произвели сильное впечатление на правительственные круги. Если правы те, кто утверждает, что студенчество и в Западной Европе и особенно у нас играет роль застрельщика в революционном движении, то по-видимому 4-го марта эта роль была ими выполнена лучше всего.

Еще задолго до демонстрации 4-го марта учащаяся молодежь была взволнована целым рядом возмутительнейших насилий, которые применялись правительственной властью для изгнания из высшей школы "крамолы". Летом 1899 г. были изданы знаменитые "временные правила", об отдаче студентов в солдаты за беспорядки, а в Киеве они были применены впервые и около 200 студентов были сданы на разные сроки. Сходки в петербургском университете, созванные для выражения протеста по этому поводу были не очень многочисленными и меньшей, наиболее протестантски настроенной части студенчества пришлось применить обструкцию для прекращения занятий. Около 500 человек ходили по аудиториям и предлагали или убеждали прекратить чтение лекций. Обструкция эта не удалась, занятия пошли своим порядком, а обструкционистов, подвергшихся суду "особого совещания", состоявшего из ректора, попечителя учебного округа, профессоров, а также и военных

и полицейских властей, в числе 28 приговорили к сдаче в солдаты. В феврале 1901 г. они были отправлены в различные города. Тогда начались более серьезные волнения, обсуждали по всем высшим учебным заведениям меры протеста, для всех было ясно, что студенческие забастовки отжили свой век, так как очень незначительного количества слушателей было достаточно, чтобы формально продолжать занятия, а таковые всегда находились. На коллективный уход из высших учебных заведений также нельзя было рассчитывать, помимо всего студенты не могли собраться на сходку и столковаться, так как все большие аудитории и актовый зал были систематически закрыты, да, наконец, не хватало уже вдохновения бороться без поддержки со стороны общества, со стороны рабочего класса. Самой жизнью диктовались уже другие способы борьбы. 19 февраля и 28 февраля (юбилеи Суворина ново-временца известного черносотенца) были две небольшие демонстрации, они были неудачны, так как были плохо организованы и прошли при участии 100 или 200 студентов и курсисток и десятка интеллигентов, которых избили городовые и переписали.

Объединенный студенческий комитет, в который входило по 2 представителя от каждого высшего учебного заведения заседал чуть ли не ежедневно в течение почти месяца, назначал, отменял вновь назначал выступление. А потому, когда наконец на первое воскресение марта (4; была назначена окончательно демонстрация, все

облегченно вздохнули, помню с каким радостным волнением встретили мы нашу представительницу в С.К., которая сообщила решение принятое на собрании. Сходки, на которой можно было бы выступить с агитацией, собрать нельзя было. Листки выпущенные по этому поводу, с подзаголовками: «долой временные правила» распространялись больше всего уже на площади 4-го марта. Но несмотря на это, мысль о демонстрации была настолько популярна, что знали о ней не только те, кто собирался итти, но и все квартирные хозяйки, дворники, лавочники, об интеллигенции и говорить нечего. Утром в день демонстрации иные удерживали нас, другие напутствовали добрыми пожеланиями и слезами, нашлись, наконец, и такие, которые едва проводив за порог жильцов и решив вероятно, что отсутствие будет долгим, начали безудержно хозяйничать в вещах, причем интересовались не только "подозрительными" книжками и брошюрами, но и деньгами. У моей приятельницы забрали все деньги, какие только нашлись (деньги были общественные), и только угроза обратиться в суд (это было по выходе из тюрьмы) заставила хозяев вернуть незаконно присвоенное. Так как многие не вернулись уже ночевать домой, то на другой день полиция и дворники деятельно помогали указаниями, что делать с вещами, и, в частности, с подушками и одеялами, куда их передавать и т.д. В результате ни в тюрьме, ни по выходе из нее некоторые из нас не получали ни того ни другого. Впрочем, этим мало тогда мы

были огорчены, не до подушек было. Однако я отвлеклась в сторону.

Организованы мы были по десяткам, из представителей десятков и состояло собственно общекурсовое собрание, посылавшее 2-х выше указанных представителей в обще студенческий комитет. На обязанности представителя каждого десятка лежала информация о всем происходившем на заседании общестуденческого комитета, а также и агитация по поводу предстоящего выступления. Помнится, мне с моим десятком не было никаких хлопот, все были достаточно убеждены в необходимости протеста и я ограничилась лишь опросом - "идешь"? или "идет"? и, получив от всех утвердительный ответ, была уверена, что это так и будет, на предшествующих собраниях я уже познакомилась со всеми хорошо. Но все же, кроме того, 3 марта мы собирались на курсах и хотели устроить хоть небольшую сходку. Мы обегали все здание курсов и столовую: все аудитории были закрыты: в столовую пропускали только интернаток. Пришлось ограничиться летучей агитацией, наиболее активные из нас бегали по всем этажам, подходили ко всяком более или менее значительной кучке курсисток, в конца даже и к одиночкам и убеждали итти на Казанскую площадь. В публике уже начали циркулировать слухи о том, что будут стрелять, что собираются итти и рабочие с красными знаменами, последнее на мало сознательное в своей массе студенчество производило самое нежелательное впечатление.

Красного знамени очень боялись тогда, и потому немало потребовалось энергии, чтобы разубеждать в этом. В последнем днем 3-го марта мы еще были уверены. Демонстрация рисовалась воображению многих, как медленное торжественное шествие многих тысяч человек от Казанского собора к Николаевскому вокзалу, без вызывающих криков, без песен, а только с белыми знаменами, на которых стояло "Долой временные правила!" И многие были уверены в том, что это так и будет. Цвет наших знамен красноречиво говорил о нашей политической невинности, непорочности и прежде всего незрелости. Действительность горько посмеялась над сторонниками белых знамен.

На Казанскую площадь собирались по слухам инженеры, врачи, литераторы, вообще широкие слои интеллигентов, своему десятку я сказала о том, что собирались притти и рабочие, так как в нем все были сочувствующие.

Весь день накануне демонстрации мы были тревожно и возбужденно настроены; обсуждали всякие возможности как это будет, под вечер получили экстренный заказ приготовить краснее знамя, определенных указаний нам не было дано, как его сделать, но нам было сказано, что ничего другого кроме "долой временные правила" там не должно быть. и вот мы взялись за дело. С едва сдерживаемым волнением отправились мы в один из мануфактурных магазинов на Среднем и купили там 3 аршина кумача (так называлась плотная красная бумажная ткань, которая

постоянно употреблялась на мужские косоворотки, особенно ее любили в деревнях. В то время никому и в голову не могло притти, с какой преступной целью делалась эта покупка, но мы очень волновались. Там же купили аршин белого коленкора. Мастерили знамя в четверг, отдельные буквы вначале вырезали из белой бумаги, потом их накладывали на коленкор, обводили и вырезали, а потом стали прямо чертить на коленкоре и вырезали. С чувством священного восторга проделывали мы всю эту нехитрую работу, но в тот момент чувствовали мы себя избранниками, нам казалось, что мы делаем самое великое дело в мире, и сколько споров вызвала каждая не совсем ровно наложенная буква, некрасиво начерченный рельеф, порядочно мы и мешали при этом друг другу, громко говорить нельзя было и потому надо было еще скрывать от хозяйки наше предосудительное занятие, посвятили мы этому целый вечер. Когда, наконец, большие белые буквы стройно легли в ряд и были пришиты по краю иглой, радости нашей не было конца. Утром мы его передали свернутым по назначению и мечтать не смели о том, чтобы нам поручили его развернуть на площади. Через 4,5 года 17 октября 1905 г. во время состоявшейся целый день манифестации и хождения по городу, я часто брала и несла тяжелое большое древко (остатки государственного флага, синяя и белая части были оторваны), а в 1917 г. 23 марта во время похорон жертв революции - была в группе знаменосцев от медицинского института. Знамя

было красивое, расшитое по краям золотом, но никогда не испытывала я той нежной и священном влюбленности, какую испытали мы по отношению к нашему скромному, самодельному знамени... Такова уже власть первой юношеской любви запретной. Все предшествующее демонстрации укладывается в более или менее последовательный рассказ, передать же события 4-го марта уже становится много труднее, память сохранила отдельные зрительные картины, отдельные тяжелые переживания, а все вместе дает воспоминания какого то жуткого кошмара. Постараюсь из этих отрывков воссоздать "повесть временных лет", демонстрация назначена была в 12 часов у Казанского Собора. Уже с утра все конки идущие с Васильевского острова переполнены учащейся молодежью, много идет пешком, и, по мере приближения к невскому, публики становится все больше и больше. Но вот и Казанский Собор, площадь перед ним (теперь превращенная в сквер) постепенно заполняется, полиции пока не видно, на ступеньках собора и на паперти устраиваются пришедшие раньше, пока еще у нас есть надежда, что когда соберется достаточное количество демонстрантов, мы мирной процессией двинемся к Николаевскому вокзалу, но вот площадь переполнена, откуда-то начинают лететь листки но поводу временных правил, то тут то там появляются над толпой белые знамена, мы ищем глазами нашего красного, но в ближайших к нам местах его не видно. В воздухе проносится "Товарищи", но этим

возгласом начинается и заканчивается речь.

Как по мановению волшебной палочки все вдруг приходит в беспорядочное смятение, началась давка, раздались вопли и крики со всех сторон, отряды конной полиции, казаков и жандармов устремляются на демонстрантов, в воздухе свист нагаек, лошади топчут людей, а в местах, где не могут пройти лошади откуда-то буквально как из-под земли (они были спрятаны в соседних к Казанскому Собору двориках), появляются городовые, дворники и начинают избивать беззащитных и кулаками и шашками. Женщинам особенно приходится плохо. Их таскают за волосы, бросают на землю, топчут. Часть, и меня в том числе, оттеснили на паперть, городовые с остервенением бьют нас куда попало, не разбирая. Помню ощущение какой-то бессмысленной отупелости, избив, когда кулаками в спину, когда прямо хватают за шиворот и сбрасывают с высоты 1-2 аршин с фундамента собора на другой стороне (там нет ступенек). Я лечу вниз лицом на обнаженные покрытые грязью камни на мостовой .4 марта была оттепель. Вот и вся демонстрация.

Чувство отупения постепенно проходит, и душу заливает обида негодование. Гнев в небольшой кучке за собором увеличивается новыми жертвами, со всех сторон нас окружила полиция, но мы и не хотим уходить - пусть арестовывают пусть делают что хотят, не так легко будет теперь с нами справиться - вчерашний мирный академически настроенный студент

принял боевое крещение и становится революционером. Такие факты не забываются и не прощаются.

Среди немногого, что удалось сберечь каким-то чудом от истребления и от обыска, у меня сохранилось несколько пожелтевших листов почтовой бумаги, на которых под датами 12 марта 1901 г., 14 марта и 23 марта имеются записи во время пребывания в тюрьме после демонстрации. Перечитываю их и вновь переживаю "былое". Такой непримиримостью, таким гневом и такой нетерпеливой жаждой борьбы веет от этих отрывков дневника...

С Казанской площади, под конвоем нас ведут по Казанской улице в Казанскую часть. Арестовано несколько сот, разместить всех трудно, несколько часов мы проводим во дворе Казанской части. Разыскиваем знакомых, делимся впечатлениями, слушаем рассказы об особенно тяжело пострадавших и постепенно у некоторых начинается реакция, раздается смех, кое-кто шутит. Через решетку передают нам ситный, чайную колбасу, яблоки, мы подкрепляемся и ждем решения участи, на миру и смерть красна и о будущем мы мало думаем.

Из Казанской части нас затем переводят в Спасскую часть, здесь уже имеются для нас камеры, только что опорожненные с нарами, так что можно и передохнуть. Здесь мы проводим около суток, на другой день нас переводят в Литовский Замок.

"Курсистки" – по этому зову мы

выстроились и идем, напутственные криками студентов: «ура! прощайте!, до свидания», они машут платками. Мы отвечаем тем же. Нас ведут какими-то узкими коридорами, пересчитывают несколько раз. Когда выходили на площадь нас окружает масса конной и пешей полиции, публика и ребятишки, которые особенно геройски ведут себя, разгоняются нагайками оттесняются лошадьми. На улице темно, сыро, лужи, воды и грязи, по которой мы идем, мы промокли, нам холодно, а прежние впечатления временной вытесненные из сознания вновь всплывают. Мы идем медленно не хочется говорить, идем понурив голову, окруженные врагами, безоружные слабые и тем не менее – преступно.

Некоторое число демонстрантов были посажены в кресты (Выб. сторона), часть в дом предварительного заключения и, наконец, большинство было заключено в Литовский Замок на Офицерской, где до этого сидели уголовные. Их перед нашим приходом спешно разместили по частям, и мы попали на "теплые места" во всех смыслах. Камеры грязные и даже при свете небольшой керосиновой лампы мы заметили различные пятна и полосы на стенках. Процедура приема, сдавания верхней одежды, переклички и переписки затянулась надолго, так что мы в камеру попали уже ночью. Большие камеры на 20-30 человек, с окнами с решеткой, выходящими на тюремный двор и сад, тесно установленные кроватями, одним деревянным грязным столом, и непременной парашей.

Последняя причиняла нам прямо мучения, если в одиночной камере она отравляла существование, то можно себе представить каково было нам, не говоря уже об ужасающем зловонии, которое она распространяла, пользоваться ею было просто невыносимо. Есть граница всему, и всенародно здоровым людям отправлять некоторые свои потребности было совершенно невозможно. Мы сразу же потребовали себе надзирательницу и заявили, что ее нужно немедленно убрать, послед долгих переговоров согласились подождать до утра, когда явится, как нам сказали, смотритель тюрьмы. Распределили нас по камерам, причем для каждого полагалась кровать с отвратительным грязным тюфяком. Кровати были железные, но все щели их до такой степени оказались набитыми клопами, что спать было совершенно невозможно. На некоторых без преувеличения были сплошные движущиеся красные полосы.

Все это на меня лично произвело потрясающее впечатление.

В годы гражданской войны и разрухи, еще всем нам памятно, многим и на фронте и в тылу приходилось видеть и переживать много ужасов, тогда же для нас это было непривычно и мучительно. Вот что записала я в своем дневнике:

Едва я легла на кровать, как меня со всех сторон обсыпали клопы, нельзя было не только уснуть, но полежать минуту спокойно. Мучилась я мучилась, схватила простыню и улеглась на полу и попала из огня в полымя, со всех сторон их

поползли массы, ни стула ни табуретки в камере не было. Я забралась на стол, заставленный продуктами (остатки передач принесенных нами). Стол был высокий, и сначала все было благополучно, но когда я под влиянием усталости прислонилась, к стене, по моей шее снова поползли насекомые. Я отодвинулась от стены, просидела таким образом 5-6 часов, с ужасом всматриваясь в своих товарок, которые ворочаются просыпаются шепчут во сне, и я вижу как по ним ползают и едят их клопы. У меня настолько изощрилась зрение, что видела их на большом расстоянии, я соскакивала и сбрасывала, но потом мне сказали, чтобы я не мешала спать и не будила. Я села, но не успокоилась, в голову мне приходили самые мрачные мысли. Вспоминались мне слова Астырева (?) (В волостных писарях), поразившие меня когда то: "Ты спишь богатырь и не видишь, что тело твое покрыто гадами и паразитами, которые едят тебя и сосут твою кровь.... но настанет время.....!"

Когда оно настанет? Мне стало казаться, что никогда, что навек мы обречены на рабство и неволю. Еще немного и я кажется могла сойти с ума. Около 4-х часов проснулась моя товарка и увидев меня на столе, измученную, бледную, почти силой уложила меня на свою кровать, уверив, что там ничего нет и хорошо спать, а сама ушла на мою койку. Я забылась часа на 2 – 3.

Утром надо мной смеялись подруги, дразнили, что у меня клопомания, я без содрогания не могла видеть клопов, они мне

всюду мерещились.

На другой день началось истребление, мы добились у начальницы тюрьмы керосину облили по очереди кровати, убрав предварительно матрацы и прочее и зажигали. В камере поднялся страшный дым и смрад, все вышли в коридор, а четверо человек по очереди устраивали вентиляцию: взяв с двух сторон одеяло махали им в воздухе, устраивая искусственный ветер. Форточка за решеткой была крайне мала и чад выходил прямо часами. Разболелись у нас головы, но тем не менее обожжены были таким образом все кровати. Огорчение наш было очень велико, когда кто-то обратил внимание на темные полосы у потолка: при внимательном осмотре они оказались сплошь состоящими из клопов, туда уже мы добраться не могли, ни до ни после такого количества паразитов мы не видали, и трудно, даже представить было, как можно жить недели, месяцы, а быть может и годы в таких камерах. В передачах кроме всяких вкусных и приятных вещей - винограда, яблок, конфет, цветов и пр. передавали нам бачки с персидским порошком, которым мы щедро пересыпали наше ложе. Парашу по нашему требованию унесли в небольшую отдельную камеру. Мылись мы по очереди в камере, где было подряд много кранов. Ночь мы были на замке, а днем дверь в коридор оставалась незапертой, и мы гуляли по очереди. Коридор был узкий, окна выходили на улицу и на 3-й 4-й день многие из нас испытывали большую радость, увидав своих друзей и знакомых,

марширующими на другой стороне улицы, за ними по пятам правда, ходили какие то люди и хождение было кратковременным: как потом оказалось, это были шпики, которые их прогоняли угрозами, если не уйдет, то будут арестованы. Но путешествия возобновлялись и на другой день и через форточку можно было переброситься двумя тремя словами. Вскоре нам дали свидания, передавали книги и всякие новости. Сидеть было весело. В нашей камере (27) было 23 бестужевки, из них несколько малоросок, мы много пели, декламировали, шалили. Малорусские песни были тогда в большой моде, нас приходили слушать из других камер. Я очень много резвилась (по возрасту я была самой молодой). Как сейчас помню, как утром я в одной рубашке прыгала с кровати на кровать, поймать меня было почти невозможно. Через неделю все это веселье меня так утомило, как надоело, что я стала просить смотрительницу перевести меня в одиночку. Это было не в ее власти, я начала нервничать, плакать, и когда пришел тюремный врач, я стала умолять перевести меня хоть в лазарет, если нельзя в одиночку. Вся камера поддержала меня, говорили, что меня не узнать, что я все время плачу и что меня непременно нужно изолировать. Желание мое было исполнено и меня вместе с двумя заболевшими подругами перевели в тюремную больницу находившуюся этажом выше. Там я могла отдохнуть от шума, читать, думать, писать. Там я и писала свой дневник, прощание мое с товарками по камере было необыкновенно

трогательное, а когда перед освобождением из тюрьмы я вернулась в свою камеру поднялся такой шум и крики, меня так радостно и дружески встретили, так тормошили и целовали, что я едва удерживалась от слез.

Страшная и прихотливая вещь память! Сохранилось у меня среди других одно зрительное впечатление: небольшой листок бумаги переданный нам с воли, на котором отпечатаны гектографом фамилии студентов отданных в солдаты, и одну из строчек я ясно вижу и сейчас перед собой: Лев С. - 19 лет, студент 2-го курса. Ни одной фамилии кроме этой я не запомнила, поразил меня возраст или, что другое я не знаю, но когда спустя несколько лет я познакомилась, а потом и вышла замуж за этого студента, я все вспоминала эту строчку и не раз говорила: судьба связала нас еще до знакомства, я за тебя боролась, протестовала.

Сидели мы около трех недель, поочередно нас допрашивали жандармы, причем отвечали мы приблизительно одно и то же: на площадь пошли выразить протест против временных правил. Очень немногие из нас (единицы) сказали, что попали на площадь случайно, их выпустили прежде всех. Остальных разбили на категории. Я попала в группу высылаемых на год под гласный

надзор полиции. Город я могла выбирать сама, но только это должен быть не университетский город (там мы могли внести заразу) - в Харьков поэтому мне нельзя было ехать, да я и не стремилась. Я избрала Саратов. С курсов я была, конечно, исключена. Разговор был короткий: директор Н.П. Раев по очереди принимал нас у себя в кабинете и каждый говорил: «Вы больше не состоите в числе слушательниц, можете взять свои бумаги....» и все...

Итак, с Питером было покончено и может быть надолго. Настроение у меня было весьма неровное, с одной стороны сознание, что поступила я правильно, давало некоторый (относительный) покой моей бесконечной совести, с другой стороны оскорбления и связанные с ними переживания после Казанской демонстрации, Литовский замок и пр. не могли не оставлять след в душе. И все таки мне было 19 лет, высылали меня в город, где не было у меня ни роду ни племени. С родителями после моих "злодеяний" угрожал разрыв. Зарабатывать деньги, кроме как уроками, я ничем не могла. Как-то сложится моя жизнь? Но моментами у меня наступало прояснение, перспектива увидать новых людей, новые места, жить новой жизнью на Волге, которую я уже успела полюбить во время прошлогоднего путешествия, казалась мне столь заманчивой, что я твердила: "ничего, разгуляют тоску Волги матушки синие волны..." Последним предположениям суждено было оправдаться вполне.

Пробегаю мысленно длинный ряд прожитых мною лет, и прихожу к заключению, что год моей ссылки был самым счастливым годом в моей жизни. Уже в самый последний момент, совсем перед отходом поезда, пришел на вокзал проводить, один из бывших ссыльных М., часто посещающий меня, с которым несмотря на разницу лет, мы были в дружеских отношениях. Он дал мне маленькую записочку, на которой стояли три фамилии политических ссыльных в Саратове, к которым я могла обратиться от его имени по приезде. Знакомство с одним из этих семейств определило в значительной степени мою дальнейшую жизнь. Приехала я в Саратов с 15-20 рублями в кармане и не могла остановиться в гостинице. Я должна была экономить до приискания квартиры. Посидев 2 часа на вокзале, пока начнутся занятия в присутственных местах, я отправилась в земскую управу, где служили двое из моих будущих знакомых. Один из них: А. высокий, красивый седовласый старик, с львиной гривой прямо обворожил меня, сколько сразу было проявлено по отношению ко мне внимания, заботы и предупредительности, так быстро я оказалась под кровом, так легко естественно и свободно почувствовала я себя и в его обществе, что мне казалось, будто я по крайней мере 5-10 лет уже с ним знакома. Устроил он меня у своей хозяйки, мы уже с ним начали строить всяческие планы на будущее - он был .сложившийся социал-демократ "Искровского" направления. Но спустя два дня по приезде нагрянула полиция и

жандармы с приказом обыскать и арестовать. Мы сидели у меня в комнате и мирно беседовали, я рассказывала о Казанской демонстрации, о жизни Питерской молодежи, которой он очень интересовался и т.д. Резкий звонок и идилия кончилась. Обыск был произведен и у меня тоже, ничего предостудительного не было обнаружено, кроме портрета Карла Маркса. Но мой новый знакомый (его партийная кличка была Маркс), так походил шевелюрой на моего знакомого, что жандармы не узнали и не конфисковали его как это делали обычно. Горячо как родные простились мы с ним. Его увели... Через несколько лет я лишь мельком видела его в Питере. Теперь он давно уже умер, но сохранилось о нем самое светлое воспоминание. В годы тяжких испытаний, когда большинству из нас пришлось разочароваться в людях, когда из-за многих нам раньше известных человеческих лиц, вдруг неожиданно выглянули звериные морды, я не раз вспоминала о той дружеской хорошей поддержке, которую оказали мне девчонке А. и Г. – семья, с которой я сошлась после ареста А. Тогда действительно мы чувствовали братство, и любовь к людям была действенная, а не только пустые слова.

Семейство Г. сыграло настолько большую роль в моей жизни, что обойти знакомство с ними в моих воспоминаниях было бы трудно. М.Д. бывшая учительница и последовательница старого революционера Зайчковского, в тот период примыкала к социал-демократам Искровского направления. Мы с ней сразу подружились: я так к

ней привязалась, что скоро она заменила мне мать и друга. Это действительно был редкий по своим внутренним качествам человек, не только товарищи революционеры, но все, кто сталкивался с нею в обычной жизни, уходил от нее очарованный чуткостью, тактичностью и какой-то совершенно исключительной гуманностью. Она была органически неспособна причинить страдания, огорчить сознательно кого-нибудь. Она была вдвое старше меня, уже сложившийся революционер, и понятно, что я сразу подпала под ее влияние. Любила ее так, как мало кого любила в жизни. Сколько пришлось выдержать ей сцен ревности от новой дочки, которая нередко проливала слезы, что того то и того то она любит больше меня. Но эти сцены не портили нашу дружбу, которая продолжалась больше 15 лет.

Муж ее, давно уже умерший, один из первых социал-демократов в России, в то время увлекался земской работой, организацией и редактированием земского органа и уже скептически стал относиться к революционной работе и все время побуждал меня заниматься наукой и литературной работой.

В то время большой популярностью среди молодежи пользовались Бердяев и Булгаков, поднявшие знамя восстания против материалистического мировоззрения. Течение это захватило и меня. После чтения, размышления и долгих споров в кружках я решила выступать публично и написала статью под заголовком "К вопросу о борьбе за идеализм". И сейчас помню, с

каким волнением читала я Г. мое первое произведение, которое я собиралась печатать. У меня было такое чувство, что решается моя судьба. Статья была слабая, конечно, да и что могла написать 19-летняя девочка по поводу таких глубоких философских проблем.

«Ну, как вы находите мое произведение?» – спросила я по окончании. «По содержанию слабовато, а форма блестящая» – был ответ, «Вам надо учиться и писать непременно, из Вас будет толк». Я была уничтожена совершенно и тут же чуть не расплакалась - ведь я мечтала о немедленном выступлении, но раз это сейчас не годится, то что мне до возможностей, которые таятся быть может во мне. Мой собеседник никак не мог понять, чем я огорчилась и убеждая меня, что я должна радоваться, что главное есть и что все дальнейшее зависит уже полностью от меня. И много раз потом побуждал он меня работать над собой, заняться вплотную литературным трудом. Но советы его не выполнялись: как-то было у меня много, я бы сказала, небрежности по отношению к себе, не было охоты и привычки работать над собой, все хотелось получить сразу, а раз сразу не выходит и не надо. Это свойство осталось у меня на всю жизнь.

Друзья мои нередко находили, что я не умею трудиться "в поте лица" - не знаю, может быть это и так, но кажется мне порою, что мешала мне часто неуверенность в себе и что я принадлежу к категории лиц, каких в России было немало и которым суждено остаться в категории

несбывшихся возможностей. Работать на своем жизненном пути приходилось всякую работу, и техническую и черную, я вовсе не белоручка по натуре, - но всегда мне быстро все надоедало, а мой природный скептицизм и разъедающее зачем - являлись тормозом на пути к самоусовершенствованию.

Вскоре по приезде в Саратов я получила от отца письмо, полное упреков и выговоров, он верой и правдой служил царю и отечеству и я огорчила его седины, ему стыдно за свою преступную дочь, которая, по-видимому, попала в компанию "злонамеренных лиц" и пошла за ними, не думая об отце, о семье и т.д. В это же письмо было вложено 25 рублей. Можно себе представить, как я была взволнована и огорчена этим посланием. Я позор семьи, что же пусть так, хотя я убеждена в противном. Моментально я написала ответ, ничего предосудительного и позорного я до сих пор не делала, но раз Вы находите, что я опозорила Вас - забудьте обо мне. У Вас больше нет дочери, деньги посылаю обратно, - помощь мне Ваша не нужна. Хотя и много было у меня разногласий и недоразумений с родителями, но отца я всегда очень любила. Он платил мне тем же, братьев у нас не было, и все свои честолюбивые мечты и планы отец перенес на меня и мечтал, что я непременно достигну очень многого в жизни. А тут исключение с курсов и ссылка - понятно разочарование. Мне было нелегко тоже. Одна в чужом городе, взволнованная мыслью о будущем - последняя

мысль на поддержку родных и та рухнула. К счастью, в этот черный для меня день, новые мои друзья сделали все возможное для меня, чтобы облегчить мне материальное и моральное существование. Г. энергично взялся за хлопоты и я скоро получила место статистика в отделении земской управы. Обедала я у Г., у них же жила на даче под Саратовом. Одновременно со мной туда приехало несколько курсисток и студентов из Питера, вскоре после рано закончившихся, по случаю беспорядков, занятий, наехало много студентов из других городов.

Едва Волга очистилась ото льда, как вся эта молодежь устремилась на реку. Буквально каждый день мы снимали лодки и отправлялись кататься. Ездили часто с ночевками верст за 25 - 30 вверх по течению. Было так непринужденно, мило, весело, как может быть весело только в юности. Волга широкая, полноводная весной, звучала вся нашими песнями, тут были и запрещенные тогда Марсельеза и Варшавянка (Красное знамя) и наши старинные, теперь уж отходящие в область предания Дубинушка, "Назови мне такую обитель" и украинские. Последние были по моей специальности и для них я обычно была запевалой.

Нечего и говорить, что шалили мы и дурачились без конца, когда устраивали форменно водяные бои, две рядом плывущие лодки окатывали одна другую водой, зачерпнутой то рукой, а иногда и фуражкой. Перегибались через борт иногда так, что и лодка и пассажирам

угрожало купание в прохладных еще тогда водах. Перебирая мысленно все подробности моих очаровательных поездок, мне хочется отметить одну характерную деталь: несмотря на то, что многие из нас, в том числе и я были студентками на "ты" и отношения у нас были простые и товарищеские, того что можно было бы назвать фривольностью не было и в помине, воспитание ли тогда было иное, развиты ли были у нас идейные стремления - я не знаю, но и за себя и за многих своих друзей я могу с уверенностью сказать, что по существу отношения между полами были в высшей степени корректные, несмотря на некоторую внешнюю фамильярность. Так интересны были эти ночевки на берегу. Усталые после гребли, втащив на берег и привязав лодку отправлялись мы на поиски уютного местечка, очень близко от берега и сыро и холодно располагаться. Потом разводили костер, кипятили чай, пекли в углях картошку и после такого богатого ужина, укладывались спать - но обычно сна не было. Если в компании был кто-либо из более взрослых ссыльных - начинались воспоминания, которые мы все очень любили, если не хватало рассказчиков, мы заводили разговор о далеком прошлом, превратившимся уже в легенду. Любимым нашим героем был тогда Степан Разин, редкая поездка обходилась без того, чтобы мы не пели "Из-за острова на стрежень" и не говорили о нем. Но особенно мы любили разговоры об ужасах и приведениях, о всякой нечисти, вообще о том таинственном и известном,

что пугало и пугает и первобытного человека, и ребенка, и нередко нас взрослых.

Незнакомое место, темнота, смутные очертания не то деревьев, не то чудовищ, тихий плеск воды, если мы расположимся близко, рассказы о подвигах разбойников, которые подвизались когда-то в этих краях, настраивали нас так, что уже не до сна было. Зубы стучали не только от холода, но и от волнения, опять надо было разжигать костер, нередко начинались перемещения, более храбрые помещались по краям, а мы всегда просили уступить середину. С рассветом обычно мы садились в лодки и плыли в город. Хотя плыть было легче (по течению), но после бессонной ночи руки плохо работали. Восходящее солнце заставало нас уже на реке. Шалить и петь и даже говорить уже не хочется, плывешь и полной грудью впитываешь в себя - и чудный прохладный воздух, и эти прекрасные ласкающие лучи и этот, свойственный только Волге, какой то необыкновенный простор, и эти бегущие зеленые берега, и эти время от времени долетающие откуда-то гудки пароходов, эхом перекатывающиеся вдали. Чувство какого-то необыкновенного подъема, восторга переполняет тебя: - так страшно хочется жить и почти также хочется умереть за что то прекрасное ...

Эх ты Волга мать родная, Волга русская река

В одну из таких поездок мы едва не

утонули: попав в бурю с сильным ветром, перед этим долго гребли – устали, плыть надо было против течения и на беду берег был высокий, каменистый, пристать было невозможно. Нас было 5 человек, женщина одна (я). Меня (несмотря на протесты) конечно убрали и с весел и с руля. Наша утлая лодья, подбрасываемая волнами, все стремилась стукнуться об берег - тогда нам была бы крышка: всползти на совершенно гладкую отвесную скалу и думать было нечего. Изнемогающие побледневшие, с каким-то отчаянным напряжением работали гребцы: особенно один (ссыльный армянин) с черными блестящими глазами был прямо страшен. Несколько минут мы ожидали, что вот мы не справимся с поднимающими нас волнами, хлопнет о берег - все стремление было сосредоточено на том, чтобы выплыть на середину. Наконец, это удалось, и мы с облегчением вздохнули.

Я очень часто бывала на Волге, и у меня был обширный круг знакомых. Однажды рыбак, у которого мы всегда брали лодку, сказал нам: вот у меня будет скоро спущена новая лодка легкая, быстрая, я ее назову "Наталкой", она у меня никогда стоять не будет. Мы много смеялись над его наблюдательностью. Через неделю мы действительно увидели новую лодку, но на ней стояла надпись: "Буря".

- Это новая лодка? Да.

- Да.

- А где же надпись "Наталка"?

- А тут написано "Буря" - это ведь все равно.

Шуток и острот надо мной после этого крещения было немало, но компания наша действительно охотнее всего пользовалась этой лодкой.

В Саратове было много ссыльных, принадлежащих к различным партиям и направлениям. Тут были и социал-демократы и эсеры и представители П.П.С., были и неопределенно политические, высланные административно. Я знакомилась и встречалась со многими, которым суждено было впоследствии играть немаловажную роль в революционном движении. Перечислять их я не буду. Если во время изложения память подскажет мне, то или иное имя в связи с какими-то фактами, я упомяну, поименовывать же всех будет излишне. Рабочих в Саратове было мало и революционная работа тем самым направлялась по линии интеллигентов.

Я горела желанием работать и потому скоро принялась за организацию разнообразных кружков. Тут были слушательницы фельдшерских и акушерских курсов и слушатели технических училищ и наконец, в союзе с несколькими, гимназисты. Мы приступили к организации средней школы. С этой целью мы решили строить "клуб" - начинание новое по тому времени. На собранные деньги мы наняли квартиру из нескольких комнат, поселили там "своих людей", устроили библиотеку и читальню (все это конечно в миниатюре), а затем начали устраивать собрания с рефератами. Собиралось на них 30 -40 человек, все больше представители старших классов гимназий и реальных училищ, студентов было

мало (разъезжались по университетским городам для занятий). Я себя чувствовала старшей, так как была курсистка, да еще высланная и первый доклад должна была сделать я. Тема нашлась быстро как раз в то время появились в периодической печати Яблоновского "Очерки гимназической жизни" и Никонова кажется под тем же заглавием. По поводу этих двух произведений я написала доклад, коснувшись главным образом бытовой стороны и связанных с нею вопросов, касающихся средней школы. Охарактеризовав на основании произведения Яблоновского, а также своих еще свежих воспоминаний казенную среднюю школу с отрицательной стороны, я тем не менее в выводах предлагала не увлекаться борьбой с начальством. Ни ваш возраст, ни позволял ни опыт не могут дать авторитетных суждений о том, как должна строиться средняя школа, бороться за лучшее ее усовершенствование равно и борьбу за изменение политического строя в России надо предоставить другим более зрелым общественным элементам. Ваше дело учиться, в знании наша сила и поэтому весь запас присущий нам молодой энергии надо рационально затрачивать на то, чтобы скорее развиться умственно и стать сознательными, а не на то, чтобы расстратить силы на ненужные и даже вредные выступления.

Слушали доклад мой сначала с большим интересом, но когда дошло дело до выводов, страсти разгорелись и большинство было против меня. Завязалась такая отчаянная полемика,

аудитория моя так обиделась, что я считаю их школьниками, так хотелось доказать им, что они уже зрелые люди, что договориться было невозможно. Шумели и кричали до хрипоты, но со мной мало кто согласился, группа сочувствующих эсерам особенно горячилась. Следующий мой доклад уже меньше волновала этих юных политиков. Я под влиянием Г. читала много по крестьянскому вопросу и результатам этого явился доклад о недостатках в реформе 61 г. Прочитала я его на собрании в нашем клубе 19 февраля. Тогда этот день всегда отмечался и студенчеством и либеральными общественными организациями. Других докладов помнится не было - мы все жили обещаниями и на собраниях часто читали статьи из толстых новых журналов (Новое слово, Начало и др.)

Как только кончился срок моей ссылки, я сразу же уехала и не знаю, что потом сталось с этой организацией. В кружке фельдшериц и акушерок чтения были организованы по определенной программе, куда входила история культуры и политическая экономия (непременно Свидерский "Труд и Капитал", Богданов и Манифест Коммунистической Партии Маркса и Энгельса). Мы все были знакомы друг с другом и "чтения" эти, сопровождавшиеся объяснениями и нередко спорами проходили довольно живо. Нечего и говорить, что для меня это была хорошая школа и благодаря этим кружкам, я вырабатывала в себе способность говорить популярно и находить вовремя аргументы в споре - свойства

очень мне пригодившиеся потом в моей партийной работе. Уча других, я училась прежде всего сама. Лично для меня наиболее интересным был студенческий кружок, в котором мы читали I том Капитала, что я прочитала еще в Питере, и потому в Саратове могла быть толмачем.

Самолюбию моему крайне льстило, что, кроме меня, курстисток в нем не было, а еще больше мне нравилось, что не они меня учат, а (она) я их. В тот период я еще мечтала многое "доказать" но об этом я уже писала в начале моих воспоминаний.

На Рождество приехало много студентов со всевозможными новостями и пением революционных песен. Припоминаю поездку на тройках в Искровское. Село это находилось на другой стороне Волги, которая скрыта была под снегом. Принимало участие в поездке около 30 человек. Звон колокольчиков, смех, стремление обогнать друг друга, кто-то вывалился на дороге, кто-то уронил шапку и лишь одна фигура остается все время какой-то отъединственной, не сливается с нами, все время думает свою какую то большую думу - это С.М. Большаков. Его я здесь увидела в первый раз. Был он какой-то особенный и невольно приковывал к себе внимание и своим высоким ростом и большими задумчивыми серыми глазами и длинными почти до плеч светлыми-светлыми волосами, а главное чем-то внутренним плохо поддающимся формулировке. Как всем было весело в трактире, где остановились согреться, закусить и выпить чаю...

шутки, песни, и лишь один молча проходит меж нас, не сливаясь со всеми. Я раньше много слышала о том, о его выступлениях в Киевском университете, удивлялась его настроению, и лишь спустя месяцы, когда пришло известие об убийстве Сыпягина, я поняла, какую думу вынашивал он в себе. Из Саратова по проходному свидетельству я была отпущена на свидание с родными в Харьков. Отец подал прошение министру внутренних дел о том, чтобы меня отдали ему на поруки и разрешили жить у родных. Он писал, что я жертва злонамеренных лиц, что по возрасту ко мне нужно отнестись снисходительно, что он приложит все усилия чтобы "исправить" меня. Обо всем этом я узнала позже уже будучи в Харькове, страшно возмущалась, но взять обратно подобный "документ" уже было нельзя. В ответ на это прошение пришла бумага, о том, что мне разрешается съездить на 10 дней в Харьков. В канцелярии губернатора я получила соответствующую бумажку, ехала полдороги в сопровождении какого-то весьма подозрительного субъекта, вероятно, сыщика. Встреча с родными была довольно тяжелая и натянутая, тем более, что отец сразу начал мне выговаривать, "упрекать". Но тут вмешалась мать и категорически запретила касаться прошлого: кто старое помянет, тому глаз вон, сказала она и с таким выражением посмотрела на отца, что он умолк. После этого атмосфера стала более дружелюбной, а в глазах сестер я была окружена даже некоторым ореолом. Они настояли сняться

вместе (нас было 5) - я охотно согласилась. Уезжала я из Харькова более примерительная.

Год гласного надзора миновал быстро, выросла я за этот год сильно, жизнь вне дома, которую я должна была самостоятельно налаживать и материально (служба, квартира и пр.) и морально, занятия в кружках, самообразование и пр., встречи с новыми лицами различных возрастов и направлений все это значительно обогатило мой личный опыт. Было много соблазнов примкнуть к партии социалистов - революционеров. Тогда как раз начинался расцвет богатой организации – в Саратове жило много социалистов-революционеров. Моему темпераменту, моим грезам о подвиге, о коротком, но ярком жизненном пути очень подходила специфически интеллигентная установка социалистов-революционеров с культом героев, но шаткость теоретических положений, неясность и иногда путаница в решении основных вопросов не удовлетворяла меня. Еще на гимназической скамье я заразилась марксизмом и диалектическим материализмом, идеалистические настроения хотя и овладевали порой, но в конце концов победа оставалась за кумирами. Это не мешало моей дружбе с представителями другого направления, как с молодыми, так и с более солидными. Среди последних чаще всего вспоминаю заведующего статистикой губернской земской управы. Он был больше чем вдвое старше меня, по виду всегда тактичный, спокойный, уравновешенный. Так ли это было на самом деле, или просто это был

человек с большой волей, судить не берусь, на многое я тогда иначе смотрела. № 2 был убежденный народник, защитник русской общины. Иногда наши разговоры на отвлеченные темы кончались спорами, хотя он вообще не очень интересовался моими кружками и моими рефератами и даже моим развитием. Я часто за это пеняла ему, - он с улыбкой защищался, а при следующих встречах вместо "умствований" предлагал итти подышать свежим воздухом на берегу Волги. Я очень гордилась тем, что такой взрослый человек, с большой красивой бородой, с трудами по статистике, которая казалась мне тогда верхом премудрости, приходит ко мне запросто, разговаривает как с равной, бродил по лесу, предпочитая мое общество своим сослуживцам, заведующим различными отделениями. Над дружбой нашей подтрунивали иногда, мы действительно были полной противоположностью.

С его детьми (С.Р.) я была также в хороших отношениях, и старший сын его был один из устроителей вышеупомянутого клуба.

. . . . познакомил меня с приехавшим в Саратов автором "Русской общины (одним из идеологов народничества 90-х годов), у которого я работала около 2-х месяцев над материалами для второго тома "общины". Не знаю, появился ли он на свет божий.

По окончании ссылки меня ожидал сюрприз. Въезд в столицу мне был воспрещен и я поехала в

Харьков. Кончить курсы: как мечтал хотел отец и как уже захотелось и мне, нельзя было и думать, .перспектива поселиться в отцовском доме меня очень пугала и я начала агитацию за заграничную поездку, там я изучу языки и буду иметь в руках хороший способ заработать массу денег, говорила я. "Родные как-то очень быстро согласились делать было со мной действительно нечего. Я взяла лежащие на мое имя 450 рублей (в почт. сбер. кассе) - приданое и осенью уехала в Париж.

По-французски я тогда только читала, немецким же, владела плохо, но это меня мало смущало. До Лейпцига я доехала с двумя студентами К. и У., с которыми познакомилась перед отъездом, а потом поехала одна, приводя в ужас особенно французов, которые не могли понять, что это за родители, которые отпустили так далеко меня одну с таким знанием языков и т.д. Недавно я читала "Жизнь Мечникова", его поездка в Германию, когда он на второй день вернулся в Россию, живо мне напомнило один из эпизодов моего путешествия.

Я предполагала после 2-3 часового отдыха в Лейпциге ехать в Париж: но тут вышла заминка: новый город, чужие люди, чужая жизнь все это ошеломляюще подействовало на моих спутников. Ими овладело малодушие, они заявили мне что, если я уеду сразу, то они тоже уезжают в Россию. Настроение у них было такое, что они могли это сделать, и я должна была согласиться пожить 2-3 дня, пока они осмотрятся и устроятся. Делать нечего, пришлось подарить два дня, этот подарок

мне обошелся довольно дорого и "Мужественной женщине" как они меня называли, пришлось пролить не одну слезу "противных ненавистных мне немцев". Вот как это было: все втроем мы отправились на поиски им походящей комнаты. Так как я разговаривать на немецком языке не умела, то мы решили, что заходить в квартиры будут они одни, а если что-нибудь найдется подходящее, я поднимусь и посмотрю. И вот они ушли, а я осталась на улице ожидать, показалось ли им подходящей комната или просто попали на разговорчивую хозяйку, но их долго не было. Я стояла и терпеливо ждала.

Весь мой экстернер был настолько необычен для немцев стриженные волосы, как сейчас помню, голубая кофточка и большая дорожная сумка через плечо - все непохоже на истинное немецкое и поэтому привлекло внимание сначала мальчишек, которые останавливались против меня и уставившись начали, что-то непонятное и по одному этому м.б. неприятное для меня говорить. Я опустила глаза и молчала - они стали показывать на меня пальцами. Храбрости у них прибыло, появилось еще несколько, а потом и взрослые начали останавливаться - а я все стояла. Смотрели они на меня совершенно такими же глазами, как смотрели бы на негров, на китайцев, вообще как на что-то любопытное, экзотическое. Они все время говорили, что-то и довольно развязно, я ни слова не понимала, кажется минута казалась мне вечностью и мне всякие ужасы начали приходить в голову, что спутников своих я

не увижу, и что тогда будет. Душу мою застилало отчаяние, а слезы глаза, а публика шутила, повидимому, и смеялась. Для моей самолюбивой души это была крестная мука - как я ненавидела в эти минуты эти противных немцев (я их и теперь впрочем не очень люблю). Когда наконец появились мои соотечественники, я громко заплакала и накинулась на них - ну как вам не стыдно, что вы со мной сделали? Где вы пропадали? Студент У. обратился с речью к собравшимся, объясняя, что нехорошо так шутить над путешественниками - но до тупого немецкого сознания вряд ли дошло его негодующее слово. Когда мои спутники нашли комнату у пожилой вдовы, обещавшей им уход и надзор как за своими детьми, они меня отпустили и я уехала унося в душе горькую обиду на немцев.

По дороге в Париж, одна из ехавших в вагоне шикарно одетых дам (к моему удивлению оказавшаяся поварихой) приняла во мне живейшее участие, угощала всякими вкусными вещами и в разговоре обо мне с тут же ехавшим господином говорила, что-то о католических сестрах. Я похолодела от ужаса, вдруг меня увезут и заключат в католический монастырь, это меня-то революционерку. Как мне потом были смешны эти страхи, но тогда они казались мне реальными и я решила ни в коем случае ни по какому указанному адресу не итти, а переночевать в гостинице около вокзала (поезд пришел в Париж вечером), а утром в латинском квартале разыскать кого-нибудь из русских. У меня не было даже ни

одной фамилии к кому обратиться. Да, теперь я так бы уже не поехала: "но ты другою стала"... как поется в песне.

Жуткая первая ночь в Париже, большой отель, номер с громадной деревянной кроватью, где еще спят на перинах, и укрываются перинами, масса разнообразных звуков от знакомых реальных - звона посуды, до далекого глухого таинственного гула мирового города, складывающегося из звона пролеток, трамваев, моторов, грузовиков, подземной железной дороги и пр. и пр. мысли как я буду жить одна в этой громаде, где я мало что понимаю - французская речь, это море гортанных звуков с быстротой ливня, а я к своему ужасу ничего не понимаю. В России мне казалось, раз я читаю и немного говорю, то это достаточно будет. Кельнер, который отвел мне комнату предложил мне ключ и сказал, что-то похожее на: (Вам страшно?) Ну вот начинается подумала я, он сначала меня расспросит, понаблюдает, а потом придет ночью и зарежет как резали людей разбойники на Волге. Надо сказать ему, что у меня есть оружие, но как на зло я никак не могу вспомнить как называется револьвер или что либо подобное. И вдруг совершенно неожиданно для себя самой я выпаливаю: (о нет мосье, у меня есть вилка). Кельнер собирает всю свою французскую деликатность, чтобы не прыснуть от смеха. Я вспоминаю, что – вилка, краснею, смущаюсь и заменяю вилку словами (У меня есть мужество). Но все-таки я беру от него ключ, замыкаюсь и мои

ночные ужасы время от времени рассеиваются эпизодом с вилкой.

"Где Вы теперь, кто Вам целует пальцы"?

О том как я устроилась в Париже и как там жила, я скажу дальше, а сейчас по контрасту с теми ужасами и тревогами, какие я переживала в первую ночь, мне вспомнились французские народные праздники: (середина поста), масленица и день 14июня - взятие Бастилии. Во время моего пребывания за границей я была в Англии, в Бельгии, Швейцарии, Германии, видала Россию от Питера до Кавказа и все Поволжье и смело могу сказать, что так искренно, так заразительно веселы могут быть только французы. Только разве мертвый устоит, чтобы не принять участие в боях при помощи конфетти, в танцах прямо на площади под открытым небом, не соблазнится проехать на карусели верхом на разукрашенной лошадке, а то спуститься с головокружительной быстротой на знаменитых фрусских горах. В эти праздники на улицах ни иудея ни раба ни господина - но всячески и во всех - Эрос бог любви веселья и радости жизни. Особенно памятен мне один вечер. Усталая от занятий, с вечно трудно заглушаемой тоской по родине (которую испытали все проводящие достаточное количество времени за границей) Отправились мы кампанией посмотреть, как веселятся французы. В кармане каждого из нас несколько франков, не предназначенных отнюдь на развлечения, так как

кампания наша была материально необеспеченная.

Отправились мы сначала на бульвар Сен-Мишель-центральный бульвар латинского квартала. Народу на бульваре была масса, на всех перекрестках стояли тележки до верху наполненные мешочками с разноцветными конфетти. Пришли мы с пустыми руками и очень скоро попали под обстрел, итти или стоять в то время как тебя со всех сторон осыпают невозможно, и мы покупаем по пакету в 20 сантимов. Бросать мы экономно не умеем, набирали большими пригоршнями и с азартом бросали на встречных врагов. Быстро выходит пакет и мы опять безоружны - а ответить так хочется: покупаем второй, третий, четвертый, пятый, а публика все больше, нападения на нас все яростней, находятся дерзкие руки, которые хотят насыпать конфетти за шиворот, приходиться бороться, убегать. Идем уже утопая на четверть в конфетти и тучи его красных, зеленых, синих, желтых кружатся в воздухе и освещенные яркими электрическими фонарями кажутся сказочным пестрым снегом. По мере того, как двигаемся мы дальше, растет, нарастает веселье, резвость начинает доходить до дерзости. Но остановить эту волю уже нельзя - или сиди дома в это время или иди на улицу и раздели с ней ее быть может примитивное телячье веселье и радости. Наша компания уже давно разбита, защитники (студенты), с которыми мы пошли для того, чтобы избежать неприятностей, куда-то исчезли, я держусь довольно долго за руку своей

приятельницы, но вот налетает веселая кампания французских студентов и с крепким («о малютки, о миленькие милочки») отделяют меня от нее, засыпают конфетти, суют за шиворот, я с яростью отпарирую, высыпаю последние конфетти, денег у меня уже нет ни сантима и дальше бороться нечем. В это время налетает новая кампания со смехом с шутками, и начинается вакханалия поцелуев, целуют лоб, щеки, шею, я кричу, закрываюсь руками, с меня сбивают пенснэ, которое тут же топчется под ногами, поцелуями покрывают руки и летят дальше, а следующая кампания целует еще яростнее и чьи-то сильные руки крепко меня обнимают. Я на минутку отнимаю руки от лица и в кампании нападающих узнаю одного из студентов, кажется турка, с черными как угли глазами и сверкающими зубами. Это мой старинный "поклонник" как со смехом окрестили его мои приятели. По дороге в Соброннy я его часто встречала, по-русски он знал слово "любит" и каждый раз произносил это слово увидя меня, сопровождая его выразительной мимикой, за что я окидывала его презрительным взглядом и говорила «а я вас ненавижу» или «Вы глупы» в зависимости от настроения. Он засыпает меня конфетти и снова я чувствую его руки, охватившие меня за талию, он что-то бормочет на своем тарабарском языке и радостно хохочет, а мне становится страшно от этого дикого смеха и от этих объятий и поцелуев - крики мои тонут в реве голосов, да и защищать меня сейчас никто не станет. Надо спасаться силой. С невероятными

усилиями я вырываюсь из его цепких рук, и как только позволяет мне толпа, убегать. Огладываюсь не видно врага, новые по дороге засыпают меня, но это не страшно. Все же я продолжаю свой стремительный бег с поля сражения. Но вот бульвар остается позади, впереди небольшие полутемные улочки латинского квартала, я оглядываюсь и ужас: встречаюсь глазами со своим неприятелем, он, по-видимому, умышленно на время затерялся в толпе. Ну, резвые ножки выносите. Я побежала со всей скоростью, на какую была способна, какую развила давно еще на полях, окружающих отчий дом во время горелки, пятнашек и пр. пр. Преследование продолжается, я слышу за собой топот ног, в начале мне кажется не одних, бегу все дальше по камням уже большой темной площади Пантеона, время от времени пронзает меня ужасная мысль, а что если догонят, если у меня не хватит сил... Но нет, еще несколько усилий и я спасена... И действительно топот бегущих за мною шагов как будто становится глуше, это меня подбадривает, я направляю свои силы еще и, о счастье, погоня все тише и тише, скоро для того, чтобы проверить, есть ли погоня надо уже прилечь к земле и послушать - как в сказке, но я все же остановилась не сразу. Добегаю до знакомой хорошо мне улицы Монока. Здесь живет моя Лида, с которой меня недавно разлучили. Здесь я уже иду, а по лестнице ее я уже еле позу. Стучу - отворяется дверь: "где ты была" - "нас разделили, - да что с тобой, на тебе лица нет".

Вместо ответа я бросаю ей, скорей воды и мыла – мыться, надо скорее смыть с себя поцелуи улицы - (ведь можно бог знает что нацеловать). Умытая, усталая, с большим материальным ущербом: мне надо покупать на жизнь,я иссорила несколько франков на конфетти, а в моем скромном бюджете каждый франк тогда значил многое - но все же довольная, что так хорошо избегала неприятных осложнений, это придает мне бодрости и я повествую, что было после того, как мы расстались.

Я приехала в Париж в начале сентября, когда летние каникулы были еще в полном разгаре. Устроилась подешевле (комнатка без мебели и печки стоила мне 10 фр. в месяц -3р.75 к.), я сразу решила не тратить время зря. Прежде всего мне нужно было овладеть этим морем звуков, в которых я мало что понимала, именуемых французским языком. Узнав о существовании бесплатных народных школ для взрослых, я сразу же записалась в ближайшую ко мне по классу французского языка. Но этого было недостаточно. Каждый день я смотрела в газетах объявления об имеющих быть заведениях и, взобравшись на верх трамвая, я путешествовала по различным социалистическим, антикатолическим, демократическим и пр. собраниям, с каждым следующим вечером я замечала, что понимаю все больше и больше. Все мои опытные друзья в России, убеждали меня за границей не проводить все время с компатриотами "и языка Вы не изучите и жизни не узнаете, и будете

бессмысленно париться в собственном соку". Я этот совет легко выполняла еще и потому, что в первые два месяца учащейся молодежи в Париже было мало, а заводить самостоятельные знакомства среди эмигрантов мне как-то не хотелось. Особенно я любила заседания социалистов, на которых слыхала Жореса (правого тогда социалиста) любимца крайней левой Геда, старика и ветерана парижской Коммуны и т.д. Так необычно было слышать их смелые вдохновенные речи на открытых собраниях, так удивляло, что после этого они не подвергаются аресту, с таким волнением на всех общественных зданиях я видела эти ласкающие глаза (свобода, равенство, братство), что первое время я не замечала и не хотела замечать обратной стороны этой свободы. Нередко заседания кончались пением интернационала, и я каждый раз с таким восторгом присоединяла и свой голос к хору.

Днем я осматривала Париж, его сокровища - музеи и постепенно в моем радикально мигинистическом настроении начали появляться бреши. Воспоминания на "гражданских мотивах" русского искусства (поэзии и живописи – я не знала скульптуры, боялась думать о красоте человеческого тела) считала предосудительным хоть в чем-нибудь следовать моде, и в первое время также и в Париже обращала на себя внимание. Особенно мальчишки, эти несносные «гавроши» не давали мне проходу, за мою длинную накидку и мужского фасона шапочку они меня дразнили «женщина – поп», иногда и

взрослые раскланивались со мной: «здравствуйте сударь».

Это меня задевало и я постепенно изменяла свой внешний облик.

Появились модные тогда кружевные воротнички, блузки, купленные в Самариггене, шляпа. Много в смысле моего перевоспитания сделал и мой учитель французского языка – студент, с которым я занималась русским (в обмен). Три раза в месяц по 3 часа говорили мы с ним по-французски и по-русски по очереди. Он так спорил со мной, так убеждал, что это уродливо и страшно не думать о своей внешности, не украсить шляпу цветами или ленточкой и т.п., что я хотя и возражала ему, но нет-нет и появлялась в моем внешнем облике новая маленькая нехарактерная деталь. Волосы я отпустила (отрезанные волосы приводили всех парижан в ужас). Кончилось тем, что когда я год с небольшим спустя вернулась в Россию, все говорили, что меня нельзя узнать.

К началу занятий я хорошо освоилась с языком. В Сорбонне я слушала лекции по истории философии, истории литературы, по истории французской Революции по экономической истории Франции, – в Колледж де Франс. В существовавшей тогда вольной русской школе я также записалась на ряд курсов по государственному нраву, социологии т.п. С особенным интересом я слушала популярного в то время М.М. Ковалевского, человека необыкновенно разносторонне образованного. У

него даже занималась специально и написала реферат о духе законов Монтескье. Французский экземпляр работы Монтескье сохранился у меня до сих пор.

Среди эмигрантов полнее всего были представлены 3 направления: группа С.Р. (Рубанович), С.Д. искровского направления, из них я помню Троцкого, Камнева, Загорского и др., и группа борьбы: Невзоров, Рязанов. В кружке Невзорова, в которых я одно время состояла, мы разбирали социалистические программы всех стран, потом я помню себя в кружках "Искровцы", где мы читали Эрфрутскую программу, манифест Коммунистической партии и проч. и готовились уже определенно к роли агитаторов и пропагандистов. Из бестужевских, попавших одновременно со мной в Париж и также посещения эти заседания, я помню Гришкову (позднее Самойлова) с которой была в хороших отношениях, несмотря на наследство вкусов и характеров. Это был человек необыкновенно сильной воли, как-то внутренне собранный, устремленный в одно. Знала она тогда еще немного, но то что знала, было ею настолько глубоко усвоено и прочувствовано, что сбить ее с ее твердокаменных позиций было невозможно. Широтой взглядов и запросов она никогда не отличалась, несколько скептически относилась к нашим увлечениям музеями, искусством, материальной культурой, любила природу и революцию. Между профессурой, волной русской школы и эмигрантами существовал большой

антогонизм, в сущности это была борьба за влияние, помню как-то раз профессора В.Р.И. Гамбаров, де Роберты убеждали нас не читать нелегальной литературы, не слушать их речей: они нас натравят и пошлют в Россию погибать, а если тут останутся сидеть. Конечно это были несправедливые оговоры, сколько раз мы убеждались на фактах, что эмигранты любят Россию так же страстно, как и мы, едут туда при первой возможности и погибают в борьбе за свободу.

На стороне революционной эмиграции были конечно все наши симпатии. Из Парижа я ездила на съезд социалистической рабочей партии в Брюссель. Бандервельде (более умеренный) и Дестре (крайний левый) были тогда в зените своей славы. Занималась я в Париже много, после лекций, наскоро пообедав дома купленными на 30 сантимов овощами и 15 сантимов бульоном, или вареным мясом и картошкой, кипевшей в черных больших кастрюлях на каждом перекрестке - любимое лакомство французских извозчиков, я торопилась в национальную библиотеку. Короткая поездка в Лондон, пребывание на дрезденском партейтаге в Германии, где я к своему огорчению ничего не понимала и ограничивалась тем, что по мимике и жестам старалась угадать, о чем говорит Бебель, Каутский и Роза Люксембург - (но угадывать было трудно), трехмесячное мое пребывание в Швейцарии – и я еду домой. Памятна мне остановка в Женеве, где я должна была запастись связями для революционной

работы в России. Устроили меня в комнате отсутствовавшей в то время В.И. Засулич (Конечно сияла я от этой чести необыкновенно).

Условливаться я должна была с Н.К. (Крупской), которая заведовала в то время перепиской им шифрами с Россией: конфузилась и волновалась я во время посещения сильно, обычная бойкость меня покидала. Ласковое приветливое обращение Н.К., напоминавшей своим видом, простенькой ситцевой кофточкой, гладко зачесанными волосами, русских революционеров, а не модных европезированных эмигранток, все же не развязало мне язык - я все время смущалась. Быстро условились мы насчет шифра, взяв одну из глав евангелия. Н.К. очень просила писать и почаще, говорила о том, как важно быть осведомленными обо всем, что делается в России, на местах. Ну, хорошо, закончила она, а как же товарищ Вы будете называться и подписываться? Я об этом не думала и почему-то брякнула "Аграфена". Не знаю, почему это имя пришло мне в голову, верно по армянской пословице, что бы не догадаться.

Н.К. мило рассеялась, ну зачем же Аграфена, тогда уж Груня – будет лучше. Смущенная своей, как мне показалось "глупостью", я окончательно замолчала. Простившись мы тепло и сохранилось у меня воспоминание о чем-то добром, хорошем и сердечном. Основательно почистив свой чемодан от всего, что могло бы привлечь внимание русских жандармов, одетая в европейский костюм, с

расширенным кругозором и с пламенным желанием поскорее в Россию увидеть свободной, переезжаю я границу.

"О родная моя, прими меня – я твой"

Революционной деятельностью в России я стала заниматься в 1904 г. по возвращении из-за границы. Я не сразу получила право на въезд в Петербург. Это меня огорчило, так как "работать" мне хотелось только там. По семейным условиям и думать нечего было о работе в Харькове. Между прочим посетила я и своих саратовских друзей и привела их в изумление и своей внешностью и тем, что очень "выросла", как они говорили, за время поездки. Последнее было естественно, так как не только чтения и теоретические занятия, но еще в большой мере знакомство с бытом, с культурным и, наконец, с государственными учреждениями запада давали большую пищу уму. Как только разрешено было, я сразу уехала в Питер. Много трудностей и лишений пришлось мне перенести прежде, чем я мало-мальски устроилась. Приехала я с 10 рублями в кармане, которые и потеряла или у меня их вытащили в первый же день (со мной неоднократно случались в жизни такие казусы).

Рассчитывать на поддержку отца я уже не могла, кроме меня были младшие сестры, которым надо было помогать, да и самолюбие не позволяло мне находиться бесконечное время на иждивении. И вот начались поиски за уроками или платными

занятиями. Так помню, например, кто-то из их знакомых курсисток предложил мне у слепого литератора быть лектором, как тогда говорили, за два часа чтения я получала обед, читать надо было современные журналы и газеты. Само по себе занятие приятное, но были и но... Жил он в противоположном от меня конце города и если пользоваться конкой, то выходило по 24 коп., если ходить пешком, то на это уходило 2 часа, к тому же я очень стеснялась за обедом и почти ничего не ела: читать вслух для моего больного тогда горла (катар) тоже было не так-то легко. Словом мне пришлось вскоре оставить это чтение за обед. Вспоминается мне и еще одна курьезная попытка заработать. Кто-то направил меня к старому генералу N в качестве особы, знающей французский язык для чтения и разговоров.

Переговоры я вела с какой-то великолепной дамой и блестящим офицером (сын генерала). Когда выяснилось, что я русская, бывшая курсистка и пр., они были очень сконфужены, сказали мне, что здесь недоразумение, что хотели они иметь настоящую француженку, которая вращалась в придворных сферах и могла бы быть интересной собеседницей для генерала. Я для них была почти что видением с того света - с большим удивлением узнали они, что я живу одна, что меня никто по улицам не сопровождает и пр. Как же Вас родители отпускали одну и заграницу и всюду?

Очень извинились, что не могут пригласить меня, и офицер настойчиво предложил меня

проводить до конки. Несмотря на все мои протесты он все таки пошел меня провожать и, когда я подала ему руку уже на площадке, он всунул мне рубль, извинился и быстро исчез. Мне было обидно до слез. Когда я приехала домой, я швырнула этот несчастный (серебряный) рубль, который казался мне милостыней унизительной.

Часто мне приходилось или вовсе не обедать, или обедать в отвратительных столовых общества трезвости за 10 коп. Но все имеет свой конец. Я нашла урок за 18 руб. и могла наконец начать партийную работу и до этого, конечно, можно было начать работать, стоило лишь объявить себя профессионалом и брать от комитета деньги на жизнь. В то время это было распространено. Но продавать свою душу, свой революционный пламень, свою идею за 35 рублей в месяц (обычное содержание, выдававшееся в то время партийным работникам-профессионалам) казалось для меня тогда настолько недопустимым, что я предпочитала вовсе не работать, пока не устроюсь.

К тому времени уже произошел раскол и образовались фракции большевиков и меньшевиков. Я примкнула к первым, но по совести могу сказать, что не очень меня вдохновляли споры о разногласиях, главным для меня всегда была идея социализма. Работала я в качестве пропагандиста в кружках среднего и высшего типа, но посылали меня иногда и на первые заседания кружков. Пригласили меня однажды выступить у тряпичников. Сбросив с

себя все интеллигентские доспехи в виде пенснэ и шляпы, которые я продолжала носить после заграницы, и облекшись попроще, я с рабочим N отправилась на Посадскую улицу в общежитие.

Громадная грязная комната в деревянном флигиле с полатями у стен, с большой печкой и длинными столами посредине, в ней помещалось человек 40. В одном углу играли в карты, в другом молодой парень играл на гармонике "Барыню" и вокруг притоптывали и подпевали любители музыки, в третьем ссорились, причем и сквернословили или подвыпившие или опьяневшие от ссоры "товарищи".

Все, что я увидела здесь, так меня смутило, что я прямо не знала, как и что говорить. Уселась я со своим телохранителем на табуреты, он поманил рукой кое-кого из своих знакомых и началась беседа. Я очень оробела, не представляла себе ни уровня ни интересов своих слушателей и вначале, верно, все было достаточно нескладно. Но постепенно я отошла, забыла и робость и неуверенность. По мере того, как я говорила об их тяжелой жизни, о том, как целые дни бродят они среди высоких каменных хором, в которых живут сытые и хорошо одетые люди и взывают "костей тряпок" и роются в помойках и приносят с собой грязь, гадость, которую переводят в гроши, на которые трудно существовать, необеспеченные и пришибленные, они, не знают иных радостей кроме водки, а ведь возможна и другая жизнь, а нужно товарищи нам то-то и то-то. И по мере того как я говорила, все увеличивалась группа вокруг

меня, все тише становились бранные выкрики и наконец затихла и гармоника. Время от времени прерывали меня возгласами "верно, правильно говорит". Когда я кончила, меня поблагодарили, звали приходить еще: "просветите нас темных". Через неделю я вновь пришла к ним и имела такой же успех. Но в третий раз мне уже не пришлось у них выступать, кто-то из тряпичников на какой-то выговор пригрозил дворнику – подожди, скоро вам всем конец будет, и господам и вам. К нам приходила тут же одна и говорила и земля будет наша и заводы – все, и еще обещала притти.

Началась слежка, и дежурства у ворот, и через рабочего установившего связь это стало известно и решено было больше меня не посылать туда. Помню, что на районном заседании поднялся даже принципиальный вопрос, - стоит ли заниматься тряпичниками и рисковать, когда так мало сил и так много фабрик остаются вне нашего влияния. Рабочий, завязавший с ними связи очень протестовал. Если бы вы послушали, что они говорили после посещения товарища "Татьяны", вы бы не сомневались, говорил он волнуясь.

Частые провали в то время невольно заставляли нас быть все время на чеку, вести себя осторожно, а организации придавать иногда м.б. излишне централистический характер: все назначения делались наверху, а периферия на так называемых «выборах» лишь санкционировала их. Получались иногда из этого и некоторые неловкости. Так помню на одном из собраний, от Петроградской стороны нужно было выбрать

члена в петербургский Комитет, был предложен товарищ (фамилии его я не помню), которого у нас мало знали рабочие. Смущение мое было беспредельно, когда один из рабочих (Аввакумов) работавший на столярной фабрике Мельцера, вдруг предложил товарища Татьяну. Я горела тогда страстной любовью к социализму, любила человечество, мечтала умереть в борьбе за свободу, но в то же время была постоянно неуверена в себе, боялась высоких назначений, и к тому же мысль о том, что предложение исходит от рабочего, а потому можно истолковать как результат демагогических приемов (в чем тогда нередко упрекали друг друга) очень меня взволновало и я решительно стала оказываться, ссылаясь на мой малый революционный опыт. Дело уладилось и выбрали в конце концов того, кого надо было. В тот период я вела занятия с кружками и высшего и среднего типа, часто из-за провалов занятия прерывались. Кружки сравнительно часто переформировывались, но все же с некоторыми устанавливались более прочные связи. Я жила тоже на петроградской стороне и примелькалась всевидящему оку. Иногда, по-видимому, бывает лучше в конспиративном отношении жить и работать в одном и том же районе при условии сохранить свой обычный вид.

Запросто приходила я на Б. Монетную, где жил латыш рабочий Минг, один из участников одного из организованных мною кружков. Помню как однажды он и Аввакумов сказали мне, что рабочие очень хотят послушать "о социализме" и

просят меня. Это наверное поднимет у нас настроение. Я передала об этом желании старшим товарищам, получила благословение начала готовиться. 24 года назад мы еще очень далеки были от социальной революции, - о всеобщем избирательном праве, о различных типах государства, о референдуме, обо всем этом я могла рассказать, пребывание заграницей меня многому научило. О том, же что будет при социализме, правильнее, о том как строить социалистическое государство, по совести я знала немного. Одно время я читала (еще в Саратове) много по утопическому социализму, знала Каутского "На другой день после революций", но конечно этого было мало. Так как заседание было интересно, было на обычном месте на квартире у рабочего, то приглашено было всего около 20 человек. Было тесно, душно, накурено. Я как сквозь сон помню это заседание, готовилась, волновалась перед этим без конца, а когда пришла к ним, все настроение разлетелось, начала не так как хотела и кончила не тем. Это обычно со мной бывало. Но видно, кажется неплохо, во всяком случае, если я недостаточно планомерно и ортодоксально в своей речи излагала всевозможные меры для экспроприации экспроприаторов? зато я такими нарисовала жизнь при социалистическом строе, что слушатели мои остались очень довольны,

«И не будет на свете ни слез, ни вражды,

Ни меча, ни позорных столбов…»

Нам так этого хотелось, так казалось это близко, так возможно. Где эта вера теперь?.....

Аввакумова я встретила 20 лет спустя, в первые дни февральской революции. Радостная, оживленная вышла я после одного из собраний в Женском Медицинском институте, где я училась в это время. Я наткнулась прямо на человека дряхлого, тяжко больного, опирающегося на палку, который шел с амбулатории Петропавловской больницы. Мелькнуло, что-то знакомое, в глубоко сидевших черных проницательных глазах, в лице исхудавшем бледном с многочисленными следами оспы ... Он меня тоже узнал - Товарщ Татьяна? Да.... а Вы Аввакумов? Остановились. После первых двух - трех слов я поняла, что передо мною обреченный. Он все время кашлял, жаловался: что сил совсем нет, что ночи не спит из-за кашля, что доктора дают какие-то порошки ему, но «помощи» от них никакой. Он так был близок к роковому концу, что ему, нечему уже было радоваться. Я поздравила его со свободой, коснулась прошлого, но чувствовала, что и настоящее и прошлое все для него утратило смысл и радость. Перед ним была тьма, а в настоящем муки. Одет он был нищенски, сказал, что давно не работает из-за болезни. Мне было тягостно и почему-то неловко. Мы скоро расстались. А как он увлекался в свое время, какой был верный товарищ. Уж лучше бы не доживать, подумалось мне.

Летом 1904 года были большие аресты, спешно нужно было налаживать расстроенную организацию, многие из участвовавших в работе интеллигентов разъезжались на лето. Так как я имела совершенно чистую репутацию, то неожиданно оказалась заведующей складом нелегальной литературы. Нельзя сказать, чтобы это назначение мне пришлось по вкусу, но я была, во-первых, достаточно дисциплинированным человеком, а затем Екатерина Дмитриевна (Ф-ва), которая на явке мне об этом сообщила, сказала, что это временно. Знакомых у меня в обывательском Петербурге было немного, квартир и того меньше.... но отказаться было невозможно. На следующий же явке передают мне к великому моему смущению квитанцию на получение на Николаевском вокзале транспорта с литературой.

На Литейном у матери моих подруг был галантерейный магазин. Я сразу об этом вспомнила и отправилась к Фаине за разрешением мучительного вопроса, как получить и куда девать литературу. Вначале я хотела сама получить и привезти к ним корзинку. Но Фаина категорически запротестовала, нет, а если ты провалишься, как же будет со связями и пр... Разве можно в таком положении самой рисковать. Сиди у меня и жди, магазин я на час закрою, получу и привезу. Товар мы получаем нередко с вокзала, так что это ничего не удивит. Я должна была согласиться В ожидании ее как всегда рисовались картины одна другой «ужаснее»: как ее арестовывают, как вскрывают корзину, как к ним приходят на

квартиру, что я буду отвечать, в какое негодование придет ее мать и братья при этом. Я жалела, что согласилась послать ее, часто самому бывает легче сделать что-нибудь, даже трудное и рискованное, чем передать другому и волноваться потом за него. Но вот раздался звонок, и я встречаю Ф., розовую с блестящими глазами. Снимаем с извозчика громадных размеров корзину, но не очень тяжелую. Извозчик отпущен, магазин опять закрывается, и в комнатке за магазином в I этаже с окнами, выходящими на дворецкую, завесив их предварительно, мы спешно начинаем раскупоривать наш "транспорт". Оказывается корзина плотно набита соломой, мы выгружаем охапку за охапкой ... все солома и солома…. и еще солома. Мы уже с удивлением начинаем смотреть друг на друга, но вот на дне, что-то плотное забелело - щупаем, вытаскиваем: мелкие нелегальные брошюры распространявшиеся в то время, между ними значительное количество листовок: "науки и мухи". Весь пол засыпан соломой, которую надо куда-то убрать. - Давай жечь. Сказано сделано, открыта труба, солома торопливо засовывается в печь, поджигается и, о ужас,: комната наполняется сразу дымом, петербургские печи и плиты в жаркие летние дни устраивают нередко подобные фокусы - тогда открываются окна, двери на лестницу, а тут открывать нельзя, увидит дворник, подумает пожар, придет, и пропадем мы вместе с литературой, но убрать солому нужно во что бы то ни стало, скоро должна приехать с дачи мать

Фаины и вот мы бедные задыхаемся, кашляем, из глаз льются слезы (от дыма разумеется), но мы мужественно продолжаем жечь... Испытали мы муки порядочные, ко всему разболелась у меня сильно голова. Но все в жизни имеет свой конец. Когда мы проглотили весь дым, подмели комнату, уложили в печки литературу, распределили, куда и кто сколько унесет, нам стало легче и веселее. Значительную часть и мне пришлось унести к себе (я жила на Боткинской) и уложить в комод с бельем. Комод не запирался на ключ, в комнате я тогда жила не одна - с сельской учительницей, которую мало знала и не посвящала в свои дела. Хорошо было лишь то, что хозяева квартиры были на даче и кроме нас никого не было. Когда мне передавали назначение, меня предупредили, что держать у себя нелегальную литературу мне по положению моему ни в коем случае не полагается, поэтому я несколько раз должна была говорить на явках, что есть литература, которую надо или распространить, или устроить в более надежное место. Наконец, мне это удалось. Но что было делать, знакомых у меня было мало. Между прочим дали мне адрес одного детского врача на петроградской стороне, куда я тоже устроила один из пакетов (П.М. Виктор Осипович Мочан).

"Отчего я тогда ничего не сказала?"

Среди воспоминаний прошлого есть одно тяжелое и мучительное, к которому я как-то невольно часто обращаюсь и безнадежно хочу

найти разгадку. В августе 19(?) года был опубликован указ о Булыгинской думе. Комитет социал-демократической партии большевиков встретил этот указ беспощадной критикой. Решено было на митингах выступить с разоблачением его, были изданы соответствующие прокламации и т.д. 6-го августа в помещении курсов Лесгафта совместно с меньшевиками было устроено собрание, на котором должна была выступать я. Ответственными агитаторами П.К. был тогда т. Валерьян он же Станислав Вольский (А. Соколов). Не знаю, кому пришла в голову несчастная мысль послать меня, - правда я пользовалась у рабочих большим успехом, как пламенный агитатор. Мое пребывание заграницей и теоретическая подготовка не возбуждали сомнений насчет моей грамотности и о ортодокональности. Со священным трепетом выслушала я от Валерьяна предложение, всячески отказывалась, но мужества нарушить решение П.К. у меня не хватило и я в конце концов согласилась.

Я долго готовилась к этому выступлению, возобновила в памяти и перечитала многое по вопросу о государственном устройстве западно-европейских стран, заглянула в конституцию наиболее демократических счастливых островов, конституцию Соединенных Штатов Северной Америки и пр. Само собою разумеется, никакого труда не составило для меня раскритиковать эту "несчастную, ублюдочную думу", которая, кстати, так и не была проведена в жизнь. По отдельным

пунктам я консультировала с своими старшими товарищами (Валерьяном и с Голубевым, жившими уже в то время в Петрограде).

Частью из консперативных соображений, а частью и потому, что я вообще не любила заранее вырабатывать форму изложения и предпочитала всегда экспромт, но я не записала ничего, не приготовила тезисов заранее. Волновалась я задолго до выступления очень сильно - ведь это должно было быть мое первое выступление перед большой аудиторией. И почему-то как на грех все мои товарищи были заранее уверены, что все будет прекрасно, что Наталка произнесет громкую речь, после которой, конечно, никому и в голову не придет участвовать в выборах в эту куцую думу. И вот настал наконец этот злополучный вечер. Отправилась я на Торговую 25, на митинг в сопровождении Лили (Гуляевой), моей милой Фани, и старшей сестры, которая гостила у меня и хотела послушать. По дороги они купили красных роз и шутили - это мы тебе преподнесем после выступления. Народу собралось масса, не менее двух тысяч. Заняты были не только места для сидения, но шпалерами стояли у стен, заняты были все подоконники, в двери еле можно было протиснуться. Меня провели на кафедру. Я с ужасом смотрела на всю эту массу... вот объявляется собрание открытым. - Слово принадлежит товарищу Татьяне.

Я встала, взглянула на толпу, все передо мною завертелось, в голове ни одной мысли, на языке нет слов, как тисками схватило горло.

Выдавила из себя каким-то чужим, хриплым, глухим голосом, - "Товарищи, сегодня..." и дальше ничего". Впечатление пропасти разверзшейся передо мной, в которую я сейчас упаду. Села, но понуждаемая окружающими опять встала, теперь уже ничего не произнесла и села ... навсегда. Ужас, позор. Не знаю как и передать мое состояние ... но собрание должно было продолжаться.... Взяла слово Лиля, наговорила каких-то общих фраз (она была не подготовлена), получила даже несколько аплодисментов, потом говорила от меньшевиков. Александр, потом еще несколько ораторов, начались прения и митинг благополучно закончился "без гвоздя".

Не помню, как я досидела до конца, все время сверлила мысль: нужно умереть, такого позора нельзя перенести...

Конец всему, я больше не могу работать. Домой шла пешком на Петроградскую сторону, провожали меня приятельницы, а сестра держала все время за руку. Я молчала, но молчание было красноречивее слов. Особенно на Троицком мосту, как она потом говорила, они волновались. Это мое неудачное выступление определило дальнейшую судьбу. Я вдруг перестала в себя верить. Долго не могла оправиться, а сколько слез было мною пролито, как соблазнительно казалось умереть. Как мне стыдно было перед Валерьяном, он пришел на второй день веселый.

- Ну что, как сошло, конечно, понятно хорошо?

Вместо ответа: рыдания.

"Что случилось"?

- Я ничего не сказала.

- Почему? Как?

Но что я могла ответить? Я и сама не знала, отчего так вышло. Валериан долго меня успокаивал, вспоминал о первом выступлении (аналогичном) Либкнехта, говорил, что пустяки, это Ваше потрясающее волнение - тоже результат темперамента, а оратору только он и нужен, - но все его успокоения не достигли цели, я была безутешна, в своей скорби и твердо решила на больших собраниях никогда не выступать.

Скоро наступил октябрь 1905 г., митинги устраивались всюду без счету. Многие из моих товарищей неожиданно и для меня и для себя сделались ораторами и лишь для меня эта радость владеть толпой, передать ей свою пламенную веру, свой огонь была закрыта навсегда.

Прошло много лет, многое изменилось, но и теперь при мысли с выступлениями перед большой аудиторией, мне вспоминается этот пережитый ужас, и мне не хочется произносить ни речей ни докладов. Но теперь мне и нести за собой уже много не хочется.

"Безумство храбрых -
вот мудрость жизни"

Встает передо мной по контрасту и другой эпизод из моей революционной деятельности. За Нарвской заставой собирается кружок путиловцев. Собирается в первый раз, но публика, по словам

организатора, довольно сознательная, можно будет организовать кружок высшего типа, посылает меня Е.Н. ознакомиться, заинтересовать, "углубить связь". Одеваюсь попроще, вместо шляпы на голове платок, предательское интеллигентское пенснэ прячется в карман и отправляюсь в путь, путь длинный с петербургской стороны чуть ли не к самому заводу. Забираюсь на верх из конспиративных соображений, так как внутри всюду свет и от шпиков не укрыться. Моросит мелкий дождь, который постепенно усиливается. Верх постепенно пустеет и в конце концов остаюсь я одна. Одинокая женская фигура приводит в игривое настроение кондуктора, который поднялся наверх.

- Матрешка, как дела? - обращается он ко мне, подсаживается и пытается любезничать. Мною овладевает отвращение и ярость. Мы были необыкновенно стыдливы и целомудрены, и та свобода и красота в половых отношениях, которая царит теперь, считалась тогда оскорблением, развратом и недопустимой вольностью. Я с удовлетворением дала бы по физиономии кондуктору, который пытается ущипнуть меня выше локтя. Но я не должна себя выдать, отодвигаюсь и прошу оставить меня в покое. Он на меня удивленно смотрит: не прочитал ли он чего-либо на лице этой матершки недотроги? Я слезаю раньше чем нужно с конки и теряюсь в дождливом тумане маленьких улиц.

Но вот я у цели, вхожу, спрашиваю по

фамилии рабочего, устраивающего заседание, говорю условленный пароль (в подобных случаях это был какой-нибудь "Сидор Иванович"), меня проводят в комнату, где собралось 10-12 человек, очень молодых нет, больше около 30 лет. Завожу разговор об условиях работы на заводе, спрашиваю о порядках, сначала стесняются, отвечают односложно, потом подробнее, смелее, у меня есть уже материал для критики, и постепенно беседа делается оживленной. В одном углу вижу рабочего, по внешности несколько отличающегося от остальных, он одет франтовато: рубашка с галстуком, усы по-немецки торчат в стороны, говорит с польским акцентом. Он поддерживает разговор, но как-то странно: чтобы я ни сказала, он вносит поправки, спорит, я начинаю горячиться. Он с нескрываемой иронией все время хочет меня поставить в неловкое положение. Но меня не очень легко сбить, и я вопреки оппозиции держусь. хотя внутренне очень взволнована и никак не могу понять, зачем устроитель привлек человека несочувствующего, который хочет дискредитировать меня в глазах рабочих и сорвать заседание.

Но вот мой противник начинает говорить о том, что много ходит тут всяких студентов и курсисток, которые вот также поджигают рабочих, устраивают стачки, подвергают их всяким несчастьям, а потом сами прячутся, а рабочие идут в тюрьмы, рабочих высылают, рабочих выгоняют с заводов, с фабрик, а у них семьи и пр. и пр. и по мере того, как он говорит, рвутся только что

завязавшиеся связи, растет недоверие ко мне, сначала тихо, а потом все смелей слышится одобрение моему противнику.

- Правильно, верно, товарищ. Подстрекают нас. Не нужно нам подстрекателей, сами справимся и т.д.

И вот я уже в стане неприятелей - сейчас меня прямо выгонят. Волна негодования заливает мою душу.

- Я не права? Я - подстрекатель? Ну что же, я могу уйти, но прежде чем уйти я хочу вам ответить, товарищи. То, что вы слышали сейчас о революционных студентах - неправда, они никогда и никуда не прячутся, если они, прежде чем притти к вам, не заявляют об этом полиции, то это делается не из трусости, и вы должны понять это без объяснения. Бороться надо организованно, надо беречь и свои и ваши силы, так как враг силен. А вы не слыхали, как переполнены тюрьмы? А знаете ли вы о политических каторжниках? Может быть, хоть некоторым из вас приходилось читать о казнях революционеров. - Это все трусы, которые вас подстрекают, а сами прятались?

Я привела несколько имен, коснулась ужасных условий в которых живут политические ссыльные. Чем дальше я говорила, тем заметнее менялось настроение у моих слушателей, я чувствовала, что возвращаю их снова.

- Я могу уйти, если не нужна вам, но я хочу сейчас предложить: пусть кто-либо из вас, хоть вы товарищ, обратилась я к своему оппоненту, идите

в полицию и скажите, что вот на такой-то улице сейчас происходит нелегальное собрание, пусть придут и арестуют меня, я буду ждать, я не боюсь этого, когда я шла к вам, я предвидела и эту возможность и все же пошла, предложение было смелое, но во мне так задета была честь революционера, я так хотела разубедить их в том, что я и мои товарищи – трусы, что готова была доказать, что умею не только говорить, но и отвечать за свои слова, последним предложением я окончательно победила. Те, кто недавно поддакивали моему противнику, обрушились на него.

- Зачем ты собственно пришел к нам? Если ты не веришь, то и уходи не мешай.

- Какой умный нашелся. За всех решил, все плохи, один он хорош? и пр.

Кончилось заседание тем, что франтоватый скептик, (а может быть и хуже) должен был ретироваться, а у меня был такой подъем, такая радость хорошей победы над человеческой душой, что перед нею меркли все ужасы борьбы.

9 января

"Все грознее, все выше тревоги волна,
Поднимается с каждым ударом.
Это Родина наша проснулась от сна
Это край наш охвачен пожаром".

П.К. звал и рабочих и студенческую молодежь на Дворцовую площадь. Об отдельном организованном выступлении тогда еще нечего было и думать. Социал-демократов была горсточка по сравнению с лавиной двигавшейся со всех концов Петербурга к Зимнему Дворцу. Рано утром я поднялась в этот день, уже создалась привычка ходить одной (из консперативных соображений) да и не с кем как-то было итти. Я была вне курсов (меня еще приняли обратно), знакомой молодежи, с которой я бы встречалась у меня не было. Несмотря на большую потребность общения с равными себе, позволить себе это я не могла. При моей веселой живости, способности быстро сладиться с людьми и приобретать популярность, если бы я еще "распивала чай" со знакомыми – конечно, я быстро бы провалилась. Все мое спасенье было в том, что я виделась с товарищами только по делу.

Пошла я к дворцовому мосту через Васильевский остров, по дороге и по панелям двигалась масса народу. До Дворцового моста мы не дошли, толпа оттеснила нас назад от Большого проспекта, уже стало известно, что у Зимнего Дворца стреляли, много убитых и раненых. Что делать? Само собой явился ответ, надо искать оружие и на убийство безоружных надо ответить. Кто-то сказал, что на 17 линии есть оружейные мастерские. Надо итти туда, и во мы идем, почти бежим, я каким-то образом впереди, и всех встречных по дороге заворачиваем и зовем "Товарищи идем с нами, мы за оружием, наших

братьев убивают у дворца". Многие поворачивают и идут с нами.

Я зову даже дворников, стоящих у ворот на страже.

- Братья, товарищи, перестаньте быть рабами, идем добывать свободу.

-Ишь какая тут .... следует не всегда легко повторимый эпитет.

Я как-то совершенно слилась с толпой, многого не вижу, не слышу, не хочу слышать. Вот и 17 линия. На углу 17 линии и Большого проспекта в 1-м этаже действительно, как гласит надпись, "Оружейная мастерская". Конечно закрытая, но разве это может быть препятствием?

- Товарищи, ломайте дверь.

Под дружным напором сильных рук, палок, откуда-то появившегося лома дверь открывается, со звоном летит битое стекло и в окнах и в дверях, и мы в помещении. Оружия мало, какие-то ружья, ножи шпаги, вообще собрание какого то старья, находившегося по-видимому в починке, а, может быть, и антикварной древности - но нам все равно, берем то, что есть. У меня в руках что-то длинное тяжелое заржавленное, то ли меч, то ли какой-то нож (я ничего не понимала в этих вещах), но настроение у меня воинственное и у меня от этого заржавленного клинка ощущение, что я вооружена с ног до головы.

Но не успели мы сделать и 20 шагов, как увидели солдат с офицером во главе направлявшихся к нам. Офицер предложил бросить оружие, иначе он будет стрелять. Толпа

начала быстро таять, а мы "вооруженные" не знали, что делать. Офицер дал сигнал (заиграл рожок), раздался выстрел, по-видимому холостыми зарядами или вверх, так как раненых не было и мы рассыпались кто куда.

- Товарищи, бросайте оружие, это ведь чепуха, разве так можно стражаться, раздались голоса благоразумных. - И опять мы безоружны.

Другой момент выхватывает память из этого дня. Мы на углу 6-й линии и Малого проспекта строим баррикады. Столбы от фонарей, бревна с построек, кадушки, какие-то части лесов неподалеку строящегося дома - все тут находит применение. Сооружение настолько уже возвышается над уровнем земли, что лошади ни в коем случае не перепрыгнуть.

- Кирпича надо, товарищи.

И вот мы идем за кирпичем. На 5-й линии строится дом, там стоят большие запасы кирпича. В руках носить неудобно и много не захватишь, я приспособила для этого свою шубу. Я и сейчас ее помню из серого в полоску толстого сукна, клеш внизу как тогда носили, с меховым воротником и манжетами. Шубка нарядная и мне она очень нравилась, я поднимаю обе полы, накладываю кирпичей как только могу поднять и придерживая обеими руками медленно (тяжело) и важно несу на постройку баррикад.

- "Наташа, что вы делаете?"

Спрашивает меня встретившаяся по дороге знакомая еще с Бестужевских курсов А.П.

- "Вы разве не видите" - с гордостью

отвечаю я, - "Ведь это для баррикады нужно".
Она улыбается, мне кажется с некоторой иронией, а мне жаль ее, она стоит со знакомым студентом и смотрит, только смотрит на все окружающее. Я опять иду и ношу без конца, пока строитель не скажет довольно.

Баррикада закончена, уже наверху имеется и площадка, на которую поднимается товарищ, с длинными кудрями по плечам, и белым платком в руках. Он инициатор сооружений, он первый и произносит речь. Говорит о том, что идилия разрушена, что пошедшие к царю с челобитной получили пули в ответ.

- "Вы видите, что дает нам царская власть. Сбросьте же наконец с себя царское самодержавие и начинайте борьбу за свободу и вы добьетесь ее. Пусть эта первая баррикада, построенная нами будет тем местом откуда начинается наша восстание. Товарищи, не пустим сюда царских приспешников, будем защищать ее. После него еще не один человек поднимается на баррикаду и оттуда произносилась не одна речь. Становилось холодно, а "врага" все не было. Я устала от массы впечатлений и физического труда, замерзла. Начиналась реакция и мне захотелось передохнуть. Было около 4-х часов дня, когда я ушла с баррикады. Я побрела с желанием хоть 1/2 часа провести в тепле. По дороге догнала молодая, симпатичная, изящно одетая девушка. Она оказалась консерваторкой, тоже усталая шла к себе на 14 линию и пригласила меня зайти. В тот день так все было необычно и в то же время так

просто, что я вопреки обычной консервативности сразу откликнулась на приглашение. Около полутора часов мы отогревались, пили чай, обменивались впечатлениями, знакомились. Почувствовали себя сразу своими, у нас уже был и общий язык и "наша баррикада".

- Ну однако уже пора, идемте на 6-ю линию, - предложила я, и мы пошли, но в сумраке надвигавшегося вечера уже чувствовалась усталость, улицы были пустынны. А вот и наша баррикада стоит покинутая в виде неопределенной груды. Никого вокруг нет и нельзя добиться, что случилось: разбрелись ли как мы в разные стороны взятые морозом и усталостью "герои баррикад"? Или же было, что-нибудь худшее. Я проклинаю себя за то, что я не осталась до конца, мне было стыдно как будто я сделала что-то недопустимое.

- Но кто же знал? - Успокаивала меня моя спутница. Но делать было нечего. Разочарованная, обессиленная, убитая поплелась я на другой конец города (на Суворовский) к своим друзьям Г. (Голубевым).

Встретила меня одна В.С. Марья Петровна больна, у нас несчастье, родился мертвый мальчик. М.П. так волновалась, так хотела несмотря на мои протесты, рассказывала мне В.С., итти к Зимнему, а потом около 10 часов утра ей стало нехорошо. В три часа были роды, а сейчас ее нельзя видеть, она очень слаба и, увидав вас, еще больше заволнуется, будет расспрашивать. Меня это все как громом поразило (этого еще не

хватало): моя любимая, моя дорогая М.П. в опасности и я даже увидеться с ней не смогу. Я не стала настаивать и побрела опять на Петроградскую сторону уже совершенно без сил. Шла как истукан без мыслей, без чувств, с одним желанием покоя в душе. Чтобы осознать и пережить все впечатления от 9-го января нужно было еще много времени.

17 октября и весь следующий период проходит передо мной, покрытый какой-то как бы дымкой. Несмотря на то, что события во времени ближе ко мне - память сохранила лишь отдельные моменты, а все остальное "ушло без возврата". Мне кажется, что объяснить это можно тем, что в моей личной жизни происходила тогда большая перемена: я познакомилась тогда с вернувшимися из ссылки Л.А., и сразу же между нами установились дружеские отношения, которые крепли и закончились браком. Хотя мне было тогда уже 25 лет, но увлечение революционной работой почти не оставляло в душе никаких желаний, почти…

Правда мой феминизм уже значительно побледнел, этому способствовали мои занятия по политической экономии, социализму и пр. Я поняла, что женский вопрос неразрывно связан с рабочим и разрешены будут только одновременно.

Во всяком случае, о браке я не думала и думать не хотела, и тем не менее частые встречи, общность мировоззрения и интересов, частные признания, что без меня нет жизни, стихи, постоянно посвящаемые мне (Л. А. был недурным

поэтом) – все это как-то меня связывало, окружающее воспринималось уже иначе, появлялась какая-то тревога, неуверенность, а временами наоборот окрыленность, вдохновение, то хотелось жить красиво, то умереть. Все эти переживания, вероятно, отодвигали на второй план события и впечатления окружающей жизни. Факты растворялись и таяли перед психическими впечатлениями.

Лето 1906 года я провела у сестры, которая служила фельдшерицей при заводской больнице, я не раз и раньше приезжала к ней и всякий раз с увлечением разделяла ее заботы, работала и на амбулаторных приемах при больнице. Тогда я еще не думала о профессии врача, но невольно втягивалась в работу, бывала на операциях, делала перевязки, массаж и пр. На приемах и в больнице рабочих было немного, главным образом это были крестьяне из окружающих деревень с их вечными жалобами то на "грызь" после тяжелой работы, то на боли в желудке (черный горячий хлеб украинцы очень любят), то на куриную слепоту, в результате петровского поста. Эта слепота великолепно вылечивалась мясной диетой, в частности печенкой.

Место это было в моей жизни последним свободным, меня чуть ли не ежедневно бомбордировали письмами из Петербурга, которые кончились одним на все лады повторением претензий.

- Приезжай, я жду, жду....

К крестьянам я относилась тогда с

некоторой как бы снисходительностью: по человечеству еще их было жаль, я часами выслушивала их жалобы, но сознавала в то же время, насколько весь вклад их жизни, мировоззрение их, быт, нравы - все мало привлекательное. В их "социализм", которым в Саратове так старался убедить меня исследователь русской общины К. Качаровский, я не верила, природная косность, консерватизм, чувства мелкого собственника и постоянное недоверие (себе на уме) как-то меня всегда останавливали. Всей своей социал-демократической душой я любила рабочих, с которыми я всегда находила и общий язык и общие интересы.

Особенно огорчали меня крестьянские женщины: мимо их страданий нельзя было пройти равнодушное, сколько драм выслушала я особенно от рожениц, унижение, насилия, побои и от пьяных и от трезвых и вечная реакция на это - слезы и вздохи. Меня злила тогда эта вечная покорность, это отсутствие протеста. Но помочь им я была не в силах и говорили мы на разных языках.

«И возникают в ней виденья первоначальных чистых дней…»

Уже больше 2-х лет я не бралась за тетрадку воспоминаний, приближается старость, все больше теряешь связь с настоящим, кажется, что не понимает тебя молодежь и все чаще хочется

спрятаться, уйти в прошлое.

Так и сейчас - дом отдыха в Крыму, прекрасный уголок у моря, кажется только бы наслаждаться жизнью, а между тем откуда то из глубины поднимается тревога и тоска овладевает и "забвения просит душа".

Дождливый осенний петербургский вечер 1904 г. Мне нужно ехать за Нарвскую заставу, где собирается в первый раз кружок рабочих. Предупреждена, что народ солидный, надо заинтересовать зажечь провести так вечер, чтобы не только не разбежались, но наоборот - укрепились и оформились симпатии к революционной борьбе и социализму. Наладить кружок для пропаганды - задача нелегкая - поеживаясь от сырости и холода, не только внешнего, но и внутреннего, отправляюсь в дальний путь. С петербургской стороны к Путиловскому заводу на конках чуть ли не 2 часа езды. Снимаю, как обычно, пенснэ, надеваю старый жакет, на голову платок и потихоньку, чтобы не видала квартирная хозяйка ухожу. Быстро прохожу мимо двери в первом этаже с надписью "дворник" - на улице спокойно всматриваюсь: подозрительной фигуры не вижу. Отсутствие пенснэ на носу, платок на голове действует на меня как грим на артиста: я уже не курсистка с задорным смехом, с громким голосом, за который так много доставалось еще в бытность в гимназии, а скромная швея или прислуга. Как обычно еду на империале (на верху конки). В середине правда теплее, сухо, на зато там горит

лампа, следовательно, могу быть замечена. Выбираюсь из скользкой винтовой железной лестнице - и вот вне опасности.

Дождь постепенно усиливается, пассажиры постепенно расходятся и я остаюсь в единственном числе, поднимаю воротник, но это плохо помогает и я уже промокла порядочно, пересесть же вниз, заплатить не рискую - не конспиративно. В голове проносятся отрывки из того, о чем собираюсь говорить. Составить подробный план беседы я тогда не умела, да и не хотела. Экспромт мне удавался лучше, чем приготовленная по плану речь. На душе тревожно, мучает вопрос как сойдет беседа, вдруг им покажется не интересно, несерьезно. Больше всего меня смущает, что предстоит мне иметь дело по информации организатора не с молодежью, а с бородачами частью из кузнечного цеха. Как-то они примут меня. Если недавно из деревни – тогда худо. Русский крестьянин не очень доверяет женскому уму. Из моего тревожного раздумья выводит кондуктор. Воспользовавшись тем, что на верху я одна (он меня заметил еще при выдаче билета) он решил за мной поухаживать, поднялся наверх, остановился: "Матрешка как дела?" У матрешки захватило дух от страха: что если этот коночный Дон-Жуан всерьез привяжется ко мне. Молчу. «Какая гордая, поди вниз, размокнешь». Продолжаю упорно молчать, кажется, что могу выдать себя прямо одним звуком голоса, постояв несколько секунд и видя, что матрешка не склонна разговаривать, спускается вниз. Проклиная

кондуктора в душе, скоро за ним слезаю и я и не столько из-за консперативных соображений не доехать до конца, а итти пешком одну две остановки, чтобы замести следы, сколько из-за того, чтобы избегнуть приставания кондуктора. Ну Матрешка, не падай духом.

Дальше рассказ о поляке в кружке.

Невольно вспоминается эпизод с Аграфеной.

"Как я не сделалась оратором".
(Несостоявшееся выступление на митинге созванном по поводу проекта Булыгинской думы в 1904 году).

Последние мои выступления в качестве пропагандиста имели место в Сестрорецке в 1906 г. Уже будучи замужем ездила я в Сестрорецк, где жило тогда много работающих на Гостинный Двор портних. Вспоминаются небольшие чисто прибранные квартирки в Разливе, с цветами на окнах, с кружевными занавесками, с фотографиями на стене, изображавшими чаще всего родителей перед свадьбой - теперь таких портретов не увидать: невеста в белом платье с фатой на голове и традиционным букетом чаще из бумажных цветов, под руку с затянутым в сюртук молодым человеком, с молодцеватой осанкой и значительным выражением в лице.

Кружки были многочисленными; один раз помню в бане собралось около 40 человек, были и мужчины и женщины, сидели с крохотными

огарками из-за конспирации.

За эти поездки я очень подружилась с многими рабочими. Часть из них очень любили театр и выступали в качестве любителей. В Сестрорецке было подходящее помещение: зрительный зал и сцена, где и происходили спектакли. В одном из этих спектаклей пришлось участвовать и мне, как и не отбояривалась. Ставили одну из комедий Островского и я должна была играть роль свахи. Спрашивала санкции у М.П. (по-видимому Марья Петровна Голубева) - запрета не последовало. Спектакль наш прошел удовлетворительно, но публики было мало и сбор небольшой.

Странички из дневника.
(1901 год)

"Что мне она не жена, не любовница,
И не родная мне дочь
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь.
Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме
Темные своды, окно за решеткою,
Койка в сырой полутьме".

Наконец то я могу вздохнуть свободно! после 9-дневного шума, гвалта, крику, сильных и потрясающих впечатлений, я наконец почти сама с собой (так как мои коллеги но палате совсем не беспокоят меня, одна потому, что больна, а другая

потому, что не с кем, а отчасти и потому, что я дала обещание, если она будет кричать, спустить ее с лестницы (неосуществимое обещание, так как мы все время на замке, а фортка с железной решеткой). Я так отвыкла за эту неделю быть одной и систематически думать, что сейчас у меня мысли скачут, скачут, впечатления самые разнообразные вспыхивают так ярко, и так много их, что я кажется совершенно не в состоянии ориентироваться. Мне невольно захотелось изложить хоть часть своих переживаний на бумаге, чтобы хоть несколько успокоиться, а успокоиться уж как нужно, потому, что будущее неизвестность и с весьма непривлекательными оттенками какой то тьмы, да и что хорошего можно …*

* Здесь обрывается запись воспоминаний Натальи Георгиевны.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ МАСЛЕННИКОВОЙ*

15 декабря 1951 года я была зачислена в аспирантуру Математического института им. В.А. Стеклова АН СССР к академику Соболеву Сергею Львовичу. С этого времени вся моя жизнь и научная работа в течение почти 40 лет была связана с именем этого Великого математика. В те годы Сергей Львович возглавлял в МИ АН СССР отдел дифференциальных уравнений с частными производными. Институт занимал небольшое помещение в стенах Энергетического института им. Кржижановского по адресу Большая Калужская, дом 19 (ныне Ленинский проспект, дом 19). Аспирантов в институте было мало, всего человек шесть. Экзаменационная комиссия, которой я сдавала вступительный экзамен, была представительной. Кроме самого Сергея Львовича в нее входили: А.О. Гельфонд, И.Р. Шафаревич, Л.С. Понтрягин, К.К. Марджанишвили; секретарем аспирантской комиссии был С.Б. Стечкин.

Так случилось, что на механико-математическом факультете МГУ дипломную работу я писала у А.О. Гельфонда. На третьем курсе отобрали группу студентов, которую специализировали по закрытой в то время тематике. Мне эта новая специализация была не

* Вера Николаевна Масленникова (19..-19..), профессор, ученица С.Л. Соболева.

по душе. И на четвертом курсе, когда надо было выбирать тему дипломной работы, я обратилась к А.О. Гельфонду с просьбой, не мог бы он дать мне тему по дифференциальным уравнениям. Он согласился и поставил мне задачу - обобщить работу П.С. Урысона по одному функциональному уравнению, опубликованную им в 1924 году в Париже, что я и сделала. А.О. Гельфонд читал нашей группе курс по конечно-разностным и функциональным уравнениям. После окончания МГУ я недолго работала в воинской части, а в ноябре была уволена; можно было поступать в аспирантуру, в которую я рекомендована была после окончания мех-мата. Но я хотела заниматься дифференциальными уравнениями и тогда А.О. Гельфонд рекомендовал меня в аспирантуру к Сергею Львовичу. Уже после окончания мной аспирантуры и во время моей работы в "Стекловке" Александр Осипович однажды сказал: "Верочка, Вы не только Соболева, но и моя ученица". Я очень благодарна Александру Осиповичу, что он рекомендовал меня к Сергею Львовичу. Когда я поступила в аспирантуру, Сергей Львович был очень занят - работал в ведомстве Курчатова его заместителем по математическому обеспечению атомного проекта СССР. В то время он получил "Золотую Звезду Героя Социалистического труда". Сергей Львович сразу дал мне читать в рукописи свою замечательную и теперь уже знаменитую статью "Об одной новой задаче математической физики", опубликованную в 1954 году в Известиях АН

СССР, серия "Математика", в которой он изучил задачу Коши для системы вращающейся несжимаемой жидкости, а мне поставил задачу рассмотреть задачу Коши и начально-краевые задачи в случае сжимаемой жидкости. Этой задаче и была посвящена моя кандидатская диссертация, которую я защитила 17 марта 1955 года. Чтобы продемонстрировать то, как Сергей Львович был занят в те годы, я расскажу один эпизод. Одновременно со мной у Сергея Львовича училась еще одна аспирантка, Григорьева Елена Андреевна; она поступила в аспирантуру в сентябре того же года, только на три месяца раньше меня, поэтому мы занимались вместе и очень подружились. В те годы нужно было сдавать два кандидатских экзамена по математике комиссии, и пять отчетов (зачетов) - научному руководителю. Я сдавала кандидатские экзамены по функциональному анализу и гидродинамике. Один из пяти отчетов был у нас с Еленой Андреевной по качественной теории обыкновенных дифференциальных уравнений. Сергей Львович назначил нам сдачу на 2 часа дня. Мы ждали его на кожаном диване в коридоре, напротив входа в библиотеку. Но Сергей Львович не приходил, а мы все ждали. Было уже 10 часов вечера, темно, свет мы не зажигали, рассказывали друг другу разные математические теоремы в темноте. Вдруг в одиннадцать часов раздался громкий разговор, Сергей Львович бегом бежал по лестнице на 4-ый этаж, а за ним вахтер (по нынешнему охранник) и приказывал Сергею

Львовичу остановиться, так как ночь, институт закрыт. Но Сергей Львович, не останавливаясь, громко говорил ему, что его ждут. Услышав голос Сергея Львовича, мы зажгли свет и пошли ему на встречу. А он победоносно сказал охраннику: "Я же говорил Вам, что меня ждут." Вахтер ретировался, а мы успешно сдали отчет и во 2-ом часу ночи пешком возвращались домой. Хорошо, что Сергей Львович жил в доме 13 по Большой Калужской, я в доме 35, а Елене Андреевне пришлось идти в район метро "Парк Культуры", т.е. подальше.

После окончания аспирантуры меня оставили на работе в отделе Сергея Львовича в МИАНе. Хотя после окончания аспирантуры я была свободна в выборе научной тематики (занималась параболическими уравнениями, системами реакции-диффузии и т.д.), но я чувствовала как Сергей Львович радовался и приветствовал мои исследования по вращающейся жидкости. Я занималась асимптотическим поведением решений при большом времени различных систем гидродинамики вращающейся жидкости вязкой, несжимаемой, сжимаемой, т. е. поведением и затуханием гидродинамических волн. В 1986 году Ученый Совет Математического института им. В.А. Стеклова (директором института в то время был академик Н.Н. Боголюбов) выдвинул работы С.Л. Соболева и трех его ближайших учеников: Р.А. Александряна, мои и С.В. Успенского на Государственную премию СССР. Активно поддержали это

выдвижение многие математики и физики: Н.Н. Боголюбов, В.П. Маслов, В.И. Арнольд, В. Пененко, В.П. Мясников, отдел вычислительной математики Г.И. Марчука, А.П. Александров (в то время он был Президентом АН СССР) и другие. Для Сергея Львовича это была четвертая Государственная премия СССР. Первые три Государственные премии СССР - тогда они назывались Сталинскими премиями, Сергей Львович получил: в 1941 году за работы по математической теории упругости, в 1951 и в 1953 годах - за работы по математическому обеспечению атомного проекта СССР. По иронии истории математики Сергей Львович не получил Ленинской премии, на которую он был выдвинут в 1975 году за работы по теории обобщенных функций, теоремам вложения, пространствам Соболева и дифференциальным уравнениям в частных производных. Против присуждения ему Ленинской премии за эти работы выступила группа известных академиков; теперь их нет в живых и я, по русскому обычаю, не называю их фамилий. Жизнь, конечно, расставила все по своим местам, и эта забавная история выглядит сейчас как недоразумение. С.Л. Соболев является творцом теории обобщенных функций как функционалов, без которых не обходится математическая и теоретическая физика. А пространства Соболева и теоремы вложения Соболева вошли в науку так прочно, что почти ни одна работа по дифференциальным уравнениям в частных производных и математической физике

не может быть выполнена без использования этих фундаментальных открытий Соболева. Теория пространства Соболева интенсивно развивается и будет развиваться в дальнейшем. Отметим в этой связи, что вышли уже три очень хорошие монографии в мире с названием "SoЬo1ev Spaces" Р. Адамса в 1975 г., В.Г. Мазьи в 1985 г., В.И. Буренкова в 1998 г., в которых излагаются и интенсивно развиваются идеи Соболева. Этому же вопросу посвящена и монография О.В. Бесова, В.П. Ильина, С.М. Никольского "Интегральные представления функций и теоремы вложения". Так что ход развития самой науки самый беспристрастный судья. Задачами же вращающейся жидкости С.Л. Соболев начал заниматься в 1943 году в связи с устойчивостью движения волчка, заполненного жидкостью, в зависимости от геометрической формы полости и угловой скорости вращения. Это были прикладные задачи, поэтому его работа была опубликована только в 1960 году. Уравнение и система уравнений гидродинамики вращающейся жидкости в науку вошли как уравнение и система Соболева, так как он первый внес существенный вклад в исследование их решений. Эти уравнения не относятся к классическим типам эллиптических, параболических или гиперболических. В связи с работами Соболева о свойствах колебательных процессов вихревого движения жидкости внутри твердого тела возникло новое направление в математике - спектральная теория операторов в пространствах с

индефинитной метрикой. Была установлена тесная связь почти периодичности решения (а это, в определенном смысле, и означает устойчивость движения) рассматриваемой задачи со спектральной теорией гиперболических операторов с граничными условиями, заданными на всей границе. Эта спектральная теория имеет совершенно новые свойства и не укладывается в рамки классической спектральной теории для эллиптических операторов, т. е., например, для колебаний упругих тел. Построение спектральной теории для гиперболических операторов потребовало привлечения совершенно новых методов, в разработке которых сыграли существенную роль и теоремы вложения Соболева и его фундаментальные идеи, относящиеся к двойственным пространствам и операторам. Сюда относится и понятие обобщенной собственной функции в общепринятом теперь понимании. Расширение понятия собственной функции для операторов, возникающих в теории вращающейся жидкости, оказалось необходимым, так как спектральные свойства таких операторов качественно зависят от формы области и, в случае наличия у спектра участков непрерывности, собственные функции, будучи существенно разрывными, обязательно должны трактоваться как обобщенные.

Системами гидродинамики вращающейся жидкости с учетом кориолисового члена описывается динамика атмосферы и океана и при решении этих задач чрезвычайно полезно бывает

разложение решений по малому параметру 1/t, где t - время, при больших значениях t. Важно при этом исследовать поведение решения с течением времени: если оно затухает, то с какой скоростью, если оно стабилизируется к какому-то стационарному решению, то надо знать вид этого стационарного режима, и единственен ли он, а также знать - с какой скоростью решение выходит на этот стационарный режим. Решение может выходить и на периодический по времени режим, тогда надо знать, когда это бывает. И найти предельную амплитуду. Всеми этими вопросами я занималась при большой моральной поддержке Сергея Львовича. Как я уже сказала выше, Сергей Львович заведовал отделом дифференциальных уравнений в частных производных в МИ АН СССР. Он заведовал этим отделом и долгое время после его переезда в Новосибирск в 1960 году. Летом 1960 года я вместе с моим мужем Камыниным Леонидом Ивановичем (кстати, он тоже был аспирантом Сергея Львовича, но в МГУ) были приглашены Сергеем Львовичем посетить Новосибирск и строящийся Академгородок. Мы только что вернулись из Албании, где работали я - один год, а Леонид Иванович - два года в университете в Тиране, участвовали в организации этого университета и подготовке математических кадров - преподавателей. Сергей Львович жил тогда на Совнархозовской улице рядом с театром оперы и балета со своим зятем - мужем старшей дочери Светланы. Бросилась мне тогда одна черта жизни Сергея Львовича - его скромность и

аскетизм: железные кровати и все очень просто, по-походному. В том же доме жил и И.Н. Векуа с женой, как показалось мне тогда, в роскошной обстановке. На другой день после нашего приезда, Сергей Львович пригласил нас поехать смотреть строящийся Академгородок. Мы приехали в университет - он помещался в здании школы, одном из немногих в то время выстроенных зданий Академгородка. На крыльце нас встретил Илья Нестерович Векуа, ректор Университета, и, обрадовавшись, сказал: "Как хорошо, что вы приехали. Некому принимать вступительные экзамены по математике на математический факультет". Так до самого вечера мы экзаменовали, я - в паре с Леонидом Витальевичем Канторовичем. Знания у абитуриентов были слабые - поступали в основном строители Академгородка и среди всех выделился своими отличными знаниями и способностями один молодой человек. Когда я стала ставить оценку в его экзаменационный лист, то увидела фамилию Мальцев; оказалось, что это сын Анатолия Ивановича. После экзамена поздно вечером нас повезли в спортлагерь на пикник, в тайгу. В связи с этой нашей поездкой скажу, что Сергей Львович в то время хотел, чтобы я с семьей поехала на работу в Новосибирск. Ведь я, работая у него в отделе в Москве, помогала ему и в подборе кадров для работы в институте математики; он советовался со мной и при проектировании самого здания института математики и при разрешении ряда других проблем, возникавших тогда.

Однажды приходит Сергей Львович в отдел грустный. Спрашиваю, что случилось. Он отвечает, что был по разным вопросам организации и строительства Академгородка у Н.С. Хрущева и тот сказал: "Незачем в институте математики для каждых двух кандидатов наук отдельную комнату, а для каждого доктора наук - отдельный кабинет. Что ему там делать, "в носу ковырять"? Сергей Львович таким заявлением Н.С. Хрущева был очень огорчен. Но на работу в Новосибирск я не поехала, как говорится "по семейным обстоятельствам". Отец моего мужа, Камынин Иван Иванович, был арестован в 1937 году, моя свекровь считала, что он погиб в ГУЛАГе в Сибири и не хотела туда ехать. Оставить же ее одну в Москве было невозможно, она, учительница математики в школе, была уже немолода, и у нее никого не было из родственников, кроме сына. Сергей Львович, из-за моего отказа поехать, некоторое время на меня сердился, но года через два как-то сказал мне: "Вера Николаевна, Вы - мудрая женщина. Хорошо, что не поехали в Новосибирск. Что бы я делал без Вас в Москве?" Дело в том, что Сергей Львович, будучи директором института математики в Новосибирске и профессором - заведующим кафедрой в НГУ, имел много служебных обязанностей и в Москве. Он и заведовал отделом в МИ АН, и был председателем Комитета по Ленинским и Государственным премиям, как академик имел и много других обязанностей. Так что около 5-6 месяцев в году он

проводил в Москве, часто ездил в командировки за границу. И я была единственным близким ему человеком, который мог ему помочь и организационно и советом. А в Новосибирске, в институте математики, у него был хороший помощник - член корреспондент АН СССР, алгебраист А.И. Ширшов. Кроме того, референтом - секретарем у Сергея Львовича все годы работала замечательная, очень умная, заботливая и преданная женщина - Лидия Михайловна Крапчан. Я дружу с ней более 30 лет, и для меня она - свет в окошке. Сергею Львовичу она во всем помогала, а сейчас часто бывает в Москве и помогает Ариадне Дмитриевне. Итак, в Новосибирск я не поехала. Но все годы, которые Сергей Львович работал в Новосибирске, я часто туда ездила, практически ежегодно, иногда дважды в год. Я ездила на заседания редколлегии Сибирского Математического журнала, членом которой являлась; на конференции, которые довольно часто проходили в Новосибирске; просто по разным делам, связанным с работой. В мае 1971 года я защитила в Новосибирске докторскую диссертацию в Ученом Совете, где председателем являлся Сергей Львович. Так что Новосибирск, Академгородок, институт математики стали для меня вторым домом. Так случилось, что на склоне лет, в 1984 году, Сергей Львович вернулся в Москву опять, в Математический институт им. В.А. Стеклова, но в отдел теории функций, которым в то время заведовал С.М. Никольский. И когда Сергей

Львович был уже очень болен и не мог ходить, то я была его связующим звеном с внешним миром математики в Москве. Я часто приходила в его дом на улице Академика Петровского, рассказывала о математических новостях, и Ариадна Дмитриевна всегда очень тепло принимала меня. Однажды, я была занята, работая заведующей кафедрой дифференциальных уравнений и функционального анализа Российского университета дружбы народов, у меня не было времени прийти вовремя. Сергей Львович сказал мне: "Вера Николаевна, Вас не было целых две недели. Приходите ко мне, пожалуйста, почаще." Так что я была полезной Сергею Львовичу до самых его последних дней.

Но вернемся назад, к самым счастливым шестидесятым и первой половине семидесятых годов. Сергей Львович в расцвете сил много работает, пишет книгу по кубатурным формулам, много ездит по свету читать лекции, на конференции. Академгородок и институт математики - два детища Сергея Львовича, тоже переживают свой расцвет. В августе 1963 года проводится в Новосибирске знаменитый Советско-Американский симпозиум по дифференциальным уравнениям в частных производных. Приезжает представительная делегация из США во главе с Р. Курантом. Приехали К. Фридрихе, Л. Ниренберг, Ю. Мозер, А. Зигмунд, Ш. Морри, А. Кальдерон, П. Лаке, Р. Рихтмайер. Р. Финн, всего 28 математиков, со многими из которых мы ранее были знакомы по

работам, а теперь познакомились лично. Были выпущены труды симпозиума на английском и на русском языках, в подготовке к печати которых я принимала большое участие (так как выпуск их готовился в Москве). Симпозиум был очень интересный и в научном плане и в плане культурной программы. Р. Курант делал доклад об уравнениях для минимальных поверхностей с демонстрацией на каркасе с мыльной пленкой. Опыт получался вполне удачно, доклад длился минут 30-40. Этого времени было мало, поэтому в конце симпозиума был организован специальный двухчасовой семинар для более подробного доклада Куранта. Но опыт с мыльными пленками на семинаре получался плохо, пленки быстро рвались и не переходили одна в другую при повороте остова каркасика, а руки у Куранта почему-то дрожали. В конце концов Курант со смехом произнес сакраментальную фразу: "Вот до чего может довести русская водка". Действительно, американцев очень часто приглашали в гости. Кроме официальных приемов, как это бывает обычно, в начале и в конце конференций, они побывали в гостях у С.Л. Соболева, М.А. Лаврентьева, И.Н. Векуа и других, иногда по два раза. Во время симпозиума были интересные экскурсии: на теплоходе по Обскому морю с остановкой на дальнем острове, где мы плавали, играли в волейбол; на Новосибирскую ГЭС и плотину; на очень большой Новосибирский завод, где производили мощные турбины; в институт ядерной физики к Будкеру, где

осматривали ускоритель на встречных пучках; посетили спектакль в Новосибирском оперном театре и специально для симпозиума был организован концерт. Во время экскурсии на турбинный завод А.В. Зугмунд задал его директору вопрос: "Почему на заводе никто не работает, а все ходят и ничего не делают?" Директор, немного растерявшись, ответил, что мы попали на время пересменки (было около 4-х часов дня), а она длится долго, так как трамваи не могут сразу развозить рабочих по домам. Вообще А. Зигмунд часто и везде задавал "каверзные" вопросы, критически относился к нашим порядкам. Вообще-то мы с А. Зигмундом дружили; в шестидесятые годы он часто приезжал в Москву, в Стекловский институт, всегда в иностранном отделе АН СССР заявлял, что хочет встретиться со мной; мы с ним говорили о математике и о жизни. Как-то он сказал, что американское правительство хотело бы помогать советским математикам, которые посещают США, но беда в том, что все деньги ученым приходится отдавать в советское посольство, оставляя себе 11 долларов на день, а американское правительство не хочет обогащать советское правительство. Сергей Львович в те годы дважды посетил США, читая лекции. После второго посещения он сказал мне, что больше не поедет, так как много приходится ездить: за месяц он прочитал лекции в 12 университетах, а это утомительно.

Сергей Львович организовал институт математики СО АН СССР, который теперь носит

его имя, и был его бессменным директором более 25 лет. За эти годы было организовано большое число научных конференций по дифференциальным уравнениям в частных производных, теории операторов, по теории кубатурных формул. Практически конференции проходили ежегодно. Председателем оргкомитета всегда был Сергей Львович. Сотрудники института математики, я и некоторые другие математики из Москвы работали членами оргкомитетов. Конференции проходили в Новосибирске, Ташкенте, Самарканде, Бухаре, в других городах России и союзных республик. Особенно запомнилась конференция 1973 года на берегу озера Байкал, в Баргузине, организованная на спортивной базе технологического института из Улан-Удэ. В конференции приняли участие многие известные математики. Пленарные заседания проходили на берегу озера. Об этой конференции у многих остались очень яркие воспоминания и фотографии. Произошел один курьезный случай со мной и моим мужем. В обеденный перерыв играли в баскетбол, волейбол, футбол. На берегу Байкала стояли 2 больших катамарана, на одном из них уплыли дети Л.В. Овсянникова, а на втором решили прокатиться мы вдвоем с Леонидом Ивановичем. Катамаран был неисправен, о чем мы, конечно, не знали. Он даже был отнесен далеко от берега в тайгу, но мальчишки рано утром того дня приволокли его на берег. Мы сели и, работая педалями, уплыли довольно далеко от берега. Погода была

прохладная, но солнечная, озеро спокойное, вода примерно + 4 градуса. Перед тем как повернуть обратно, мы решили отдохнуть и перестали крутить педали. Катамаран потерял устойчивость и перевернулся спереди назад. А так как он имел большую массу, то мы оказались глубоко под водой. К счастью, мы хорошо плавали. На мне была теплая одежда: плотные брюки, куртка и сумка со всеми нашими документами, обратными билетами (нас просили не оставлять документы в домиках, в которых мы жили в тайге, так как они не запирались). Сумка сразу наполнилась водой, отяжелела и мешала мне быстро всплыть на поверхность, но я решила (это длилось мгновение) все-таки ее не бросать и силой воли всплыла. Леонид Иванович, "без сумки", был уже на поверхности, потерял очки и меня не видел. Наконец, мы выбрались на большие металлические бревна катамарана. Теперь надо добираться до берега, но как? Стали кричать, но все играют, далеко, никто не слышит. Только один наш сын Виталий (ему тогда было 15 лет, а сейчас он уже доктор физико-математических наук, профессор математики), играя в баскетбол, "нутром" почувствовал неладное и выбежал на берег. Наши голоса не были слышны, но он увидел, что я машу рукой. На помощь был призван 2-ой катамаран, лодок не было. Ребятам Л.В. Овсянникова вручили длинные тонкие бревна, и мы были прибуксованы к берегу. Все конференция ждала нас на берегу. Меня и Леонида Ивановича поместили в домиках на

берегу, принесли нашу сухую одежду, натерли тело спиртом и внутрь заставили принять изрядную долю спиртного. Я повеселела. Все пошли в столовую. Мы сидели за одним столом с Сергеем Львовичем. Он был очень расстроен и сердит на нас за то, что мы уплыли так далеко. Я, смеясь, говорю ему: "Сергей Львович, ну что Вы так переживаете, ведь все обошлось и мы не утонули." Вот такое было приключение на озере Байкал, о котором математики очень долго вспоминали. Когда я пришла в сентябре на работу в институт Стеклова и встретилась с А.И. Кострыкиным у стенда с новыми поступлениями в библиотеке, он спросил меня: "Где ты была летом? Я был в Австралии. Очень интересно. Там солнце "ходит в другую сторону". Я сказала: "А я была на Байкале. Тоже очень интересно." Он ответил: "Да, я слышал, что двое на вашей конференции утонули". Слухи о нашем приключении приобрели совсем другой смысл.

Все конференции, проходившие под руководством Сергея Львовича, собирали цвет математического сообщества. Мы получали о работах друг друга очень оперативно полезную информацию. Одновременно мы и отдыхали и многое видели. Говоря о научных конференциях, организовываемых под эгидой Сергея Львовича, нельзя не упомянуть о 25-летнем Советско-Чехословацком сотрудничестве, в рамках которого было проведено 10 Советско-Чехословацких и Чехословацко-Советских совещаний попеременно в СССР и Чехословакии.

А началось все с "Eqadiff-I" в Праге в 1962 году. Международные конференции "Eqadiff" по дифференциальным уравнениям и их приложениям проводились Чехословакией, а теперь проводятся Чехией и Словакией, примерно раз в 4 года. Первая была организована в конце августа - начале сентября 1962 года. В делегацию от АН СССР входили Сергей Львович с Ариадной Дмитриевной, я, В.В. Немыцкий. Главным организатором был Иво Бабушка. Он тогда ближе познакомился с Сергеем Львовичем и предложил в рамках двустороннего сотрудничества между АН СССР и Чехословакии разрабатывать совместную тему. Ее название "Применение методов функционального анализа и теории функций к задачам математической физики и вычислительной математики" было дано в 1964 году при заключении соглашения между Академиями. Первое Советско-Чехословацкое совещание было проведено в 1965 году в Москве в Математическом институте им. В.А. Стеклова. Затем в 1968 году в Тупадлах в 25 км от Праги в доме Ученых Чехословацкой АН. Представительное совещание было в 1971 году в Новосибирске, в Академгородке; совещание в Праге в 1973 году было малочисленным по причинам политического характера (всего 3 математика из СССР ездили в Прагу). Но Совещание 1975 года в Алма-Ате уже было полноценным, участников было очень много, около 300, из них примерно 30 из Чехословакии. Ездили на экскурсию на каток "Медео", все, кто

умел, катались на коньках. Остальные совещания: в Смоленице (1979 г.), Ереване (1981 г.), Бехине (1983 г.), на Азовском море (1986 г.) (Донецк), в Старой Туре (1988 г.) были очень представительными. Сергей Львович, к сожалению, на последних совещаниях не мог присутствовать, из-за болезни позвоночника: ему было трудно передвигаться. Активными организаторами совещаний с выделением денежных средств на командировки были Институт математики им. С.Л. Соболева СО АН СССР, Вычислительный центр СО АН СССР, Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР. К ним присоединились Институт математики Казахской АН, Ереванский Государственный Университет, Институт прикладной математики и механики Украинской АН, другие университеты и институты СССР. С Чехословацкой стороны - институт математики ЧС АН и Карлов Университет в Праге, Институт прикладной математики и вычислительной техники университета им. Коменского в Братиславе, Технические Университеты г. Брно и Праги и другие университеты и институты Чехословакии.

Участие математиков в этих совещаниях не только стимулировало исследования и шел обмен идеями и результатами, но и благодаря этому 25 летнему сотрудничеству шел заметный рост научных кадров в Чехословакии в области дифференциальных уравнений в частных производных, теории функций и вычислительных

методах. Если на первых совещаниях со стороны Чехословакии принимали участие не более 5-10 математиков, то на последних - их было уже больше 50.

На последнем совещании в Старой Туре был торжественно принят юбилейный Адрес Сергею Львовичу в связи с его 80-летним, и были вручены именные медали университета им. Коменского группе советских математиков, активно поддерживавших Советско-Чехословацкое сотрудничество и работавших членами оргкомитетов этих совещаний. Я принимала участие в 9 совещаниях, кроме Праги 1973 года, и всегда была заместителем Сергея Львовича. Мы тогда не думали, что совещание 1988 года в Старой Туре будет последним, но у нас началась "перестройка", перестал существовать СССР, Чехословакия тоже разделилась на два государства, и все рухнуло. Но надо всегда помнить, что передовая советская школа математики и лично Сергей Львович, очень много сделали для подготовки математических кадров Чехословакии.

Говоря о математических конференциях, нельзя не сказать о замечательных, очень представительных международных конференциях, организованных в Академгородке в связи с 60-ти, 70-ти и 75-летием Сергея Львовича. На эти конференции приезжали все ведущие математики СССР в области дифференциальных уравнений с частными производными, математической физики, теории функций и функционального анализа и

вычислительной математики. Большое число математиков приезжало из "социалистических" и "капиталистических" стран. Были Ж. Лере, Ф. Джон, Дж. Таленти, К. Пуччи, Дж. Хейвуд и многие, многие другие математики. Каждый раз на торжественном собрании в доме Ученых я дарила Сергею Львовичу 60, 70 или 75 роз (по числу исполнившихся ему лет), которые привозил мне мой ученик из Ашхабада Нарчаев Ага, заведовавший кафедрой в Туркменском университете. Конференция в честь 80-летия Сергея Львовича тоже проводилась в Новосибирске осенью 1988 года, но уже без присутствия Сергея Львовича, так как приехать ему из Москвы было очень трудно. Ее организовал и провел директор института математики М.М. Лаврентьев. Я принимала участие в работе этой конференции. Родные и друзья Сергея Львовича собрались 6 октября 1988 г. на его квартире в Москве. Я зачитала адрес из Старой Туры. Сергей Львович быстро утомился и его увели отдыхать, а мы продолжили праздник. Вдруг открывается в столовую дверь, и в дверях стоит Сергей Львович; пришел он сам, хотя без посторонней помощи уже не передвигался. Он сказал: "Я немного поспал, а у вас так весело, что я не выдержал и решил вернуться к вам". Это был последний день рождения Сергея Львовича, который мы отмечали вместе с ним.

В июне 1998 года был организован Сибирский Математический конгресс по прикладной и индустриальной математике

"ИНПРИМ-98", посвященный памяти Сергея Львовича в связи с 90-летием со дня его рождения. На конгрессе были представлены доклады не только по математике, но и по широкому спектру ее приложений, вплоть до экономики и лингвистики. А осенью 1998 года в Доме Ученых РАН был организован вечер памяти Сергея Львовича, на котором выступили с докладами я, С.В. Успенский и М.И. Вишик. Вечер был организован В.М. Тихомировым. Прошел вечер в очень теплой обстановке; мы представили книги Сергея Львовича и очень много фотографий.

Сергей Львович подготовил очень много кадров, кандидатов и докторов наук, мне трудно всех сосчитать, никого не обидев. Как часто говорили в те годы, учениками Сергея Львовича считали себя математики и не учившиеся у него в аспирантуре или докторантуре, но выросшие на его идеях и работах. Кроме его работы профессором в МГУ и НГУ, этому способствовали и научные семинары, которые вел Сергей Львович в Москве и Новосибирске. Я, например, выросла на семинаре С.Л. Соболева, И.Г. Петровского и А.Н. Тихонова, который долгие годы работал в МГУ. Во время работы семинара в Академгородке, выходили Труды Семинара С.Л. Соболева, в которых мы часто печатали свои работы, и не только мы, но и наши ученики.

Подводя итог моих коротких воспоминаний о Сергее Львовиче, моем учителе и большом друге, необходимо отметить, что сделал Сергей Львович в математике.

1. Он создал теорию распространения волн.
2. Заложил основы теории обобщенных функций как функционалов.
3. Ввел понятие обобщенных производных как локально интегрируемых функций и на их основе определил обобщенные решения дифференциальных уравнений.
4. Ввел в математику новые функциональные пространства и доказал для них теоремы вложения - пространства Соболева, теоремы вложения Соболева.
5. Заложил основы спектральной теории операторов в пространствах с индефинитной метрикой в связи с изучением решений систем гидродинамики вращающейся жидкости - систем Соболева.
6. Внес определенный вклад в развитие вычислительной математики - замыкание вычислительных алгоритмов, кубатурные формулы, защищал кибернетику, когда на нее у нас в стране были гонения, создал первую в СССР кафедру вычислительной математики в МГУ.
7. Вместе со всем выше перечисленным, разработал математическое обеспечение атомного проекта СССР, когда работал заместителем И.В. Курчатова в "ЛИПАНе" (позже - институт атомной энергии им. И.В. Курчатова).

Для одного человека - это очень много. В моей памяти Сергей Львович остался исключительно доброжелательным человеком,

полным оптимизма, жизнерадостности и увлеченности наукой. Его научные идеи, методы и открытия вошли в золотой фонд мировой науки, став достоянием многих поколений математиков настоящего и будущего.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕЗИН*
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Сергей Львович Соболев... Один из гениальных математиков XX века, творцов современного анализа. Что помнится? Улыбка, стремительность, неисчерпаемая доброжелательность...

В воспоминаниях, посвященных одному определенному лицу, неизбежно возникает вопрос о соотношении субъекта и объекта. Вопрос о дистанции.

Зашел однажды на кафедру Лазарь Аронович Люстерник. Подошел к Соболеву.

- Сергей, дай двадцать рублей взаймы. Опять деньги взять забыл...

Замер я, помню, от неожиданности... Значит, для кого-то вот так: просто "Сергей...".

Это - не моя дистанция.

Вдова академика Герсеванова, старого петербуржца, поинтересовалась моими университетскими делами.

- Соболев? Помню, помню ... Эдакой молодой петушок... Очень энергичный...
Словесный вариант Сарьяновского портрета ...

Это - не мои воспоминания.

Мои начинаются в 1950 году. На Мех-Мате появился знаменитый академик Соболев. Читает курс теории уравнений в частных производных на

---

* Дезин Алексей Алексеевич – профессор, один из прямых учеников С.Л. Соболева

втором потоке (нам читал Петровский). Интересно посмотреть.

Сел в третьем ряду.

Входит. Поздоровался. К доске. Нет мела ... Кто-то побежал искать...

Повернулся к аудитории. Подошел к столу. Улыбнулся. И так, минуты две-три, стоял, в непринужденной позе, глядя на нас и приветливо улыбаясь...

Не забыть!

Лекцию читал четко, очень быстро.

Из той же эпохи. Экзамен идет. Должен быть С.Л. (Буду иногда пользоваться инициалами. Не от недостатка почтения. Даже Сталин не обижался на сокращение: И.О.)

Час, другой - нет. Наконец, входит. Поздоровался, извинился, сел экзаменовать. А на лацкане пиджака - новенькая золотая звездочка блестит: Герой Социалистического Труда. Только что вручили...

Поставил полдюжины пятерок, встал, извинился, улыбнулся, исчез ...

Начал работать семинар по книге: "Некоторые приложения функционального анализа в математической физике" (мой четвертый курс). Много задач. Облюбовал я теоремы вложения для дробных показателей. Доказать без использования теории приближений. Кое-что сделал. Рассказал.

На пятом курсе попросил тему для диплома.

-Да у Вас была очень хорошая курсовая работа. Вполне достаточно.

Ответил, что хотел бы еще заняться задачей продолжения с многообразий меньшей размерности. Одобрил.

Сделал к весне. Заинтересовался С.Л. Полчаса сидели вдвоем в пустой аудитории.

Напишите аккуратно. Представлю в ДАН...

Потом, когда хотел похвалить, всегда вспоминал:

- Еще дипломная работа у А.Д. была очень интересной...

Встал вопрос об аспирантуре. Нелады у меня с общественными организациями. Формальное обвинение - механически выбыл из комсомола, не встав на учет после демобилизации.

Дошло до С.Л. В чем дело? Объяснили (это - по рассказам). Вскинул брови:

- Что за ерунда? Способный же человек ...

Приняли … Помогла, заодно, и кончина И.С. в марте месяце. Первые капельки оттепели ...

Семинар: Соболев, Петровский, Тихонов.

Петровский бывает редко. Ректор.

На мне доклады: работы Фридрихса, Гординга, Лере... Занялся системами первого порядка.

С.Л. бывает регулярно, слушает внимательно, но всегда сильно занят. Было и так:

Подсел к нему кто-то в первый ряд. Хочет встретиться, поговорить.

- Хорошо. Давайте вечером в четверг...

Володя Захаров:

- Вечером в четверг комитет по премиям!

- Да... Давайте в пятницу, в первой половине

дня...
Лёша Филиппов:

- В пятницу экзамен принимаем.

- Повернулся к аудитории. Театральным шопотом:

- Я, кажется, становлюсь халтурщиком ...

Заинтересовали меня неравенства Кларксона. Приведены в Книге. Спрашиваю, где найти!

- Да я все сам доказывал ... Только побоялся, что они известны. На всякий случай Кларксона упомянул...

Подписывает мою характеристику. Добавил: "Много читает". На секунду задумался:

- Вот Владимир Иванович (Смирнов) знает всё. Но сам сделал сравнительна немного... Я мало читал...

Разговор о Ньютоне. Вспомнили о комментариях к Апокалипсису. Сергей Львович:

- Но ведь тогда рано было к Апокалипсису комментарий писать...

Сдаю аспирантский отчет по нашумевшей книге Л. Шварца: "Теория распределений". Много разговоров о приоритете С.Л. в создании теории обобщенных функций. Шварц сослался. Экземпляр книги прислал. Рассказываю по главам. Слушает внимательно.

- Это я знал ... Это я знал ... Это мало интересно... Вот использовать преобразование Фурье мне в голову не приходило...

Всплыла в эти годы работа С.Л. по вращающейся жидкости. Считалась закрытой. Вот

уж подлинно новое направление, по которой тоскует ВАК! По сей день кладезь тем для докторских диссертаций.

Защитил кандидатскую... Поздравил меня С.Л.

- Надеюсь видеть Вас сотрудником МИАН...

Пятидесятилетие С.Л. Актовый зал МГУ. Приветствие от учеников. Вера Масленникова, Таддей Зеленяк... С.Л. душой уже в Сибири.

Желая: покорить седой России ширь,
Проживши пять десятилетий бурных,
Собравши легионы формул кубатурных,
Подобно Ермаку вступили Вы в Сибирь...

Запомнилось очень теплое: товарищеское приветствие Христиановича:

- Будем вместе работать...

Не так всё просто сложилось...

Вижу С.Л. всё реже. Но докторскую защищать довелось в Академгородке. Был такой период, когда по месту работы защищать не разрешалось.

После прилета - чаепитие в Новосибирской квартире. В гостях Канторович. Вспоминают, что вместе поступали в ЛГУ.

- Только Леонид сразу поступил, а меня по возрасту не взяли. Год в шахматы играл...

Как многие сыны прославленной Отчизны,
Родились Вы на берегах Невы,
И на Москву порой взирая с укоризной,

В далекий путь не раз пускались Вы.
Оставил Гюнтер Вам в наследство потенциалы
И в путь благословил в вечерний час, когда
Характеристиками билась о причалы
Балтийских вод седая череда...

Это всё - из адресов...

Год 61-й. Всесоюзный математический съезд. С.Л. увлечен идеей использования компьютеров для расшифровки письменности Майя. Доклад делает. Из зала:

- Но в нашей печати уже появлялись сообщения о расшифровке…

Развел руками:

- Кто же верит нашей печати?

Ничего... Не те уже времена!

А вот из-за чехословакии позднее были неприятности. Очень осуждал вмешательство.

- Мне Бабушка[1] письмо прислал: "Не пожелал бы Вам прихода китайских коммунистов для наведения порядка"

Бываю в Новосибирске.

Конференции. Защиты. Советско - Американский симпозиум 1963 года. Курант, Фридрихс, Ниренберг, Лакс... По вечерам - приемы. Американцам - каждый день; россиянам - по очереди. Мне повезло: у Векуа - по очереди, у С.Л. - как ученик. Перевожу диферамбы гостей в адрес Соболева, Тихонова, Гельфанда...

Было в С.Л. что-то неискоренимо

[1] Известный чехословацкий математик, эмигрировавший в США.

комсомольское. От комсомолии второй половины двадцатых годов... Год 67-й. Приехал в Москву. Вдруг - исчез. Где ?

- В Крыму. Приглашен на юбилейную конференцию молодых ученых. Появился.

- Как съездили?

- Слетал... Рассказал им про кубатурные формулы. Только там, в основном, гуманитарии, были...

Шестидесятилетие в памяти, как-то не отложилось. Помню семидесятилетие..

Адреса, телеграммы, много иностранцев... Приветствие от пионеров:

Сергей Львович, дорогой,
Мы пришли к Вам всей гурьбой,
Когда выростем, то все мы
Станем делать теоремы...

Банкет. Снова от учеников:

Всех Ваших теорем, не уложить нам в строфы,
Предвосхитили Вы и Шварца и Лере,
В той многомерной формуле Кирхгофа...

Прислушался Лере: что-то о нем? Сдружился с ним С.Л. в последние годы. И Францию любил. Язык - почти как родной...

В США один раз съездил:

- Больше не поеду…

Радом со мной (на банкете) жена Сарда.

- Семьдесят лет и столько энергии!

Невероятно!

Одна из последних встреч - мое шестидесятилетие (83-й год). Произношу запутанный квази-математический тост. Сергей Львович рядом. Лукаво улыбается, поправляет...

Ариадна Дмитриевна вздохнула:

- Шестьдесят - это еще немного... Скоро совсем в Москву переедем... Заходите к нам!

Грешен... Не заходил... Очень уж глубоко пролегала наша внутренняя несхожесть...

Упрекали. С.Л. за недостаточную заботу об учениках.

Настойчивая забота об учениках часто связана с четким разделением окружения на "своих" и "чужих". Для С.Л. все были "свои". Он готов был позаботиться о каждом, кто к нему обращался. Если объект оказывался недостойным, кто виноват?

Хороший был человек Сергей Львович... И, конечно, гениальный: математик!

А в Вечности, что важнее?...

ПОЛОВИНКИН В.И.*
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ О С.Л. СОБОЛЕВЕ

В июне 1960 г. моя мать показала мне "Комсомольскую правду" с объявлением о наборе в Новосибирский университет. Упомянутое незначительное событие, как оказалось далее, привело меня к встрече о С.Л. Соболевым.

Я закончил среднюю школу в г. Юрге и поступил в Новосибирский университет. В нем Соболев был руководителем при выполнении моих курсовой и дипломной работ, кандидатской диссертации в аспирантуре.

Лично с Сергеем Львовичем я познакомился в 1963 году, но о нем я знал до того как я непосредственно увидел. Я читал где-то о том, что Соболеву как выдающемуся ученому была предоставлена честь прочитать первую лекцию в новом здании Московского университета. Почему-то (по молодости) мне казалось, что эта честь была предоставлена, чуть ли не ему одному.

Встречал Соболева я и до непосредственного знакомства. Вспомню два случая.

Первый раз я увидел его в коридоре Университета с А.М. Будкером. Андрей Михайлович читал у нас физику. С.Л. я узнал, так как видел ранее его фотографии. Будкер смеясь

---

* Половинкин Владимир Ильич, профессор Красноярского Технологического института, ученик С.Л. Соболева Новосибирского периода.

рассказывал Соболеву, что пришел неподготовленным на лекцию или что-то в этом роде. Я, в небольшой группе студентов, стоял (и слушал) невдалеке. Хотя мы (студенты) знали, что лучше обходиться без погрешностей на лекциях, но к А.М. отнеслись (как и Соболев) с пониманием. В этот раз (что было редко) на костюме Соболева была прикреплена Звезда Героя Социалистического Труда. Отмечу, что у С.Л. была своеобразная, даже "благородная" манера одеваться и держаться. Он всегда носил хорошие импортные костюмы.

Второй раз я видел Соболева на заседании посвященном 250-летию М.В. Ломоносова, где С.Л. делал доклад. Оно проходило в помещении Института Геологии. Тогда еще не было Дома Ученых Новосибирского Академгородка. Да и, вообще, в Академгородке мало что было построено.

Напишу об обстоятельствах, связанных с появлением меня на этом заседании, о котором я узнал в самый последний момент.

Дело в том, что я был членом комитета ВЛКСМ механико-математического факультета НГУ. Я трудился в нем вяло, но оказалось, что другие члены упомянутого комитета работали (если вообще так можно сказать) ещё хуже. Из-за этого меня даже переизбрали на второй срок.

В общежитие "вбежал" "товарищ" (видимо из парткома) нашел меня и потребовал как от члена Комитета ВЛКСМ "привести" студентов на Торжественное заседание, так как на нем мало

народа. Что же делать? Я начал ходить по комнатам общежития, спящих будить, бодрствующих и проснувшихся уговаривать идти на заседание. Пошел на него и сам.

Расскажу о непосредственном моем знакомстве с С.Л.

Научной работой до встречи с ним я, по существу, не занимался, но все же посещал кружок по теории колец, которым руководили К.А. Жевлаков и Л.А. Бокуть.

При изучении курса функционального анализа (математического анализа 3), который нашему потоку читал И.И. Данилюк, я пользовался книгой Шилова Г.Е. "Математический анализ. Специальный курс". Там я прочитал про теорему о неподвижной точке при сжимающем отображении. Мне показалось возможным усилить данную теорему, что, вроде бы, я и сделал совершенно самостоятельно. Вскоре я прочитал объявление, что проводится "университетский" конкурс студенческих научных работ, написал небольшую заметку по упомянутому выше результату и послал ее на данный конкурс. Мое исследование не было премировано и я до сих пор не знаю - было ли оно неверно или по другой причине не представляло научного интереса. У меня (и не только у меня) часто теряется интерес к работе после ее окончания. Однако, мое первое "исследование" имело такое продолжение.

Не знаю, откуда С.Л. узнал про мою работу, но, в связи с ней, он передал через нашего

преподавателя Л.Ф. Чайковскую приглашение на личную встречу, и когда эта встреча состоялась, предложил заниматься у него.

С.Л. порекомендовал мне для исследования тему, связанную с внешними задачами для полигармонического уравнения. По слухам, эта тема предлагалась для исследования студентам и ранее, но работа по ней "не шла".

Не пошла она первоначально и у меня. Кроме того, на ход ее выполнения "наложилось" такое обстоятельство: С.Л. часто уезжал в командировки. В год же, когда я работал над курсовой работой, Соболев отсутствовал еще больше обычного, так как во время пребывания в Тбилиси заболел дизентерией. Отмечу, что сходная неприятность у С.Л. (и, конечно, у меня) была позднее, перед самой моей защитой кандидатской диссертации, он повредил ногу и не мог присутствовать на защите.

К концу учебного года я не получил никаких результатов. Но все же "авансом" С.Л. поставил мне за курсовую работу "хорошо".

Тема курсовой работы стала и темой моей дипломной. Мне удалось справиться с поставленной задачей. Результаты, полученные в дипломной работе, фигурировали позднее в следующих обстоятельствах.

Через много лет после окончания НГУ я защитил докторскую диссертацию по теории кубатурных формул. В нее были включены, помимо других, и результаты полученные мной в дипломной работе. Меня вызвали на Экспертный

совет ВАК для обсуждения диссертации. Мне дали 10 минут для выступления. Оно продолжалось, однако, целый час и я, главным образом, рассказывал как в докторской диссертации (и дипломной работе) применял метод Фурье разделения переменных для исследования полигармонического уравнения в неограниченных областях произвольной формы.

После окончания НГУ я поступил к Соболеву в аспирантуру. Напишу как я сдавал туда вступительный экзамен по математике.

Я пришел к С.Л. в его кабинет договариваться о порядке и времени сдачи упомянутого выше экзамена, сразу же после защиты дипломной работы. Соболев спросил меня: "Можете ли Вы сдавать экзамен прямо сейчас?" Я ответил утвердительно. С.Л. попросил найти еще экзаменатора, кроме него, - кандидата наук. Такового я нашел, походя по коридорам и комнатам Института Математики. Затем я успешно сдал экзамен.

Сходным образом составлялась экзаменационная комиссия для сдачи мной кандидатского минимума по специальности. Но в этом случае, как и к экзаменам по спецкурсам для студентов, я длительное время готовился. Программу для кандидатского минимума по специальности я предлагал сам, а С.Л. ее утверждал.

Также 3 спецкурса по своей специализации, которые я сдавал студентом, я не слушал на лекциях. Как учебные курсы я сдавал Соболеву

экзамены по содержанию монографий (не обязательно во всем их объеме). Книги я выбирал сам, а потом согласовывал свой выбор с С.Л.

Позднее я дважды прослушал спецкурс Соболева "Теория кубатурных формул". При изучении его мне помогал конспект, изданный в НГУ, а также оттиски работ, которые С.Л. принес по моей просьбе. Второй раз Соболев читал данный курс 2 раза в неделю, хотя по учебному плану предполагалось в неделю лишь одна лекция.

Данное изменение было целесообразно, потому что С.Л. часто не было в Новосибирске. Его неоднократно приглашали "на запад". Говорили, что на такие поездки "сверху" было ограничение - не более трех раз в год (все же).

Напишу о работе С.Л. Соболева с его учениками.

Они были свободны при выборе тематики исследований и большинство их, и я в том числе, защитились по темам, которые выбрали сами. Конечно, С. Л. следил, чтобы темы таких исследований были интересными, консультировал по ним и во всех случаях оказывал посильную помощь.

Я не только учился, но и преподавал на кафедре "Дифференциальные уравнения", руководимой С.Л. К сожалению при высокой квалификации, в целом, сотрудников данной кафедры на ней дипломных и курсовых работ выполнялось мало. Мне думается, что несмотря на распространенное тогда противоположное мнение, в Новосибирском Академгородке недостаточно

использовался "педагогический потенциал" научных сотрудников.

Малочисленность студентов на кафедра С.Л. также объясняется "конкуренцией" других кафедр. Много "завлекала" студентов кафедра алгебры и математической логики, которой руководил А.И. Мальцев. Ряд студентов писали дипломные работы на ВЦ СО АН СССР.

Мало студентов специализировалось на нашей кафедре, как я думаю, еще по следующей причине: чтобы заниматься научной работой, относящейся к дифференциальным уравнениям или к смежным для них областям математики, надо предварительно изучить большое по объему "количество материала". Это трудно сделать за первые курсы обучения в Университете.

Наряду с Враговым В.Н., Иврием В.Я. я относился к числу первых докторов из выпускников Кафедры "Дифференциальные уравнения" НГУ.

Своеобразным был порядок распределения лекционной нагрузки на кафедре С.Л., где я также преподавал. Основными курсами для Кафедры были "Уравнения математической физики" и "Дифференциальные уравнения". Преподаватель читал один из этих курсов 2 года подряд, затем два года читал другой основной курс. Соболев полагал, что преподавать один и тот же курс три раза - скучно и не полезно.

Перейду к описанию моих впечатлений, связанных с моей работой в отделе С.Л. Соболева Института математики СО АН СССР.

До обеда С.Л., если была такая возможность, работал дома. Поэтому я, главным образом, видел его в Институте после обеда, в кабинете С.Л., проходя предварительно через приемную Директора Института, где непременно сидела в роли секретаря Л.М. Крапчан.

Главным образом, многочисленные разговоры по математическим вопросам между Соболевым и мной начинались по моей инициативе и проходили наедине. Но иногда в это время в кабинет С.Л. заходили и другие сотрудники института и Соболев, не "бросая меня", решал срочные дела. Все вопросы, которые рассматривались при мне, не связанные с "чисто" математическими вопросами, решались С.Л. сразу же. Не могу припомнить, чтобы Соболев отправлял посетителей для согласования каких-либо вопросов. Решения, принимаемые С.Л. казались вполне очевидными. Но это впечатление, конечно, было поверхностно. Предпосылками его являлись - как знание дела Соболевым, так и его большой авторитет, благодаря которому решения С.Л. приобретали особенный вес. Одним словом, Соболев был "на месте" как руководитель Института. Все же выражение "на месте" требует некоторой оговорки.

Л.Д. Кудрявцев в своей брошюре "Мысли о современной математики и ее изучении" писал об особенностях педагогики: "Процесс образования существенно отличается от других видов человеческой деятельности тем, что каким бы образом он ни осуществлялся, люди все равно

растут и обучаются..."

Сходные мысли можно высказать и об административной работе. Есть сколько угодно примеров (даже не надо для их поиска выходить из дома- достаточно включить телевизор),когда руководители работают плохо, а оказываются "на месте".

Разумеется Соболев был "на месте" в лучшем смысле этого выражения.

От С.Л. я слышал, что он сам не любит административную работу. Я предполагаю, что среди различных причин, по которым Соболев все таки находился на руководящей работе, были и финансовые.

Попасть к С.Л. побеседовать по научным вопросам мне и, не только мне, было нетрудно. На математику у Соболева почти всегда находилось время.

Иногда приходилось подождать в приемкой. Но обычно - недолго. Исключение, пожалуй, составляют случаи, когда к Соболеву заходил начальник первого отдела. О чем с ним С. Л. так подолгу говорил, я не знаю и до сих пор.

Главным событием рабочей недели было, конечно, заседание семинара (отдела) под руководством С.Л, На рабочем месте в Институте сотрудникам отдела дифференциальных уравнений, которым руководил Соболев, присутствовать постоянно было не обязательно и большинство их работали, большей частью, дома.

На заседании семинара С.Л. сотрудники могли друг друга увидеть, как и в очереди за деньгами у окна кассы, когда выдавали получку. Но все же были работники отдела, появляющиеся на его заседании лишь эпизодически.

Напомню участников семинара Соболева, которые более других мне запомнились. Это Блинов К.И., Войтишек Л.В., Врагов В.Н., Гильдерман Ю.И., Гудиев А.Х., Жамалов З.Ж., Загирова Ф.Я., Зеленяк Т.И., Иврий В.Я., Калмыков В.Д., Коротков В.В., Портнов В.Р., Рамазанов М.Д., Салихов Г.Н., Терсенов С.А., Хаитов Т.И., Чарушников В.Д., Чересиз В.М., Шарипов Т.Х., Шойнжуров Ц.В..

Большинство докладов семинара делали сотрудники или ученики С.Л. Выступали и приезжие докладчики, в частности: Делоне Б.Н., Маслов В.П., Фаддеев Л.Д..

Тесные связи поддерживал С.Л. и его ученики с математиками Узбекистана. В этом велика заслуга ученика Соболева Г.Н. Салихова. Гайбулла Назруллаевич преждевременно умер, поехав больным на уборку хлопка.

Присутствуя на Семинаре можно было увидеть такое качество С.А., которое в Академгородке называли "секучестъю". Этот термин объединяет по своему смыслу одновременно знание, понимание смысла излагаемого материала и быстроту реакции на него. Математиками с таким качеством

Академгородок не был обделен, И все же по "секучести" С.Л. несколько превосходил всех.

Самый близкий по характеру исследуемых задач и по составу сотрудников к Отделу С.Л. был Отдел А.В. Бицадзе. Оба этих отдела были многонациональными по составу. Но в отделе Андрея Васильевича уроженцев Кавказа (лица "кавказкой национальности" еще не появились) было больше.

Исследования в отделе Соболева, при относительно небольшом числе сотрудников, велись одновременно по: кубатурным формулам; функциональному анализу; дифференциальным уравнениям, которые рассматривались с различных сторон.

Сам С.Л. занимался в эти годы (1964-1971 г.г.) теорией кубатурных формул. По-видимому и термин "кубатурные формулы" принадлежит ему. Интерес Соболева к данной теории у С.Л. по настоящему возник после того как он узнал от академика Семенова Н.Н., что создание эффективных методов вычисления многомерных интегралов помогло бы решить ряд важных задач квантовой химии. Функции, которые надо интегрировать в этих задачах, являются достаточно гладкими. Для них, вроде бы, нецелесообразно применять (что уже тогда доказала практика) широко распространенные методы многомерного интегрирования типа Монте-Карло, так как эти методы мало учитывают гладкость интегрируемых функций.

В научной литературе, часто ссылаются на

"Теорию кубатурных формул Соболева", не указывая при этом, что С.Л. работал в двух, мало пересекающихся между собой, областях приближенного интегрирования. Правильней было бы писать, что Соболев создал две теории кубатурных формул.

Ряд результатов С.Л. относится к исследованию точности формул относительно интегрирования многочленов определенного вида, в первую очередь, сферических. В частности, к этому направлению принадлежит его теорема о формулах и многочленах, инвариантных относительно некоторой группы преобразований. На нее по-видимому в научных работах ссылаются чаще чем на другие результаты Соболева по приближенному интегрированию.

Данной тематике была посвящена докторская диссертация Салихова Г.Н.. По близким к ней вопросам была защищена докторская диссертация Носкова М.В. - профессора Красноярского политехнического института.

Большинство работ С.Л. по приближенному интегрированию относилось все же к исследованию кубатурных формул в функциональных пространствах, называемых по справедливости, пространствами Соболева. Далее буду писать, лишь об этом направлении, которому посвящена монография С.Л. "Введение в теорию кубатурных формул".

Эта книга, несмотря на свое название, теории приближенного интегрирования

посвящена лишь частично. Конечно, остальные разделы математики, которым в данной монографии уделено внимание - обобщенные функции, теоремы вложения, плотнейшие упаковки, матрицы и другие, рассматриваются, в их связи с соответствующими вопросами теории кубатурных формул. С моей точки зрения, упомянутая монография "перегружена" вопросами вспомогательного характера для целей теории приближенного интегрирования. Для меня, как по содержанию, так и по стилю изложения ,образцом является монография С.Л. "Некоторые применения функционального анализа в математической физике".

Несмотря на сказанное выше "Введение в теорию кубатурных формул" - заметное явление в математической литературе. Данную книгу можно использовать как справочник по ряду разделов анализа, которые были ранее недостаточно освещены в монографиях, например: весовые пространства, порожденные градиентами высших порядков; теория полигармонического уравнения. В ней поставлены многие новые задачи, которые ждут своих исследователей, впервые опубликован ряд научных результатов С.Л.. Удачным представляется проект переиздания "Введения в теорию кубатурных формул" по частям в выполнении которого, наряду с другими математиками, принимает участие "последний ученик" С.Л. Соболева Васкевич В.Л..

Вопросами теории кубатурных формул в пространствах Соболева посвящены докторские

диссертации его учеников и сотрудников: Половинкина В.И., Рамазанова М.Д., Шойнжурова Ц.Б.

Несмотря на разнообразие исследований Соболева по теории кубатурных формул в функциональных пространствах, их основной результат можно сформулировать в одном предложении - установлено, что построенные С.Л. последовательности квадратурных формул с регулярным пограничным слоем являются асимптотически оптимальными на решетках в классах $L_2^{(\xi)}(R^n)$, где R^n - пространство размерности n. Верхние оценки погрешностей интегрирования из работ Соболева, во многом, усиливают оценки полученные Никольским С.М., в статье "Квадратурные формулы". Отмечу попутно, что огромное количество исследований разных авторов было посвящено обобщениям не этой статьи Никольского С.М., а другой его статьи "К вопросам об оценках приближений квадратурными формулами".

Работы Соболева по технической сложности и трудностям получения результатов столь отличаются от аналогичных исследований в статье "Квадратурные формулы", что аналогии в них усматриваются не сразу. Этому способствовало также то, что С.Л. сам не написал изложения большинства своих результатов по приближенному интегрированию специально для одномерного случая.

Интересно, что С.Л. решил поставленную

задачу "напрямую". Поясню это подробнее.

Как известно, вариационные задачи решаются чаще всего при помощи соответствующих им дифференциальных уравнений Эйлера. Также поступил и Соболев. В данном случае уравнение Эйлера было полигармоническим. Но объекты и постановки задач, возникающих при минимизации и, более того, при асимптотической минимизации (во всяком случае, в комплексе) являлись новыми для математики.

В данном случае, С.Л. продемонстрировал, в который раз, свою силу математика.

Позднее были предложены другими методы, позволяющие проводить подобные исследования. Но их авторы шли вслед за Соболевым.

Я считаю, что теория кубатурных формул в функциональных пространствах оценена недостаточно. А ведь Соболев, а также Никольский С.М., Бахвалов Н.С. и другие, работая в ней, создали новый раздел математического анализа - столь же содержательный как, например, теории: тригонометрических рядов; сплайн-функций; почти периодических функций. Отмечу, что основной вклад в развитие упомянутой теории внесли Советские математики.

К сожалению, нет общепризнанной системы критериев, позволяющих в комплексе оценивать новые научные направления в математике до истечения длительного времени. Конечно, внедрение результатов теории в вычислительную практику и количество ссылок на них в литературе

- это, далеко, не все.

К "трудностям распространения" теории кубатурных формул Соболева относится то, что данная теория не была изложена в монографиях всесторонне, с учетом результатов, полученных после сдачи в печать "Введения в теорию кубатурных формул".

Только непосредственные встречи с С.Л., на которых обсуждались вопросы теории кубатурных формул, позволили мне видеть, в полной мере как глубоко их понимал Соболев. Именно поэтому, упомяну о двух случаях, когда результаты, полученные мной в данной теории, были для С.Л., в определенной мере, неожиданными.

В своей кандидатской диссертации мне удалось распространить теорию кубатурных формул Соболева на формулы, где от весовой функции не требуется непрерывности. Убедить С.Л. в справедливости своих результатов я смог после того, как заметил, что формулы Соболева с регулярным пограничным слоем можно рассматривать при интегрировании функций, продолженных на все пространство, как весовые, где весовая функция это характеристическая функция области интегрирования, являющаяся разрывной на ее границе.

Другой случай связан с тем, что, как я установил, формулы Соболева с регулярным пограничным слоем не являются асимптотически оптимальными в рассматриваемых пространствах при всех показателях суммируемости производных. Оказалось, что для полного

исследования рассматриваемых задач надо вводить более широкий класс формул - формулы с пограничным слоем.

Напишу теперь о С.Л. в другом плане.

Встречался с Соболевым вне Института Математики или Новосибирского Университета я редко, о чем, конечно, сейчас жалею. Возможности для таких встреч у меня были. Например, я мог, что, иногда, и делал, провожать С.Л. по пути домой после работы (наши деловые беседы зачастую были в конце рабочего дня). Но все же, от Соболева я слышал кое-что, достойное упоминания. Напишу, например, о таком.

Как-то С.Л. спросили о его работе, связанной с атомной физикой и ее приложениями. Неожиданным было услышать от Соболева, что эта работа не такая интересная и даже не такал трудная как в области теории кубатурных формул и, вообще, в теоретической математике. По его словам, трудность при ее выполнении заключалась не только в том, что работу обязательно надо было выполнить успешно, но, главным образом, в том, что выполнить ее надо было срочно. Очень много приходилось работать во время командировок на Урал. После того как стало известно, что "у них получается" (так сказал С.Л.) требования к нашим ученым ужесточились. Соболев выразил сожаление в связи с тем, что другие дела отвлекали от теоретической математики М.В. Келдыша.

Напишу о следующем эпизоде.

У нас в отделе стажировался один

преподаватель ВУЗа, который перевел работу над диссертацией в другое научное учреждение. Мотивом для этого было то, что у Соболева защитить диссертацию было труднее, так как требования к ней были выше. Я сказал об этом С.Л., чем, по-видимому, его огорчил.

Соболев тогда оказал, что ему не нравится, когда ученые ставят науку ниже материальных интересов и вспомнил, что, когда он сам поступал в Университет, то услышал от своей матери: "Сережа, что делаешь? На что ты будешь впоследствии жить?" Ведь в те далекие времена рабочих мест для научных сотрудников было немного.

Напишу о черте С.Л., которая не являлась плохой в принципе, все же вызывает к себе двойственное отношение.

Соболев, зачастую, переоценивал в лучшую сторону способности и положительные качества других людей.

Я уже упоминал о своей дипломной работе. Задание, поставленное дипломнику С.Л., было слишком трудным. Хотя мне и удалось справится с ним, но это, помимо прочего, - «дело случая».

Напишу о примерах другого рода.

Упомянутой "чертой" С.Л. кое-кто пользовался в корыстных интересах. Был, например, ученик Соболева, который, до поры до времени, без дела бесконечно сидел в приемной С.Л., как будто показывая, что без его мудрого совета ни один важный вопрос в Институте не решается. Кое-кто ловился на эту наживку и

верил, что человек, на самом деле не знающий университетского курса математического анализа, по крайней мере - доктор наук. Вели себя не в лучшем виде и некоторые более образованные научные работники.

После моего отъезда из Академгородка в 1971 году я виделся с С.Л. лишь во время своих командировок из Красноярска в Новосибирск, Москву и Ташкент.

Первоначально Соболев был научным консультантом при выполнении мною докторской диссертации. Затем, в конечном счете - временно, консультанты у соискателей докторских диссертаций были отменены и в конце концов фамилия Соболев не была отпечатана на обложке автореферата моей докторской диссертации.

С.Л. присутствовал на моей первой защите докторской диссертации в ВЦ СО АН СССР г. Новосибирска. Несмотря на положительные отзывы Соболева, оппонентов, ведущего учреждения (математический институт им. В.А. Стеклова) и результатов тайного голосования, без голосов "против" на ней, по решению ВАК "Из-за несоответствия номера специальности", мне пришлось эту же самую диссертацию защищать еще раз (в ЛГУ) со всеми новым оппонентами.

Был я на 70-летии С.Л. Соболева. По этому случаю С.Л. был награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Мне неизвестны другим члены АН СССР, получавшие такую награду.

Упомяну о разговоре с С.Л. Соболевым,

связанным со следующими обстоятельствами.

Красноярский математик Егорычев Г.П. ряд лет посвятил исследованию известной проблемы Ван-Дер-Вардена теории перманентов. Я руководил научным семинаром в Красноярском Политехническом институте, на котором Георгий Петрович выступал с докладом о данной проблеме. Рассказывал он мне о ней и в личном порядке. В конце концов Егорычев решил проблему Ван-Дер-Вардена. Также существенные результаты в решении этой проблемы получил независимо от Егорычева метематик из Киева Фаликман Д.И.

Казалось, надо было бы радоваться по этому случаю, что наша страна не бедна "умными головами". Но нашлись "деятели", которые поставили все с ног на голову и из хорошего события сделали плохое, аморальное и даже связанное с национальным вопросом. Это подтверждало и письмо, которое показал мне Г.П., направленное ему одним из его "обвинителей".

По просьбе Егорычева я, когда был в Новосибирске, беседовал с С.Л. на данную тему, как с главным редактором Сибирского математического журнала, где в "редакционном портфеле" лежала статья Г.П. по проблеме Ван-Дер-Вардена.

Выслушав меня, С.Л. спросил: "Но как же получилось, что в одной и той же проблеме разными математиками почти одновременно были получены сходные результаты?" Я ответил: "Также как у Ньютона и Лейбница".

Данный вопрос потерял остроту после того как Егорычеву и Фаликману была присуждена совместно Фулкерсоновская премия по дискретной математики за решение проблемы Ван-Дер-Вардена.

Закончу свои заметки о С.Л. следующим.

Если кто-то скажет, что Соболеву я обязан прежде всего как своему учителю математики, то он не ошибется. Почти все мои научные результаты за прошедшие девятилетия связаны с непосредственными продолжениями исследований С.Л.

Знакомство с Соболевым и чтение его математических трудов помогает оценивать без иллюзий уровень себя и других как ученых. Знания такого рода - в высшей степени полезны.

Оттого, что мой жизненный путь на определенном этапе "шел недалеко" от С.Л., мне в дальнейшем было интересней жить. А интерес к окружающей жизни чуть ли не самое главное у каждого человека.

Первые работы по построению оптимальных квадратурных формул (к.ф.) были опубликованы в 50г. нашего столетия и принадлежат С.М. Никольскому и А. Сарду (работы последнего относятся к случаю фиксированных узлов). С этих пор теория оптимальных к.ф. выделилась в бурно развивающееся направление вычислительной математики, связанное в первую очередь с именами отечественных математиков С.М. Никольского, С.Л. Соболева, Н.С. Бахвалова, Н.П. Корнейчука, В.И. Крылова и их учеников и

последователей.

Оптимальные методы вычисления сингулярных интегралов с сильными и слабыми особенностями стали развиваться значительно позже. Первые работы по асимптотически оптимальным квадратурным и кубатурным формулам вычисления слабосингулярных интегралов принадлежат В.И. Половинкину (1971г.). В работах В.В. Иванова (1972г.) построены оптимальные по порядку к.ф. вычисления сингулярных интегралов с ядром Гильберта.

В период с 1974-1979гг. был опубликован цикл работ И.В. Бойкова, Б.Г. Габдулхаева, М.А. Шешко и их учеников по оптимальным по порядку к.ф. вычисления сингулярных интегралов.

Начиная с 1980г. активно разрабатывается направление, связанное с построением асимптотически оптимальных квадратурных и кубатурных формул вычисления одномерных и многомерных сингулярных интегралов. Это – направление всецело связано с работами автора диссертации.

Целью первой части диссертации (главы 2-5) (вычисление сингулярных интегралов) является построение теории асимптотически оптимальных методов вычисления сингулярных интегралов и устранение разрыва существующего между теорией вычисления регулярных интегралов и сингулярных интегралов.

В целом эта программа успешно выполнена. Развитые в диссертации методы позволили решить

основные задачи теории оптимальных алгоритмов для одномерных, полисингулярных и многомерных сингулярных интегралов с фиксированной и переменной сингулярностями.

Перейдем к рецензированию отдельных глав первой части диссертации.

Первая глава носит вспомогательный характер. В ней содержатся краткие обзоры методов вычисления сингулярных интегралов и решения сингулярных интегральных уравнений.

Вторая глава посвящена построению асимптотически оптимальных к.ф. вычисления интегралов со слабыми особенностями. Отметим основные результаты этой главы. Для многомерных интегралов без особенностей получено два утверждения общего характера, связывающих построение оптимальных кубатурных формул на прямоугольных решетках с оптимальными квадратурными формулами для одномерных интегралов. Следствием этих теорем является ряд ранее полученных другими авторами наилучших кубатурных формул.

Проведено исследование по оптимальным методам аппроксимации функций из классов $Q_{r,\gamma}$ (Ω, 1) и оптимальным методом вычисления интегралов на этих классах функций. Интерес к этим вопросам возникает в связи с тем, что решения сингулярных интегральных уравнений и, в частности, сингулярных интегральных уравнений со слабыми особенностями описываются этими классами функций.

ИБРАГИМОВА ЗАМИРА МИРЗОЕВНА*

«Я старался дать как можно более объективную оценку самому себе» - академик Сергей Львович Соболев

До 1957 года страна имела за Уралом единственного профессора математики. В Томске. «Сибирь без математики?!»

— Мне захотелось поехать в Сибирь с самого начала. Новое место привлекало. И, кроме того, все время думалось о том... ну, почему у нас, в огромнейшей стране, все научные ценности сосредоточены в трех-четырех, может быть, пяти центрах?

Так говорил член Эдинбургского Королевского общества, почетный доктор натурфилософии университета им. Гумбольдта (ГДР), член Итальянской и Французской академий наук, почетный доктор физико-математических наук Карлова университета (ЧССР), академик Сергей Львович Соболев спустя почти двадцать пять лет после своего переезда в Сибирь.

— Обидно было за страну и за математику. И не только за математику. Замысел-то был такой — создать очень широкое объединение разных специальностей. Чтобы это был научный городок, в котором можно было бы обмениваться мыслями не только в своей узкой области. Иначе —

Ибрагимова Замира Мирзоевна, журналист.
Художественный портрет С.Л. Соболева опубликован в книге

заглохнешь...

Факты широко известны — и все-таки напомню. У истоков Сибирского отделения Академии наук СССР стояли три человека: академики Лаврентьев, Христианович и Соболев.

— Я приехал сюда уже старым человеком. 50 лет!

— Именно «старым»?

— Старым. Математики свои крупные вещи создают в основном между 30 и 40 годами. Есть случаи — раньше, есть случаи — позже, но в основном границы самого лучшего, самого плодотворного времени у математика — между 30 и 40 годами. В 50 — уже не то.

Нет таких свежих, интересных, широких мыслей, или они есть, но их уже значительно меньше.

Соболев сам, 1908 года рождения, стал членом-корреспондентом в 25 лет, в 31 год — академиком. (И долгие годы был самым молодым академиком страны). Газеты и журналы в то время писали о нем много и восторженно. «Выдающийся математик», «самый молодой академик», «молодой выдающийся ученый» и так далее. Восторгались не только журналисты — для них эмоциональный импульс есть, можно сказать, требование профессиональное: с радостной необычностью встретился — восторгайся, с безобразной — негодуй. Восторгались коллеги. Статья П. С. Александрова и А. Н. Колмогорова в газете «Московский университет» называлась «Яркий талант» (15 июня 1938 года).

— А вы знаете, мне это было неприятно,— немедленно реагирует Сергей Львович на напоминание о той поре.— Всегда было неприятно.

— Даже в молодые годы?

— Даже в молодые годы. Стал популярной личностью, которую почему-то прославляли.

— Говорят, успех может так же сломить человека, как и неудача.

— Вы знаете, я все-таки считаю, что человек — лучший судья собственных работ. И если я сам вижу, что у меня было в научном багаже... Что, скажем, было опубликовано к январю 1939 года... Ведь никому еще в точности известно не было, что же именно я сделал. Выбран в академики я был в кредит — это я совершенно точно могу сказать. Были некоторые результаты, которые были доложены Московскому математическому обществу осенью 1938 года. Но в 1939 году, когда проходили выборы, никто еще не мог разобраться в этих результатах как следует, понять, что это, что из этого вырастет. На самом же деле та работа, которую я тогда сделал, получила известность через десять-пятнадцать лет. На нее стали много ссылаться, когда она уже стала... ну...

— Классической работой.

— Классической работой. А в то время, когда она появилась... Мне самому казалось, что это довольно интересно, но все-таки переоценивать себя я никогда не был склонен.

Показываю Сергею Львовичу тоненькую серую брошюрку в твердом переплете —

выпросила на пару часов под честное слово у строгих работников ГПНТБ:

«Задача о распространении пластического состояния», М.-Л., издательство АН, 1935 г. Автор — Соболев. (Его самой первой опубликованной работы — 1930 год — в ГПНТБ не оказалось. Но мне очень хотелось посмотреть, как встретится Сергей Львович со своей молодостью — выпросила эту...)

Сергею Львовичу одного взгляда достаточно, чтобы понять, что именно я держу в руках. За брошюрку он не хватается, но улыбается:

— Эта работа была ничего. Эта как раз работа мне нравится.

В работе —15 страниц. Мне, конечно, ничего в ней непонятно. Даже если бы мне подарили вторую жизнь, я не уверена, что посвятила бы в ней математике больше времени, чем в первой. Школьная математика меня не вдохновляла, а позже и вовсе жизнь моя пошла прочь от математических знаков, и ни малейшей надежды нет у меня на понимание этого языка. Но почему-то мне очень хотелось, чтобы математикой занялся мой сын. (И он пошел было в математики — моей, верно, странной воле подчинившись, и я благоговела перед толстыми учебниками, в которые он, первый из всей родни, погружался с прилежностью, да недолго это продолжалось — едва хватило его на два курса математического факультета, с которым расстался он легко и без сожалений, оставив во мне руины от туманных

мечтаний о его приобщении к неведомым мне занятиям). Мне кажется иногда, что в математических знаках и скрыта как раз та гармония, та «разумная соразмерность начал», которой нет в природе. И если уж сам Сергей Львович говорит, что эта работа «как раз ничего»... С безнадежной грустью листаю странички тоненькой брошюрки. Об этой и других работах далекого того времени в биографической литературе о Соболеве сказано: «После окончания университета в 1929 году Соболев упорно работал в области математической физики и сделал ряд самостоятельных открытий, которые имеют большое применение в сейсмологии, теории упругости и гидродинамике».

— Я много вдумывался в свой жизненный путь, смотрел на окружающих — и мне всегда казалось, что самое страшное — это переоценить себя, почить на лаврах, думать о себе, как о великом человеке.

Мы продолжаем разговор об испытании успехом и славой. Видимо, Сергею Львовичу приходилось задумываться над этим. Или его много раз спрашивали об этом — блестящая его биография делает подобные вопросы естественными, если не банальными. Но отвечает он не гладко, хотя, как всегда, быстро и очень доброжелательно по отношению к собеседнику: «Вы всегда верите тому, что говорится?»

— В молодости всегда, теперь — далеко не всегда.

— Нельзя всегда верить тому, что

говорится. Надо оценивать многое самому — и себя тоже. Я старался дать как можно более объективную оценку себе самому. И всегда видел, что еще очень много нужно сделать, и — видел, как много еще скрыто. Область, которой я тогда занимался, казалась мне очень интересной. Но то, что она действительно интересна, выяснилось много позже. А выбрали меня в академики заранее — за десять-пятнадцать лет до того, как мои работы вошли в такой... уже известный... фонд математики. А я все эти годы уже пользовался всеми благами академика. Повезло.

— Может быть, все-таки Ваша самооценка субъективна? Статья «Яркий талант» написана специалистами... Они, наверное, все-таки понимали значение Ваших работ...

— Для них это другая область. Ни один из авторов статьи в этой узкой области непосредственно не работал. Александров — крупный тополог, Колмогоров — крупный вероятностник. Но то, чем я занимался, относилось совсем к другому.

— К задачам математической физики?

— Да, были уравнения математической физики. Применение функционального анализа в этой сфере. То есть хвалившие меня авторы в деталях ничего не могли знать. Приятно, конечно, когда тебя хвалят, но — надо же понимать, по делу хвалят или так... нельзя, серьезно работая, считаться с тем, похвалили тебя или нет... Серьезного человека интересует не столько его отношения в науке, сколько сама наука. Как бы

вам ни хотелось стать прославленным ученым, гораздо важнее другое — решить такую-то задачу, правильно поставить такой-то вопрос и с ним справиться. Это приносит — поверьте! — гораздо более глубокое удовлетворение, чем любой отзыв со стороны. В «Очерках по истории математики» Б. В. Болгарского о Сергее Львовиче рассказывается:

«Он еще учился в средней школе, когда обнаружились его замечательные способности к математическим наукам. Однако по окончании школы ему не удалось сразу поступить в университет, так как он не достиг еще возраста, достаточного для приема туда (ему было тогда 15 лет). Поэтому Соболев пошел в музыкальную студию. Лишь в 1924 году Соболев поступил в Ленинградский университет и сразу начал упорно работать в области математических наук и изучать их не только в рамках университетских программ, но и самостоятельно, по специальной научной литературе».

Когда я упомянула об этом факте его биографии, Сергей Львович тут же заметил:

— Неправильно. Кончил школу в 24 году. Я, грешным делом, заколебалась: неужели биографы ошибаются? Сергей Львович пояснил:

— Я и раньше был в музыкальной. Учился параллельно. А в университет поступил в 16 лет. Это точно.

— Тогда мне, кажется, понятна одна небольшая загадка. В 1937—1938 годах о Вас появилось множество статей в самых разных

изданиях. И три статьи за один год—в журнале «Советская музыка». Если Вы музыкант...

— Не музыкант Музыкальное образование я получил весьма слабое, потому что занимался очень мало. Как поступил в университет, практически музыкой перестал заниматься. С грехом пополам дотянул до окончания и даже диплома не взял, потому что я прекрасно понимал, что никакой я не музыкант и это глупо — брать такой диплом.

— Но Вы для себя играете?

— Сейчас нет. Раньше играл, очень давно.

— И — серьезный репертуар?

— Довольно серьезный. Но учить приходилось долго, трудно, и я знаю, что я не музыкант. А статей в журнале «Советская музыка» не видел. И думаю, что они никакого отношения не имеют к моим музыкальным занятиям. Вы знаете, тогда ведь вообще было модно — начинать хвалить одного какого-нибудь человека. Хвалят, хвалят, хвалят безудержно, неосновательно. И я попал в эту шкуру. Нужно было найти какого-то молодого ученого и хвалить. Выбор пал на меня.

Вот и вся «загадка». Музыку я слушаю с удовольствием, но как об исполнителе обо мне и речи быть не может.

Непривычно для гуманитария, но Сергей Львович почти не пользуется прилагательными. В его высказываниях доминируют существительные и глаголы. Это обязывает вести разговор предметно. Опираюсь на факты его биографии,

его научной деятельности. Хроника, хронология, перечни, подробности биографического и библиографического свойства — спасительные поплавки в разговоре с математиком.

— В 1949 году Академия издала биографо-библиографический сборник «Сергей Львович Соболев». Здесь пишет о Вас академик Смирнов...

— Владимир Иванович. Мой учитель.

— Не только учитель. Ваш соавтор. Существует метод Соболева — Смирнова. Как человек находит соавтора в науке? Что рождает необходимость, потребность в соавторстве? Стремление к взаимному обогащению...

— Конечно.

— Или случайности? Откуда оно берется, соавторство? Вопрос, мне кажется, актуальный для наших дней. Соавторство нынче чревато тяжелыми конфликтами. Люди начинают работать вместе, но довольно быстро приходят к сведению счетов — этот сделал меньше, этот — больше, исходное единодушие развивается в обиды, непонимание, вражду. У Вас, по-моему, был один-единственный соавтор?

— Нет. Была еще одна статья — с Купрадзе в соавторстве. Но там было совсем другое, там мы были на равных началах. А с Владимиром Ивановичем — ситуация особая. Мне был 21 год, ему — 42. Ровно вдвое старше меня. Он был начальником — или заведующим — в сейсмологическом институте, где я работал, и стали у нас в результате бесед появляться мысли, во многом схожие. Началось, по-моему, с одной

моей статьи. Я понял, что Владимир Иванович видит в ней кое-что гораздо глубже, чем я. У нас с ним всю жизнь сохранялись великолепные личные отношения. Мы — люди разных поколений. Он был человеком религиозным, у меня этого совершенно не было...

— Другое поколение — атеист.

— Верно. Но это не мешало нам общаться и на многие общественные явления глядеть с одинаковых точек зрения, всегда понимать друг друга и быть близкими друзьями в течение... он не очень давно умер, в возрасте 87 лет...— в течение, пожалуй, сорока пяти лет...

— И соавторство было плодотворным?

— Конечно! Очень! Я же говорю Вам, что у нас были хорошие личные отношения всю жизнь.

— Это важно? Для совместной работы?

— Это очень важно. Никому не хотелось выделять сделанное им лично, в голову не приходило думать, что он сделал меньше, а я больше, это было абсолютно исключено, просто абсолютно исключено. Мы и на самом деле поровну работали.

— Счастливый личный опыт. Я не случайно заговорила с Вами о соавторстве. Мне, как журналисту, часто, к сожалению, приходится иметь дело с теневыми сторонами науки, разбираться в конфликтах, многие из которых имеют как раз эту природу — «соавторство». Жалуются на то, что «соавтор» обокрал, «соавтор» примазался и так далее. Возникают тяжелые ситуации. Вы, как директор института, как

администратор,— как относитесь к конфликтным ситуациям в науке, к способам их разрешать?

— Глубоко убежден в том, что ни в одном научном споре никогда не рождается истина. Хотя знаю, что это противоречит известному философскому утверждению, переходящему из поколения в поколение. Спор — эта пустая трата времени. Должно быть товарищеское обсуждение — вовсе никакой не спор. И ни у кого не должно быть предвзятой точки зрения. Каждый должен воспринять точку зрения своего оппонента с полным серьезом — как будто это его собственная точка зрения. Только такой совместный разбор, стремление понять друг друга могут привести к действительно огромным результатам. Ведь когда каждый пытается отстоять свою точку зрения, не слушая другого, из этого ничего хорошего не выходит, потому что никто не слышит аргументов своего спор... своего оппонента, или своего противника, каждый стоит на своем. Это глупо, это смешно. Заботятся скорее об интересе своего собственного престижа. Но это отвратительно!

— Вы говорите об атмосфере...

— Это отвратительно. Я не знаю научных споров, которые пользу принесли. Просто не знаю.

— Однако, Вам, по-моему, приходилось принимать участие в различного рода драках...

— Да, это, может быть, и было, особенно смолоду, когда был горяч, а некоторые вещи вызывали глубокое возмущение. Были учебники, написанные главным образом в Московском высшем техническом училище—МВТУ—старыми

профессорами... Они писали такие глупости!

— «История одной безграмотной книжки.»? Статья в журнале «Высшая школа» в 1937 году?

— Репутация — репутацией, но зачем все-таки глупости писать? Я не хочу сейчас вспоминать эти отвратительные учебники, в которых все было перепутано, которых студент никак не мог понять, потому что профессор не понимал, что он пишет. В средней школе были очень плохие учебники одно время...

— И в таких случаях Вы считали своим долгом публично высказываться?

— Да. И не я один. У нас была большая компания людей, которые понимали друг друга. Покойный Николай Евграфович Кочин, академик, очень много сделал в этом отношении. И — мои молодые московские друзья.

— Еще одна Ваша «разгромная» статья — 1941 года — мне тоже попалась. Она называется так — «Лженаучные работы института автоматики и телемеханики АН СССР». Кроме Вас, там несколько авторов — академик А. Винтер, член-корреспондент С. Христианович и другие. Очень резкая статья. Не позавидуешь тем, про кого она писалась. «Все работы института автоматики и телемеханики по теории автоматического регулирования, напечатанные в журнале института за 1939— 1940 годы, представляют собой сплошной брак». Так что. Вы были готовы спорить...

— Это не спор. О чем там спорить? Там все ясно. Там мы просто доказывали, что

безграмотные люди — безграмотны.

— Такие доказательства Вы считаете необходимым условием чистоты научной атмосферы?

— Да. Нужно называть сущее своими именами. А в «споре» следует понять точку зрения противника. И попытаться в дружеской, товарищеской обстановке разобраться, в чем он прав, в чем — не прав.

— В случае искреннего заблуждения. А приходилось Вам иметь дело с корыстной, спекулятивной «наукой»?

— В математике — нет. Но нам же известны примеры из области биологии — когда сразу было видно, что человек сознательно идет на ложные утверждения...

— И в таких дискуссиях Вы, по-моему, участвовали...

— Как вам сказать... Участвовать не участвовал, но занимал определенную позицию. Когда, например, академик Андрей Николаевич Колмогоров писал статьи против метода Лысенко, всем было ясно, кто тут прав. Эти времена не хочется и вспоминать. Тяжело было и дальше, когда кибернетику объявили лженаукой...

— И в 1957 году вышла Ваша книжка (на правах рукописи) в соавторстве с Алексеем Андреевичем Ляпуновым—«Кибернетика и естествознание». Вышла как раз в то время, когда нужно было поддерживать новое направление.

— Обязательно! Нужно было развеять искусственные догматические утверждения. Но

разве это научный спор?! С безграмотным человеком спорить нельзя. Люди, которые «спорили» о кибернетике, ни малейшего представления о ней не имели, они просто заявляли, что это плохо, и все! Подобные ситуации к научному спору не имеют отношения.

— А в институте, которым Вы руководите много лет, возникают конфликтные ситуации?

— Бывают, конечно, но не научного характера.

— Какое участие Вы принимаете в этих конфликтах?

— Прежде всего — стараюсь погасить. Почвы для конфликта, на мой взгляд, нет, и терпеть такие вещи в институте не хочется. Иногда удается сразу погасить, иногда — не сразу, далеко не сразу.

— А научных конфликтов не бывает?

— Нет, по-моему, да и быть не может. Наука такая: дважды два либо четыре, либо пять. Споры могут быть относительно направления, потому что направлений в науке много. Я считаю, что это нормально и так и должно быть. Наука должна развиваться широко, во многих направлениях. Но бывают такие горячие головы, которые интересным считают только то, что делают сами. Все остальное представляется им и неинтересным, и ненужным, бессмысленным и сложным. Приходится разъяснять.

— «Разъяснять» — это, кажется, одно из Ваших любимых занятий, Вы преподаете пятьдесят лет, с 1930 года...

— Сейчас не преподаю. Мне 72-й, я уже не могу работать так, как раньше. Устаю.

— Но преподавали едва ли не полвека. Мне приходилось встречаться с такой точкой зрения, что преподавание опустошает творческого человека, выматывает, надоедает, наконец. Как складывались Ваши отношения с преподаванием?

— Когда преподаешь, то, во-первых, думаешь не о себе, а о слушателях, о тех, кому преподаешь. Во-вторых, преподавание — хороший способ самосовершенствования. Читаешь какой-нибудь курс в первый раз — видишь: плохо! Второй раз — постараешься — уже получше. С третьего раза он уже идет так, что не заставляет потом мучиться: ах, опять я натворил глупостей! Опять не так изложил, не так подумал, не так сказал... А когда четыре-пять раз прочтешь, становится, конечно, менее интересно самому: все как-то отшлифовалось, встало на свои места. Но читаешь-то разные курсы. Поэтому — всегда интересно. Я начал свою преподавательскую работу в Ленинградском электротехническом институте имени Ульянова-Ленина. Там преподавал просто высшую математику для будущих инженеров. Потом начались специальные курсы. В Ленинградском университете читал, например, специальные курсы для аспирантов — по сравнительно узкому вопросу. Затем переехал в Москву, почти с самого начала преподавал в Московском университете, кроме того — в Военно-транспортной академии (была такая, которая позже уехала в Ленинград). И

всегда, конечно, больше занимаешься слушателями, курсами, чем собственными ощущениями.

Знаете, мне всю жизнь мое отношение к делу казалось второстепенным. Важно дело, которое делаешь. А скучно мне или не скучно — это, в конце концов, не играет большой роли. Не было бы слушателям скучно...

— Для Новосибирского университета Вы, кажется, разработали несколько собственных курсов?

— Пожалуй, что нет. Специальный курс, по-моему, был один. А в основном я читал уравнения математической физики — до этого я уже написал книжку, которая выдержала несколько изданий. В математике-то нужно преподавать и классические курсы. Этим я и занимался.

— Преподавание требовало от Вас подготовки?

— Очень большой подготовки. Я должен каждый раз готовиться. Если лекция двухчасовая, то готовиться надо полтора дня — не меньше.

— Трудно поверить...

— А иначе плохо прочтешь. К любому докладу нужно очень много готовиться. К лекции — особенно много.

— А кажется, что Вам это ничего не стоит.

— Это кажется. Говорят, что я хорошо пишу. А пишу я всегда с большим затруднением. Напишу — и мне не нравится то, что получилось. Всегда нужно переделывать раз, другой, третий — до семи раз. Почти как Толстой,— смеется Сергей

Львович,— а ведь моя работа вовсе не требует от меня особенных усилий в поисках слова.

— По семь раз Вы переписываете специальные труды или выступления для широкой аудитории?

— Второе. Очень дорого мне стоит «широкая аудитория» — то есть много времени требуют эти выступления.

— Зато я, например, помню Ваши лекции начала шестидесятых годов здесь, в Новосибирске, как праздник. Лекции Ваши, лекции Михаила Алексеевича Лаврентьева, Андрея Михайловича Будкера... Это всегда было событием в духовной жизни города. Так что все труды в этом направлении не напрасны.

— Это я знаю. Это приятно. Работа ценна для общества ее результатами. Про себя думаешь: сумел еще и это, сумеешь или не сумеешь дальше, сколько времени на работу осталось...

— Берешь библиографический справочник о Вас, читаешь, сколько сделано,— тут все по годам расписано, правда, количество прочитанных лекций и выступлений не фиксируется — и удивляешься: как это все можно успеть одному человеку?

— Здесь упоминаются многие вещи, которые, в сущности говоря, являются посредственными, обыкновенными, даже серыми. Далеко не все перечисленные работы на самом деле интересны. Нужно судить о человеке по его наилучшим достижениям. Орлам случается и ниже кур спускаться. Это я всегда помню.

— Но ведь есть же работы, которые и Вам самому нравятся безоговорочно?

— Как сказать... Это во многом от настроения зависит. При хорошем настроении многое нравится. А если настроение плохое, то почти ничего не нравится. Но вот та брошюра, которую вы принесли,— она мне, как я уже сказал, нравится. Это первая серьезная работа моя. Нравится, пожалуй, и монография, которую я написал после прочтения лекций в Ленинградском и Московском университетах. Называется «Некоторые применения функционального анализа в математической физике». Работа эта, видимо, нравится не мне одному. На нее часто ссылаются. Появились даже некоторые новые термины — «Соболевские пространства», которые сейчас во всем мире употребляются. И если я и получил какую-то известность за пределами Советского Союза, то, может быть, главным образом благодаря именно этой книжке.

— Тот редкий случай, когда оценка внешняя и внутренняя совпадают...

— Да, этот случай. Но разве все работы могут быть хорошими? По-моему, нет. Есть лучше, есть хуже.

— Но Вы, вероятно, излишне строго оцениваете собственные работы?

— «Излишне» в этом случае быть не может. Мне кажется, в оценке себя самого человек всегда склонен к ошибке — к преувеличению собственных заслуг. Тут нужно заранее вводить самоконтролирующую поправку.

— Математический подход?

— Конечно. Надо уметь отключиться от авторства, попробовать думать, что эта работа не моя, эта работа посторонняя — и ты должен объективно ее оценить.

— Простите, если даже у Вас на оценку так влияет настроение, если в разные периоды и состояния Вы способны по-разному оценивать одни и те же работы, то о какой объективной оценке можно говорить? Субъективный подход берет верх... Кстати, от чего бывает плохое настроение?

— Трудно сформулировать. Много разных причин, конечно. Личного характера, семейного характера. Но от настроения стараешься отключаться. Стараешься не давать ему власти.

— А... какова вообще роль эмоций в работе математика?

— Не просто ответить. Важны, наверное, эмоции, но в основном нужно уметь вжиться в предмет, нужны трудолюбие и интуиция. Интуиция начинает работать только после того, как вы вжились в проблему, а это требует времени. Если вас какой-то вопрос заинтересовал, увлек, необходимо, чтобы он стал «своим» в вашей голове. Только тогда начинают появляться свежие мысли. Процессу творчества предшествует большая подготовительная работа. На вдохновение нужно много потрудиться. Само по себе оно не приходит.

— Накопление определенного настроения?

— Да. И сведений. Главное — сведений,

образов. Все это должно сложиться в какую-то систему. Чтобы заработала интуиция, нужно знать предмет чрезвычайно хорошо.

Однажды Сергей Львович дал мне текст своего доклада на математическом конгрессе за рубежом: «Математика современная и математика классическая». К моему удовольствию, в докладе было мало математических знаков. Зато его образный язык захватывал. Позволю себе воспроизвести фрагмент из этой работы Сергея Львовича, написанной, как мне кажется, по тому «вдохновению», которое «само по себе не приходит».

«Я буду говорить об одной из самых древних наук, которая нам, ее работникам, кажется вечно юной.

Она переживала за свою историю и восторги замечательных открытий, и революции, и периоды спокойной систематической работы. Ее считают и царицей всех наук, и их служанкой. Для ее последователей это всегда богиня, лик которой спрятан под покрывалом, и счастлив тот, кто удостоится увидеть какие-то новые черточки ее лица или разгадать какую-нибудь из ее загадок.

Математика была в почете у древних. Ими были открыты замечательные ее главы, до сих пор вызывающие восхищение.

В конце XVII века произошла в ней великая по своему значению революция, возник анализ бесконечно малых или, иначе говоря, дифференциальное и интегральное исчисление, созданное одновременно Исааком Ньютоном и

Готфридом Вильгельмом Лейбницем.

В результате этой революции одним из главных ее вопросов стало изучение переменных величин. В трудах продолжателей Ньютона и Лейбница это направление достигло великолепных успехов.

Математические модели, созданные на этой основе, стали замечательными подобиями действительности, позволили понять внутренние закономерности, управляющие ими.

Второй переломной датой, на мой взгляд, нужно считать конец XIX и начало XX века.

Здесь пролегает не очень четкая грань между тем, что большинство математиков называет классическим, и тем, что считается «современной математикой».

Трудно найти современную научную дисциплину, которая требовала бы для понимания столь обширной предварительной подготовки. По мере развития математики в ней возникали все время новые понятия, новые термины, появились целые новые области. И поэтому мы, математики-профессионалы, обычно уже не можем быть до конца в курсе дела разнообразных математических дисциплин, имея о них лишь общее представление, и я, конечно, не исключение.

Процесс развития математической науки продолжается все время. По мере того, как решаются старые задачи, возникают новые. И когда для их решения существующих методов и приемов оказывается недостаточно, создаются и новые способы. Математика обладает системой

абстрактных понятий, позволяющих воссоздавать из них отвлеченные модели многих явлений действительности. Но действительность неисчерпаема, и накопленных математических понятий постоянно не хватает. Тогда возникают новые понятия.

Нашу науку можно сравнить с растущим деревом, ветки и веточки которого — это отдельные области и теоремы (кстати сказать, существует даже математическое абстрактное понятие «дерево» для описания аналогичных структур). Деревья растут по-разному. Одиноко стоящий дуб разрастается широко. Каждая его ветвь, вырастая, дает начало новым побегам, из которых опять вырастают все новые, и так повторяется много раз. В сосновом бору — наоборот: нижние ветви сосен, засыхая, отмирают. Живет молодая часть дерева на верхушке ствола, далеко от почвы, питающей сосну.

На что же похожа математика? Строго говоря, есть одно отличие в схеме развития нашей науки от развития деревьев. Бывает, что две или больше ветвей математики срастаются друг с другом. И несколько математических дисциплин сразу дают начало новой жизни — случай, который не очень укладывается в понятие «дерево».

И все-таки я не нахожу другого более точного образа в рассуждениях о развитии математики. И пусть мои слушатели простят мне несовершенство моих сравнений».

И не однажды, а много раз приходилось

слышать от Сергея Львовича о «скрытой от посторонних глаз красоте» математических конструкций, той красоте, которую «не сразу удается понять, как красоту стихов на неизвестном языке. Нужно выучить сначала этот язык, чтобы засверкали тонкие его оттенки».

— Сергей Львович, Вы в «академиках» более сорока лет. Это чувство красоты, о котором Вы говорите,— оно не утрачивается с годами?

— Если математик не умеет любоваться хорошими результатами, понимать в них не только точности или неточности, а видеть, что красиво, что некрасиво, он никогда ничего не сделает. Эстетические критерии играют огромную роль.

— В математике?

— Именно! Я думаю, что это одно из самых главных качеств человека, решившего посвятить себя математике,— уметь увидеть красоту решения, конструкции, построения.

— Вы понимаете под «красотой» совершенство мысли, исполнения?

— Не знаю, как это назвать. Это просто красиво — и все! Почему одна картина вам нравится, другая нет?

— Вы считаете, что математические конструкции можно воспринимать как произведения искусства?

— Так, наверное, нельзя сказать. Но в математике без чувства красоты нечего делать. Я помню, как у нас, юных студентов Ленинградского университета, раскрылись глаза

на огромный мир движения, на глубину связей и причин всего кругом происходящего, когда нам впервые на лекциях показали, как можно вычислить частоту колебаний маятника, зная его длину и закон сопротивления среды, в которой он качается. Это было откровением, оставившим неизгладимое впечатление на всю жизнь. Анализ бесконечно малых не только вызывал у нас восхищение, но и определил мировоззрение.

Я не взялся бы объяснить, откуда появляются и как действуют внутренние законы математической науки. Здесь как раз немалую роль играет эстетическое чувство. Любой математик знает, что такое «красивый результат», «изящное доказательство». Иногда это — неожиданная мысль, вдруг приводящая к решению трудной, долго не поддававшейся задачи. Иногда — смелое обобщение, умение увидеть в конкретной ситуации законы, управляющие явлениями. А иногда стройность и мудрость сложного замысла, радующего в конце длинного пути выкладок и рассуждений ярким результатом. Красота в завершенности, гармонии раздела или большой математической области.

Так это или не так, точен я здесь или не точен, но Я твердо знаю, что часто во время размышлений возникает желание делать то, что подсказывается каким-то внутренним чувством. Мои взгляды несомненно субъективны, как и у всех людей моего возраста. Я и не претендую на их абсолютную истинность. Но я уверен, что молодому человеку, избирающему математику как

предмет своих занятий на всю жизнь, нужно проверить в себе эту способность чувствовать красоту математической «поэзии».

— Интуиция, трудолюбие, эстетическое чувство… Математическая триада? Это и есть математический талант?

— В математике есть результаты, которые нравятся всем поколениям. Их много. Они живут столетия. И каждый раз молодой человек, впервые встретившийся с ними, приходит в восхищение от того, что перед ним открывается. Если этот человек математически одарен.

— Как от стихов Пушкина?

— Пожалуй, да. Талант — это совокупность многих качеств. Каждый человек рождается с суммой определенных задатков, но талант, в моем понимании,— это реализация задатков. Мы говорим о таланте, когда видим результаты. Таланты, наверное,— это проявление природных способностей, что возможно при наличии определенных свойств. Словом, талант — материя реализованная. И эстетический вкус, о котором я много говорил, для меня — непременное свойство таланта. Если вкус не развит, человек будет делать посредственные, серые вещи, которые никому не нужны.

— Категорично. И — несколько противоречиво. Вы утверждали, что все работы хорошими быть не могут...

— Но есть люди, у которых просто не бывает хороших работ. В таком случае, мне кажется, человек должен сменить профессию.

Найти себе такую, где он сможет делать хорошие работы... Кстати, одна из смешных черт начинающих математиков — любовь к наибольшей общности. Люди, не изжившие это увлечение, думают, что в большой общности уже само по себе заключается и большое величие. Обобщение же ради обобщения — опасность, которая особенно угрожает незрелым и посредственным умам. Великий Ньютон сказал в одном из своих сочинений, что при изучении всех наук конкретные примеры не менее поучительны, чем самые общие теории. Это было истиной во времена Ньютона. Это не перестало быть истиной и в наши дни. Нельзя забывать — несмотря на блестящий успех глобальных методов исследований, введение новых общих понятий и общих моделей,— что чем более общим является понятие, тем беднее оно содержанием. Когда обобщаются одни свойства математических понятий» то другие исчезают. И — даже значительное, на первый взгляд, обобщение какого-то крупного и сложного результата часто не требует ни ума, ни таланта. Хотя, конечно, математика нашего времени стремится к глобальной трактовке фактов и проблем. Она стремится охватить в целом мир своих моделей, а с ним — и окружающий мир.

Приведу одно популярное сравнение, которое, при некоторой грубости, хорошо характеризует черты современного мышления.

Что нужно, чтобы разыскать вашего друга, приехавшего в тот же город, что и вы? Если у вас

есть его фотография или запись его голоса, задачу решить невозможно. Но если вы знаете гостиницу, в которой он остановился, и у вас в руках план города, задача решается мгновенно. Общая идея в математике уподобляется этому плану. Если вы ищите, например, решение какого-либо дифференциального уравнения, рассматривая лишь собственные свойства этого решения, выраженного уравнением, то ваш успех будет незначительным. Но если вы знакомы в более общих и широких масштабах со структурой того функционального пространства, среди элементов которого это решение находится, то вы можете сделать о нем важные заключения, найти способы приближения к решению или обнаружить его новые общие качественные свойства. Современную математику я бы назвал математикой синтетической; математическое дерево с многочисленными ветвями растет, цветет и разрастается не только вверх, но и вширь.

(В связи с семидесятилетием Сергей Львович был награжден орденом Октябрьской Революции. В юбилейной статье журнал «Успехи математических наук» писал: «Научное творчество Сергея Львовича Соболева оказало большое влияние на математическую науку XX века».)

Еще одна книга Соболева у меня в руках — «Введение в теорию кубатурных формул». Москва, издательство «Наука», 1974 год. Восемьсот восемь страниц. Не сравнить с брошюрой 1935 года. Во всяком случае— по

объему. И эта огромная книга — итог сибирской работы, выполненной, по определению самого Сергея Львовича, «старым человеком». В тот период, когда, по его мнению, продуктивность математика резко падает.

— Это самая объемная Ваша работа?

— Ну конечно... толстая книжка...

— Но она выполнена после пятидесяти.

— Да, я нашел себе какую-то новую область. Но это результат пятнадцати-шестнадцати лет. Быстрота работы совсем не та. Сейчас я занимаюсь классической математикой. Очень, я бы сказал, классической, старыми вопросами, старыми постановками, наследием Леонарда Эйлера, одного из величайших математиков мира, замечательного сына XVII века. Классическая математика — это, я бы сказал, математика конкретных задач, решение которых искалось в замкнутой форме и рассматривалось всегда как индивидуальное.

— Но сейчас много говорят о том, что расширение областей применения математики постоянно пополняет и круг ее задач...

— Законы развития математики определяются двумя главными факторами. С одной стороны — это требования жизни, запросы техники, запросы других наук, с другой стороны — внутренние причины, заключенные в ней самой. Ньютон пытался понять законы движения, в частности — законы движения небесных тел, то есть — исходил из задач практики,— и создал дифференциальное и интегральное исчисление. А

Лейбниц пришел к той же теории из стремления дополнить и превратить в стройное целое ряд отрывочных идей, не доработанных его замечательными предшественниками. Его математические поиски были связаны с философскими взглядами. Я-то как раз много занимался прикладными вопросами. Особенно в годы войны.

— Надо полагать, что Ваши семь орденов Ленина — не за одну только математическую «абстракцию»? Из Ваших формул получались, вероятно, и машины?

— Не из формул. В той области промышленности, с которой я тогда был связан, было очень много математических вопросов. Ответы на них нужно было получать как можно быстрее и как можно точнее. Для этого нужен был математик высокой квалификации. И я действительно получил за эту деятельность, которая продолжалась 15 лет, много наград. Прикладная математика — это большая часть моей жизни. Начинал-то я как сейсмолог.

— Это случайность?

— Не совсем случайность. Меня как студента рекомендовали профессора Ленинградского университета в сейсмологический институт, который только организовывался. На четвертом курсе я проходил практику на заводе «Электросила» в Ленинграде. Заведующий отделом инженер Красовский предложил мне работать у них. А потом меня пригласили в Академию. И я решил, что Академия интереснее.

Так я стал сейсмологом. Та работа, которую Вы нашли в библиотеке,— это же труды сейсмологического института («Задача о распространении пластического состояния»).

Не случайно биографы Сергея Львовича констатируют :

«Тесная связь математического аппарата с конкретными задачами естествознания».

— Сергей Львович, Вы разделяете отношение Софьи Ковалевской к жизни? Напомню, что я имею в виду. В 1888 году она выполнила свою знаменитую работу под названием «Задача о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки». Как раз в это время парижская академия объявила конкурс на лучшее научное исследование по вопросу о вращении. Авторы, принимавшие участие в конкурсе, должны были скрыть свои имена под выбранными ими девизами. Премию получила работа с таким девизом: «Говори, что знаешь, делай, что должен, будь, что будет». Это была работа Софьи Ковалевской. Такой девиз был выбран ею. Мне кажется, это хорошая формула отношений с жизнью. Вы ее разделяете?

— Разделяю. «Будь, что будет», конечно. Делай свое дело. Остальное приложится.

— Много этого «остального». Я бы не взялась на память, без бумажной подсказки, перечислить Ваши награды, звания, титулы. Член Французской Академии...

— Она не называется Французской Академией. Французская Академия — это та,

которая занимается французским языком и французской историей. Та, членом которой я избран, называется Академия наук института Франции. Институт — это совокупность пяти Академий.

— Больше перечислять не буду. Англия, Италия, Франция, Чехословакия... Вам приятно бывать на процедурах посвящения, вручения и так далее? Как это выглядит?

— Мне это трудно рассказать. Вот что было, например, после избрания меня французским академиком. До этого я был членом-корреспондентом, и это тоже была очень торжественная церемония. А как происходили академические церемонии? Сначала в самой Академии — прием новых членов. На этот раз было выбрано 29 человек, из них четверо — советские ученые. Затем был прием у президента. Он пожимал нам руки, желал успеха, рассказывал о том, что собирается в Москву. Это было как раз незадолго до его приезда в нашу столицу.

— А нет специального ритуала посвящения в «бессмертные», как когда-то называли академиков во Франции?

— Ритуала нет, но в очень торжественной обстановке вручается большая настольная медаль. Это происходит с барабанным боем — в буквальном смысле. Мы проходили через ряд барабанщиков — нарядных и шумных. Нас поздравлял французский министр просвещения, потом — председатель их совета министров. Церемония проходит на высоком уровне и очень

торжественно.

— Ваши ощущения в этот момент?

— Знаете, такого уж очень большого подъема не было. Но — было приятно. В общем, об этом потом вспоминаешь с удовольствием. Хотя, конечно, не это главное. Главное — получаешь ли ты сам удовлетворение от сделанного...

Трижды лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда, член многих иностранных академий...

Четверть века — директор Института математики, один из организаторов Сибирского отделения Академии наук СССР.

Крупнейший представитель советской математической школы, автор фундаментальных работ по теории дифференциальных уравнений, теории упругости, теории нелинейных уравнений с частными производными, функциональному анализу и вычислительной математике.

Кстати, дед Сергея Львовича был сибиряком — уроженцем читинских мест. Приятная для сибиряков подробность.

РАВИЛЬ ГАРИПОВ*
ОН КАЗАЛСЯ МОНУМЕНТОМ

I
Чтобы быть львом, надо иметь сердце льва

В моей памяти сохранился день, когда я в первый раз увидел Сергея Львовича Соболева. Он делал доклад на юбилейной конференции, посвященной 60-летию Михаила Алексеевича Лаврентьева в ноябре 1960 года. Тогда ему исполнилось 52 года. Я был зачислен младшим научным сотрудником в Институт гидродинамики Сибирского отделения АН СССР 26 марта 1960 года после окончания Московского физико-технического института. Был в ту пору совсем зеленым. Прекрасный и смешной возраст. В своем докладе Сергей Львович говорил о кубатурных формулах. До сих пор у меня в ушах звенит его срывающийся от энтузиазма голос: «Знаменитый чебышевский мини-макс...»

Я не занимался кубатурными формулами, но знаменитые пространства Соболева в дальнейшем сыграли важную роль в моей научной работе. Пожалуй, с этой встречи у меня сложилось впечатление, что Сергей Львович не обыкновенный смертный человек, а железный монумент, который сошел с пьедестала лишь на время своего доклада, а потом снова вернется на законное место. В дальнейшем мне приходилось

* Гарипов Равиль Мухаметзянович, профессор, сотрудник ИГ СО РАН. Опубликовано в газете «Советская Сибирь», 1998 г., №№ 188-189, 193.

сталкиваться с ним в разных ситуациях и в дружеских застольях, но ощущение это не исчезало никогда. Такое же ощущение вызывал только еще один человек - Михаил Алексеевич Лаврентьев.

На той памятной конференции следующим выступил А.В. Бицадзе, доклад которого поверг меня в сильнейшее недоумение. В отличие от Сергея Львовича, который в лоб брался решать поставленную проблему, Андрей Васильевич рассматривал идеализированную частную модель, крутил ее так и сяк без видимого успеха. «Он не может решить такую упрощенную задачу, - думал я. - Как же он будет решать исходную задачу? Спустя много лет я сам поступал так же. Но тогда я этого еще не знал и вынес безжалостный приговор: «Пустяк».

Высоко вознося Сергея Львовича и Михаила Алексеевича, не поднимал ли я себя самого на их пьедестал, помещая хотя бы с краешку? Нет. Однажды, еще в бытность студентом, мой однокашник спросил: .«Разве ты не хотел бы быть как Эйлер?» Я ответил: «Нет. Я хочу быть, как Гарипов». Самоуважение - элемент порядочности. А в творческой работе оно просто необходимо. Честолюбие гложет людей посредственных. Истинный талант лишен его. Благодаря честолюбию посредственные люди часто достигают высоких ступеней. Так, преступник прилагает максимум усилий, чтобы обеспечить себе алиби и ускользает от справедливого возмездия. В то время как люди невиновные не

предпринимают никаких действий в свою защиту и попадают в лапы правосудия». Если талант творит, то вовсе не для достижения честолюбивых целей. Это его естественное состояние. Все остальные занятия для него неестественны и скучны. Не все талантливые люди вовремя осознают свое призвание, а мечутся по жизни и нередко плохо кончают.

К счастью, эта участь миновала Сергея Львовича. Он рано понял свое призвание математика. Если 6ыть совсем точным, это рано поняли его учителя, в первую очередь В.И. Смирнов, и все житейские вопросы - типа зашиты диссертаций, выборы в АН - решали за него. Сергей Львович не раз говорил, что он всю жизнь чувствует себя должником. Ему оставались только работа, семья и дети. Однообразно? Да. Все оригинальные, драматические события жизни ученого происходят на бумаге, в его научных трудах. Здесь горение, титаническая борьба и поражение. Только изредка победа. Впрочем, в жизни Сергея Львовича и внешних драматических событий было немало...

Первые годы Сибирского отделения остались в моей памяти как непрерывный ряд конференций, коллоквиумов, диспутов, конкурсов и... банкетов. Теперь я ярый ревнитель трезвости. Правда, не могу сказать, что те банкеты нас спаивали. Они давали возможность неформального общения. Помнится как однажды я с моим профессором Н.Н. Моисеевым под столом пили на брудершафт.

Восточная мудрость гласит: чтобы быть львом, надо иметь сердце льва. Продолжая эту мысль, можно сказать: если хочешь сделать великое открытие в науке, должен чувствовать себя Ньютоном, а не маленькой мышью. И вот мы, серые мышата, имели сердце льва. Во всяком случае, нам так казалось благодаря отсутствию всякой субординации в отношениях между младшими и старшими.

Во главе всех упомянутых мною мероприятий (за исключением банкетов) неизменно стоял Сергей Львович Соболев. Я храню, как драгоценную реликвию, диплом участника 1-й конференции молодых ученых, подписанный Сергеем Львовичем. Там есть подписи еще четырех важных лиц, в том числе двух председателей: СО АН СССР и Новосибирского совнархоза. Тогда содружество наук, их единство происхождения всячески пропагандировались. Именно тогда я привык считать себя сотрудником Сибирского отделения, а не отдельного института. В первые годы СО АН было также местом паломничества видных ученых, которые выступали здесь с лекциями по разным проблемам. Сам Сергей Львович не раз читал научно-просветительские лекции перед широкой аудиторией. Уже за одну эту деятельность я, как и многие мои сверстники, могу с полным правом считать себя учеником Сергея Львовича.

II
Большая наука и провинциальная

Из многочисленных выступлений Соболева по общим вопросам в моем мозгу отфильтровались слова: большая наука и провинциальная наука. И как производное от них; провинциализация науки. Сергей Львович, как и Михаил Алексеевич, никогда не употреблял термин «фундаментальная наука». Кто его придумал - не знаю. Сергей Львович возражал даже против термина «прикладная математика». Он говорил, что есть только хорошая математика и плохая. Как и у всех корифеев, единство наук, произрастающих от общего корня древа познания, было его философским кредо. Поэтому большая и провинциальная науки у него различаются не по категории, а лишь доброкачественностью. Насколько я его понимал, большая наука - это как большой спорт. Она одна общая для всех, и в ней фиксируются лишь наивысшие достижения. Провинциальная наука отличается множественностью. Каждый провинциал имеет свою провинциальную науку и фиксирует в ней все свои результаты. Вторжение извне не допускается, как посягательство на собственность. Явление провинциализма в науке существует не во всех странах. Оно особенно распространено в России и во Франции. Где большая наука обитала

исключительно в столицах. Это явление совсем отсутствует в Германии. При случае Сергей Львович с гордостью говорил, что большая наука поселилась также в Новосибирске, и надо стараться, чтобы она здесь осталась.

В 1965 году я представил кандидатскую диссертацию, которая вызвала у М.А. Лаврентьева большой энтузиазм. И он посоветовал мне рассказать ее на семинаре С.Л. Соболева. На семинар я пошел без особой робости, тем более, что меня сопровождал Л.В. Овсянников для подстраховки. Но и не без волнения. Шутка ли, сам Сергей Львович спустится со своего пьедестала, чтобы меня послушать. Заслуживаю ли я такой чести? У меня не было в этом уверенности. Но все обошлось наилучшим образом. После каждой моей фразы к доске выходил Т.И. Зеленяк и говорил возражение или вопрос. Его возражения гораздо лучше объясняли мои результаты, чем рассказывал я сам. Так что Сергей Львович подытожил семинар следующими словами: «Ну хватит, Тадей Иванович. Давно уже все всё поняли». Помощь Льва Васильевича не понадобилась. Благодаря Тадею Ивановичу мои доклад растянулся на два семинара, что также вдвое увеличивало его вес в глазах слушателей. В итоге Сергей Львович высоко оценил мою диссертацию.

Вскоре после этого Алексей Шабат привлек меня к преподаванию в НГУ. Наши встречи с Сергеем Львовичем стали регулярными на заседаниях кафедры дифференциальных

уравнений, которые всегда проводил он сам как руководитель. На одно из заседаний пришел представитель парткома. Он пришел не просто так, а выполняя поручение. Он стал настаивать, чтобы кафедра взяла обязательство делать из каждого аспиранта кандидата наук. Но Сергей Львович воспротивился. Он сказал, что тогда мы наводним науку посредственностями, и работать станет невозможно. Представитель ушел несолоно хлебавши. Вообще слова «талант», «посредственность» я слышал от Сергея Львовича, и под его влиянием эта градация постепенно принимала в моей голове конкретные очертания.

Талантливые ученые различаются, разумеется, размерами своего дарования. Талант - это определенный, можно сказать, одинаковый склад ума, характера и, если хотите, мировоззрения. Например, эти люди не вступают в коалицию по принципу «ты - мне, я тебе», а охотно образуют коалицию по принципу идолопоклонства. Известна классификация физиков. Ландау: сравнивать можно только однотипные величины. Нельзя сравнивать разнотипные величины, например, 1 кг и 1 м. Сергей Львович говорил примерно так: «Мы знаем, что в математике существуют полуупорядоченные множества, не все элементы которых попарно сравнимы. Бессмысленно спрашивать, кто более велик: Гаусс или Риман. Они не сравнимы».

Однако в наше время, когда наука стала массовой, подобные вопросы далеко не праздные.

Поэтому небезынтересно привести еще одно мнение. Академик А.Д. Александров выделял в науке класс «околонаучных работников». По моим наблюдениям, околонаучные работники не говорят между собой о науке в свободное от работы время. В 30-х годах С. Цвейг ввел в искусстве понятие «окололитературный импотент», которое, по-видимому, родственно понятию «околонаучный работник».

Рассказывают случай почти анекдотичный. Однажды Сергей Львович встретил на улице студента Шухмана. Тот стал на ходу излагать свои идеи Соболеву. По ходу беседы понадобилась доска, которые пока еще не висят на улице. Шухман предложил Сергею Львовичу вернуться обратно в институт. Они вернулись в кабинет директора и благополучно закончили беседу. Остался ли академик без обеда или не попал на важное заседание - не знаю. Комментируя этот случаи, обычно говорят: наглец Шухман злоупотребил деликатностью мягкосердечного Сергея Львовича. Однако такое объяснение было бы слишком поверхностным. В то время Сергей Львович активно занимался кубатурными формулами. Возможно, его постоянно мучил какой-нибудь нерешенный вопрос. В таком состоянии бывает полезен внешний раздражитель, который может придать мыслям новое направление или даже подсказать путь к решению. Легенда о Ньютоновом яблоке - не вымысел. Не только на Ньютона, но и на других людей они падают. Шухман вполне мог сыграть роль такого

яблока.

Сергеи Львович отнюдь не был аморфным, беззубым интеллигентом. Как-то он рассказал, что когда рассчитывал атомную бомбу, в одно утро не открывался замок его кабинета. Тогда он открыл дверь ударом ноги. Почему не позвал охрану, а воспользовался столь старомодным способом - спросить об этом я постеснялся. После этого врач нашел у него какой-то перелом и запретил полгода выходить из дома. За это время он написал свою знаменитую книгу «Некоторые применения функционального анализа в математической физике». Эта книга в корне преобразила всю теорию дифференциальных уравнений в частных производных. Поэтому можно сказать, что Сергей Львович пинком открыл новую главу в одном из важнейших разделов математики. После выхода этой книги теоремы посыпались как из рога изобилия. За короткий срок ученое общество удвоило свое «поголовье». На мое счастье Сибирское отделение переиздало эту книгу, и я ее купил в магазине. Моему восторгу не было границ. Все необходимые для диссертации теоремы получались в функциональных пространствах.

Свою мысль о том, что Сергей Львович не чурался и старомодных методов, закончу таким эпизодов. М.Д. Рамазанов пригласил меня на банкет по случаю защиты своей кандидатской диссертации. Подойдя к коттеджу-столовой, где это обычно происходило, я в темноте увидел две фигуры, - Сергея Львовича и Марата. Кто из них

пришел раньше - не знаю. Сергей Львович никогда никуда не опаздывал. Столовая была еще закрыта, и Сергей Львович начал развивать теорию, кого легче сбить с ног горизонтальным ударом кулака: высокого или низкого человека. Выходило, что высокого сбить труднее, так как у него больше момент инерции при той же массе. Сообразительный Марат тут же сделал из этого полезный для себя вывод: «Будем остерегаться горизонтальных ударов» (он был невысокого роста).

К своим административным обязанностям Сергей Львович относился вполне серьезно, несмотря на их комическое обилие. И весьма добросовестно. Я имел случай убедиться в этом. Конечно, как истинный полководец, некоторые фронты он доверял своим воеводам. Самым видным сподвижником Сергея Львовича на административном поприще был, пожалуй, А.И. Ширшов, которого в шутку называли директором института. Само собой понятно, что Сергей Львович давно был бы погребен как ученый под грудой этих дел, если бы твердо не придерживался одного правила: административным делам он посвящал время только после 15 часов, а до того сидел дома и занимался математикой. Благодаря этому правилу он сохранил хорошую спортивную форму и репутацию активно работающего математика. В то время как за Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым, например, прочно утвердилась репутация великого организатора, отошедшего от науки. Это мнение было

несправедливо и очень обижало Михаила Алексеевича. Он тоже уделял время административным делам после 15 часов. А до этого беседовал с учениками, ходил в лаборатории. Как бы рано я ни приходил в институт, машина Михаила Алексеевича уже стояла.

Методы воспитания у этих двух людей тоже были различны. Если Сергей Львович всегда первым лез на баррикады со знаменем в руках, увлекая за собой своих учеников, то Михаил Алексеевич никогда не шел впереди. Он наблюдал сзади, как его ученики штурмуют баррикады, громко отмечая, если его ученик случайным выстрелом поразит противника. Тогда ученик начинал усиленно пулять в угаданном направлении, воображая, что сам нашел неприятеля. Это создавало иллюзию полной самостоятельности учеников.

III
Творчество – это донкихотство

В институте математики было большое отделение вычислительной техники, возглавляемое Э.В. Евреиновым. В те первые годы кибернетика только что вышла из-под запрета доморощенных философов и была фавориткой. Большой шум стоял также вокруг вычислительной техники, в которой, как выяснилось, мы сильно отстали от США. Страсти кипели. По воле случая я попал в самую их середину, как кур в ощип. С

одной стороны; мой школьный друг Ю.А. Пьянков работал в отделении вычислительной техники и я близко к сердцу принимал их дела. С другой стороны, Михаил Алексеевич невзлюбил Эдуарда Владимировича и открыто ругал его жуликом. С третьей стороны. Сергей Львович всячески поддерживал и рекламировал его. Тогда я работал под руководством Михаила Алексеевича в институте гидродинамики и на кафедре Сергея Львовича в университете и, сами понимаете, не мог остаться безучастным.

Сначала мне показалось несправедливым, что человек, облеченный властью, нападает на рядового заведующего, и пытался его защищать. Видя, что у меня нет научных аргументов. Михаил Алексеевич принялся ругать его еще усерднее. Время шло. Один ругал, а, другой хвалил Евреинова, потом эти монументы начали обзываться. «Зазнался», - говорил мне Михаил Алексеевич о Сергее Львовиче. «Завистник», — парировал Сергей Львович, имея в виду Михаила Алексеевича, но обращаясь ко мне же. Вскоре у меня возникло подозрение, что они нарочно разыгрывают предо мной спектакль. Так оно и было на самом деле. Ведь они и Сергей Алексеевич Христианович обсуждали планы Сибирского отделения задолго до его открытия и заранее распределили роли между собой. Люди, близко знавшие их по долгу службы, могут посчитать мои суждения наивными. Я воспринимал их, как было сказано, с большой дистанции, как живых Ломоносова или Ньютона.

Поэтому уместно вспомнить слова Г. Гейне: «Насекомые на голове великого человека ближе всех находятся к его мыслям, но меньше всех могут рассказать о них».

Поступки людей в ответственные или критические моменты жизни не определяются сиюминутными причинами. Их истинные мотивы коренятся в глубинах подсознания, в тех слоях, которые сформировались в самые ранние периоды жизни - в детстве и юности. В юности наши герои впитали в себя лучшие идеалы русской интеллигенции: подвижничество, служение своему Отечеству. Те простенькие, а то и порочные идеи стремления к удовольствиям, которые закладываются в сознание современных детей и юношества средствами массовой информации обернутся в недалеком будущем большими потерями.

Однако вернусь к конфликту. Мое самолюбие было польщено, и я, стараясь в меру своих сил и дарования, включился в спектакль. То есть принялся изучать труды Э. В. Евреинова. И потерпел полное фиаско. У меня до сих пор стоит на полке книга «Однородные универсальные вычислительные системы высокой производительности» с закладкой на 2-й странице, дальше которой мне не удалось продвинуться.

Если математик в книге открыто излагает свои результаты и простодушно раскрывает все свои доказательства, то инженер их хитроумно маскирует от возможных конкурентов. Потому что техническая литература связана с деньгами, с

частной собственностью. Если математик пишет книги для просвещения публики, то инженер — исключительно ради собственного престижа, для защиты диссертаций и получения финансирования. Только К. Шеннон излагал свои технические работы открытым математическим языком. Но это объясняется тем, что, во-первых, он был не только инженер, но и математик; во-вторых, он писал секретные отчеты в фирме и мог не опасаться конкурентов. Впоследствии эти отчеты были рассекречены и опубликованы.

Необходимые условия научного творчества - бескорыстие и альтруизм и, по сути, донкихотство. Михаил Алексеевич говорил, что «не считает ученым того человека, который радуется успеху своего товарища меньше, чем своему». Если математик наделен указанными атрибутами в силу характера своей профессии, то инженер тяготеет к психологии буржуазного чистогана. Поэтому легко понять неприязнь математика Лаврентьева к инженеру Евреинову. В то время на пост директора Вычислительного центра Сибирского отделения был приглашен Г. И. Марчук, который тоже претендовал на компетентность в области вычислительной техники. Гурий Иванович тоже был математик, поэтому не был так противен Михаилу Алексеевичу, как тот «проклятый инженер».

Между тем, Э.В. Евреинов был человек, безусловно, не ординарный. Его основные идеи: сделать вычислительную машину на миллиард операций в секунд, используя новейшие

технологические достижения, а также методы распараллеливания и принцип однородности, - в настоящее время нашли техническую реализацию. Но в то время Эдуард Владимирович излагал их на уровне лозунгов и требовал прав и сверхфинансирования. Михаил Алексеевич ему отказал. В конце концов и Сергей Львович отступился от него, и он уехал в Москву. Как я ни был обескуражен первой неудачей, покинуть сцену уже не мог и продолжал заниматься этими проблемами. Позже я нашел, что проблему увеличения быстродействия вычислительных машин за счет увеличения числа элементов (это и есть распараллеливание на машинном уровне) нельзя решить абстрактно. А для конкретных физических систем она решается. Решение особенно просто и изящно для релейных систем. При этом открываются новые закономерности. Это случилось в то время, когда в Сибирском отделении произошли драматические события, которые определили его дальнейшую судьбу и в конечном счете привели к сегодняшнему состоянию. Сергей Львович выступил в роли главного героя, который падает в борьбе со злыми силами. Но пора вывести на сцену новых персонажей и рассказать сначала завязку этой драмы.

В процессе общения с сотрудниками отдела вычислительной техники института математики у меня созрел план численно решить одну задачу гидродинамики о движении жидкости со свободной поверхностью. Замысел алгоритма все

расширялся и наконец принял такую общность, какую только можно себе представить. Когда я перевел его на алгоритмический язык АЛЬФА, разработанный в Вычислительном центре под руководством А.П. Ершова, то получилось 44 листа — программа неслыханных в то время размеров. Поскольку у меня не было никакого опыта в этом деле, то меня это не смущало. В то время как раз привезли БЭСМ6 – самую мощную отечественную машину. И та же компания сделала транслятор с язык АЛЬФА на БЭСМ6, который они назвали АЛГИБР. Теперь уже мало кто помнит эти названия. Но в то время слава А. П. Ершова гремела в Сибирском отделении и даже вышла за его пределы. Опытные люди сказали мне: «Ты, Равиль, не ходи просто так на ВЦ. А возьми письмо от Михаила Алексеевича, чтобы тебя допускали к БЭСМ6». Оказывается, пользующиеся услугами Вычислительного центра программисты делились на три категории: те, которых никуда не пускали; те, которых пускали в общий машинный зал; и, наконец, те, имеющие высший статус, которых пускали в зал БЭСМ6 - святая, святых этого учреждения. И вот с письмом в кармане за собственноручной подписью Михаила Алексеевича с просьбой дать мне наивысший статус «пользователя» (мерзкое слово, которое позднее возненавижу) я отправился на заседание редколлегии ПМТФ. Там встретил Гурия Ивановича, который тоже был членом редколлегии. Он любезно наложил на письмо свою резолюцию. Думаете, какую? Послал меня к

своему заместителю Кочергину. Кочергин послал меня к Горабчуку. Горабчук послал меня к женщине, которая сидела за окошечком. Та выписала заветный пропуск на синей картонке. Мне не терпелось испытать его действие, и я направился в машинный зал. Сначала я прошел через обыкновенного серого вахтера который впустил меня в общий машинный зал. В общем зале я прошел через особого синего вахтера с кобурой на боку, который долго изучал мою картонку, и наконец впустил в святилище. Там внушительное божество приветственно замигало мне своими многочисленными глазками. А вокруг ходили ангелы в образах хорошеньких девиц. В этом царстве небесном мне предстояло провести много-много часов, пока оно не превратится в сущий ад. Я остался вполне доволен увиденным и ушел, полный оптимизма, ничего не подозревая о 6будущих злоключениях.

Я долго карабкался по иерархической лестнице, пока не добрался до И.В. Поттосина. Он с непроницаемым видом перелистал 44 страницы моей программы и вместо того, чтобы сказать: «Иди, иди отсюда, дорогой товарищ. Не может наш транслятор переварить твою программу», - дипломатично изрек: «Может быть, так и надо писать». И посоветовал пустить в работу сначала только два листа. Я так и сделал. С этого дня мне стали морочить голову, провоцируя на поступок, который дал бы повод отобрать у меня пропуск. В конце концов дождались его. Но упустили из виду одну странность Михаила Алексеевича: он

никогда, ни при каких обстоятельствах не менял своего мнения о человеке. О Г.И. Марчуке у него еще не было своего мнения. Над его репутацией нависла серьезная угроза. Так впервые в своей жизни я столкнулся с явлением, которое в передовых странах, называется «конкуренция», а в то отсталое время называлось другим словом. Разумеется, я не был конкурентом Гурию Ивановичу. Но могли найтись другие претенденты на его место. Открыто признаться Михаилу Алексеевичу, что их расхваленный АЛГИБР годится только для вычисления таблицы умножения, - значило бы потерять свой козырь. С тех пор я воспринимаю как кощунство, когда один человек сознательно мешает другому человеку в научной работе. Как если бы один мусульманин мешал другому совершать намаз. Все мы мусульмане и поклоняемся богу, который зовется большой наукой.

По доброму совету знакомого я поехал в Москву и отладил свою программу на трансляторе В.М. Чурочкина АЛГОЛ-БЭСМ6. В московском ВЦ нашел дружелюбное отношение и другие порядки. Потом, после многочисленных переделок уже здесь на том же трансляторе, программа была полностью готова. Эпопея закончилась. Много позже, когда занимался другими проблемами, мне пришлось участвовать в работе комиссии по проверке работы ВЦ. Сергей Львович, как водится, был председателем этой комиссии. Те люди, которые так высокомерно передо мной задирали нос, держали экзамен. Я им

поставил «удовлетворительно», так как к тому времени успел забыть об их существовании.

IV
Трудное время

Приближался 1975 год. Сибирскому отделению исполнялось 18 лет. Пора совершеннолетия. Благодаря неустанным трудам садовников зеленые фрукты первых лет покраснели, остепенились. Многие приехали сюда с целью сделать быструю карьеру на волне энтузиазма. И блестяще преуспели в этом. Хотя я не карьерист, но и у меня с этим делом все обстояло благополучно. Урожай созрел. Партийному руководству не терпелось распорядиться им не только для погашения кредита, данного Сибирскому отделению, но и для латания дыр в своей экономической политике. Доморощенные философы состряпали закон природы, по которому якобы наука становилась «непосредственной производительной силой». Хотя некоторые злаки и раньше созревали, но Сибирское отделение еще не дало государству ни копейки барыша. Партийное руководство склонно было винить в этом «устаревшего» Михаила Алексеевича.

В то же время молодой энергичный Г.И. Марчук обещал решить все их проблемы. И М. А. Лаврентьев упорно говорил о своем уходе с поста председателя. А как же сами фрукты? Они вовсе не собирались стать орудием добывания прибыли.

Свою миссию они видели в добывании истины, научных результатов. Было ясно, что Сибирское отделение подошло к некоей поворотной точке своего развития.

Справедливости ради надо заметить, что самих партийных деятелей вряд ли можно обвинить в создании прорех в экономике. Истинная причина наших сегодняшних бедствий - тотальная милитаризация экономики и науки. Почему КПСС пошла на перестройку, а потом на самоубийство? Смешно же думать, что КПСС разогнал Б. Н. Ельцин. Потому что производительность труда у нас была ниже, чем в развитых капиталистических странах, и имела более низкие темпы роста. Раз так, то значит у нас никакой не социализм, а неизвестно что.

Военно-промышленный комплекс, как чудовищный монстр, высасывал все соки народного хозяйства. Пуск одной стратегической ракеты стоит столько же денег, сколько строительство целого Академгородка. Теперь оборонка сама умирает с голоду, как неумный паразит, заевший своего хозяина.

То время было трудное для меня во всех отношениях. Работать приходилось с крайним напряжением сил. Но результаты получались. И самое главное, те проблемы, связанные с вычислительными машинами, над которыми я бился безуспешно много лет, начали поддаваться. Есть давно подмеченный эмпирический закон. "Если берешься за новую проблему, то должно пройти определенное время - химики сказали бы

«время индукции», - раньше которого результатов не получишь, как бы ни старался. По наблюдениям физиков это время индукции равно приблизительно 5 годам. Видимо, эти проблемы отсидели в моей голове положенный срок и теперь просились наружу. Я начал писать монографию. Был уже май 1975 года, когда неожиданно узнал, что Г.И. Марчук выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Это означало, что в конце года он будет председателем Сибирского отделения. Эта перспектива мне показалась катастрофой как для Сибирского отделения, так и для моих творческих планов. Идя к Михаилу Алексеевичу, я старался найти формулировку своей точки зрения в двух словах. Вот она: деловой человек не может возглавлять Сибирское отделение, так как его цель - получение прибыли, а цель науки - добывание истины, что всегда убыточно. То есть цели диаметрально противоположны. Потом пошел к Сергею Львовичу и изложил ему свои планы. Это был бред сумасшедшего, если принять во внимание реальную обстановку тех дней: деградацию КПСС и влияние «марсианцев», поклоняющихся Богу войны, с которыми тогда я уже идейно разошелся. «Чтобы эти планы были реальны, - закончил я, - вы должны стать председателем Сибирского отделения. А для этого вам нужно выставить свою кандидатуру «депутаты Верховного Сонета РСФСР». И Сергей Львович согласился. Возможно, он увидел во мне свое отражение. «Хорошо, - сказал он, - я поеду в обком». В

обкоме ему сказали, что одна партия - один кандидат. Свои доводы я привел в систему и изложил письменно. Письмо отнес по разным адресам. Выступил на предвыборном собрании. Секретарь райкома Р. Г. Яновский расценил мое выступление как выпад против кандидата КПСС и лишил меня слова (голосованием). Как всегда бывало в те годы Г.И. Марчук почти единогласно избран депутатом Верховного Совета РСФСР. Преемник Михаила Алексеевича был определен. Но, как говорится, безумству храбрых поем мы песню. Нашлись люди, которые выступили против него на собрании АН. Хотя Гурия Ивановича никак нельзя было причислить к безумцам, но он отнесся с определенным сочувствием к безумству храбрых. Когда Сергей Львович согласился баллотироваться на пост председателя Сибирского отделения, он снял свою кандидатуру. Но Сергей Львович не набрал необходимого числа голосов. Потом было голосование за Г. И. Марчука. И он прошел.

Главный герой драмы пал. Физически Сергей Львович остался, конечно, жив и невредим. Обком и марсианцы ничего не могли ему причинить, хотя бы за его заслуги перед ними же. Однако не простили ему этот поступок. Последние годы его пребывания в Сибирском отделении были омрачены тяжелой болезнью и гнусными инсинуациями против его учеников. Мы встречались. Как и раньше, я каждый раз беспрепятственно проходил в его кабинет. Последний раз видел его на конференции,

посвященной его 75-летию. Мы сидели в одном ряду недалеко друг от друга. За все время заседаний он не проронил ни слова. Чтобы восполнить его молчание, я старался вдвое больше задавать вопросов. Вечером был банкет. Неожиданно появился Сергеи Львович, встреченный нестройным приветствием подвыпивших голосов. Он шел, опираясь на полку, немного согнувшись, на его лице постоянно блуждала виноватая улыбка. Железный монумент превратился в обыкновенного немощного старца. Мне нестерпимо больно было видеть это превращение. Не таким представлял он себе свой финал. Мне вспомнились его слова, сказанные на заре Сибирского отделения: «По-моему, в старости человек мыслит так же, как в молодости, только медленнее». Я поспешил покинуть шумную компанию.

Умер Сергей Львович в Москве 3 января 1989 года. Это скорбное событие прошло незамеченным в Сибирском отделении. Я с трудом отыскал некролог о его смерти в Сибирском математическом журнале.

ВОСПОМИНАНИЯ
САКСА РОМЭНА СЕМЕНОВИЧА*

Рассказывать о Сергее Львовиче - для меня - то же самое, что рассказывать о солнце, которое светило, согревало, дарило заряд бодрости и оптимизма, и казалось таким естественным.

Частицы этого света летают по миру в виде мотыльков, слов-символов: пространства Соболева, лемма Соболева, уравнение Соболева, метод Соболева, формула Соболева, боронообразная функция и так далее.

Встречая их в самых различных местах и ситуациях, заново чувствую его присутствие, и словно вижу его живые и доброжелательные глаза.

Его любимый тост - «Вакхическая песня» А.С.Пушкина:

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
…..
Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Он читал это стихотворение вдохновенно от начала и до конца:

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

---

* Профессор Сакс Ромэн Семенович, многолетний сотрудник Института математики им. С.Л. Соболева.

В Центре Банаха в Польше встречаю трех африканских математиков, говорящих на французском языке. Один из них похож на наследного принца. Познакомились, разговорились.

Спрашиваю: «Что же вы изучаете?» «Экономику, оптимизацию, пространства Соболева” – отвечают они мне.

Открываю статью А.Бабина, А.Махалова и Б.Николаенко по гидродинамике вращающейся жидкости (1999), в которой авторы доказывают существование регулярного глобального решения нелинейной системы уравнений, и читаю, что линеаризованная версия этой задачи была изучена С.Л.Соболевым в сороковых годах, который продолжил анализ А.Пуанкаре 1910 года.

Встречаю французских математиков Д.Гурдена и Ж.Вайяна, они оказываются учениками профессора Жана Лерэ, который был дружен с Сергеем Львовичем в течение многих лет. Говорю им, что работал в отделе С.Л.Соболева, и переводил лекции профессора Лерэ с французского в Институте Математики, когда он приезжал в Новосибирск. И мне открываются двери в Париж. Меня приглашают выступить на семинаре Ж.Лерэ в Институте имени А.Пуанкаре.

Готовлю лекции по уравнениям математической физики. Открываю учебник С.Л.Соболева (4-е издание, 1966), вижу его оригинальность и существенное отличие от предыдущих курсов УМФ, затем обращаюсь к

учебнику В.С.Владимирова (5-е издание, 1988), и осознаю преемственность времени в этих фундаментальных курсах и вклад, который С.Л.Соболев внес в современное образование.

Когда Андрей Васильевич Бицадзе уезжал из Новосибирска в Москву в 1970 году, он устроил прощальный банкет, на котором были Сергей Львович с Ариадной Дмитриевной и много молодежи из Института математики. Царила теплая непринужденная атмосфера.

Поднимая бокал за здоровье С.Л.Соболева, Андрей Васильевич благодарил его за поддержку и, обращаясь к молодежи, сказал: «Главное, помните, что в основном благодаря Сергею Львовичу вы имеете возможность в Институте так плодотворно работать. Находясь в благотворных лучах этого светила, трудно оценить его величие».

Я познавал это величие постепенно.

Первая встреча с С.Л.Соболевым - 1959 год, аудитория 01 в МГУ, где я учился на четвертом курсе механико-математического факультета:

Красивый статный мужчина, грудь украшена Звездой Героя, страстно приглашает молодых людей поехать на работу в Новосибирск. Я таких людей еще не встречал и, когда Анатолий Илларионович Ширшов на распределении предложил мне работу в Новосибирске в Институте Математики, я согласился.

Но вначале (сразу по окончании МГУ) была командировка в Республику Гвинея: Африка, Конакри, горы, преподавание математики (на французском языке) в лицее города Лабэ.

1962 год, я только что приехал в Новосибирск и иду по лестнице жилого дома, где размещался тогда Институт математики. Мимо меня вверх вихрем пролетает высокий мужчина. Оказывается, это директор Института академик С.Л.Соболев.

Я закончил МГУ по кафедре «Теории функций», поэтому мне предложили обратиться к А.В.Бицадзе, заведующему отделом «Теории функций» в Института математики, и после личной беседы меня зачислили в его отдел.

1962 год, открытие здания Института математики, митинг, заселение, и моя растерянность, когда выяснилось, что для меня места в комнатах, отведенных отделу Андрея Васильевича, не было предусмотрено. Но приходит Сергей Львович и сажает меня в комнату 412 вместе с сотрудниками своего отдела Ю.И.Гильдерманом и В.И.Коротковым.

В этой замечательной комнате я проработал почти 25 лет. В ней было 4 стола и доска на всю стену; четвертый стол предназначался одному из докторантов или аспирантов Соболева, за ним работали (в разное время) А.Х.Гудиев, М.Д.Рамазанов, В.И.Половинкин, В.Я.Иврий, Тамара Рожковская и другие.

В августе 1963 г. М.А.Лаврентьев, С.Л.Соболев и И.Н.Векуа организуют и проводят в НГУ Советско-Американский Симпозиум по математике и механике, на который приехали многие ведущие специалисты из США (28 человек) и СССР и много молодежи.

Это была знаковая конференция для всех ее участников, особенно молодых. На банкете американские коллеги отмечали, что в таком составе они не встречались даже в США, а некоторые из них лично познакомились только здесь, в Новосибирске. Помогая нашим специалистам в общении с американскими коллегами, я тоже познакомился с некоторыми из них.

Позднее Р.Курант и другие ученые из США снова приезжали к С.Л.Соболеву в Новосибирский Академгородок. Сергей Львович был очень рад тому, что ему удалось построить здание Института математики, где научные сотрудники имеют идеальные условия для работы, охотно показывал его гостям.

Расскажу, о том, как Сергей Львович познакомил меня с профессором Рихардом Курантом, автором монографии «Уравнения с частными производными», перевод которой появился у нас в 1964 г. Эта книга представляет собой вторую часть известного курса «Методы математической физики» Р.Куранта и Д.Гильберта, первая часть которого вышла еще в 1933 году.

Утром я пришел в Институт и начал работу. Вдруг в комнату входят радостный и возбужденный С.Л.Соболев, а за ним Р.Курант. Сергей Львович представляет меня профессору Куранту со словами: «Вот в каких условиях работают младшие научные сотрудники института». Р.Курант все осмотрел и ответил, что

о таких условиях в США можно только мечтать. Я достал монографию Р.Куранта и попросил его поставить автограф. Кажется, он сделал это с явным удовольствием.

Позднее Сергей Львович сказал мне, что он решил показать Р.Куранту комнаты, в которых работают сотрудники Института математики, они прошли почти весь коридор четвертого этажа, все комнаты были заперты, и он уже забеспокоился, но к счастью, я оказался на месте в это утро.

Как я познакомился с профессором Жаном Лионсом.

Однажды С.Л.Соболев сказал мне, что из Франции приехал профессор Ж.Лионс, и что он идет на его доклад в Дом ученых, где Г.И.Марчук проводит семинар. Я захотел тоже пойти на семинар, и Сергей Львович согласился взять меня с собой. В дверях конференц-зала в Доме ученых мы встретили профессора Ж.Лионса. С.Л.Соболев поздоровался с ним, Лионс вопросительно посмотрел на меня, я посмотрел на Сергея Львовича, но он почему-то не отреагировал, а прошел в зал. Затем пришел Гурий Иванович, директор Вычислительного Центра; представил меня Ж.Лионсу как одного из учеников С.Л.Соболева и попросил перевести Ж.Лионсу на французский язык один доклад. Лионс посмотрел на меня с удивлением и сказал: «А я подумал, что вы охранник Соболева».

Мне нравилась атмосфера на семинарах в кабинете Сергея Львовича. Он внимательно слушал докладчика, не останавливал, не

перебивал, давал возможность высказаться, все могли задавать вопросы. Однажды, чувствуя, что не успеваю рассказать все, что приготовил, я начал торопиться. Он остановил меня, сказав, что я хорошо рассказывал, пока не спешил, и попросил продолжить доклад в том же духе, пообещав мне еще время для выступления в следующий раз, если не удастся закончить его сегодня.

Перед закрытием семинара Сергей Львович обычно спрашивал присутствующих, кто будет выступать следующим, или сообщал, что к нему приезжает гость. К С.Л.Соболеву приезжали ученые из многих стран и из всех научных центров СССР, назвать их всех невозможно. Я упомяну лишь некоторых из них, чьи доклады запечатлелись в моей памяти. Это профессора Ж.Лерэ (Франция), П.Антосик (Польша), Р.Курант, П.Лакс, Р.Филлипс (США), В.И.Арнольд, В.И.Захаров, М.А.Красносельский, В.П.Маслов, Л.Д.Фаддеев.

В 1976 году С.В.Успенский начал выпускать Труды семинаров С.Л.Соболева. Желающие выступить заочно, могли присылать Сергею Львовичу свои работы. В составе редколлегии я помогал Станиславу Викторовичу редактировать эти журналы и опубликовал в них несколько работ.

На конференции, которые проводились сотрудниками отдела Сергея Львовича Соболева (совместно с Вычислительным Центром и другими Институтами СОАН), приезжали

практически все ведущие специалисты страны по математической физике, дифференциальным уравнениям, функциональному анализу и вычислительной математике.

Когда я приходил к Сергею Львовичу с общественными бумагами, он подписывал их сразу же, лишь пробежав глазами по строкам. Но когда я приносил ему свою научную статью (и просил рассмотреть ее и, если возможно, представить в Доклады АН), он обычно спрашивал меня: «Можно я сейчас прочитаю?» Внимательно читал ее, задавал вопросы и только затем подписывал.

Если же какой-либо вопрос из математики затрагивал его лично, он оживлялся, вставал из-за стола, подходил к доске и вел себя очень непринужденно. Его ум был как острая бритва.

С ним можно было спорить, но нужно было иметь основательную подготовку, иначе он тебя за минуту положит на лопатки, да и глупых вопросов он не любил.

Как-то я спросил его мнение об одной новой книге, он ответил: «Читайте классиков, не теряйте попусту время».

Однажды на семинаре после доклада Сергея Львовича Т.И.Зеленяк стал задавать ему вопросы. У них разгорелся такой спор, что я испугался. Настолько страстным он был, казалось, стены здания дрожат. Сергей Львович старался понять суть вопросов Тадия Ивановича и парировал их. Это был не крик, а азартное сражение двух «рапиристов», спор двух убежденных людей.

Как-то М.Д.Рамазанов и А.Б.Шабат пригласили С.Л.Соболева на реферативный семинар, который проходил рядом с его кабинетом. Там разбиралась работа иностранного автора, в которой оказались непонятные слушателям и докладчику места (или были неточности). Сергей Львович мгновенно предложил десятки возможных вариантов исправлений. Я был очень удивлен, как быстро он схватывает суть дела и как глубоко понимает. Хотя он не раз говорил нам:

«Я плохо понимаю со слов, мне нужно читать текст работы».

Позднее этот семинар переместился в университет. Его руководителями были Сергей Львович, Станислав Викторович Успенский и я. Мы детально разбирали новые работы и книги: «О задаче Коши» Ж.Лерэ, «Псевдодифференциальные операторы» К.Фридрихса, «Нелинейные задачи» Л.Ниренберга и работы других авторов, причем рассказывали их обычно студенты, аспиранты или молодые сотрудники института, а Сергей Львович внимательно слушал, иногда помогал докладчику. Такое общение с ним было весьма полезной школой для молодых людей и для меня. Отмечу, что Сергей Львович, будучи очень занятым человеком, порой пропускал один-два семинара, но ему было достаточно сказать несколько ключевых фраз, чтобы он активно включился в его работу.

Сергей Львович блестяще говорил по-французски. Когда приезжал Жан Лерэ, я это еще не почувствовал так остро, но однажды к нему приехал какой-то молодой француз и стал рассказывать что-то интересное. С.Л.Соболев оживился, и они заговорили в таком темпе, что от удивления я раскрыл глаза, едва успевая схватить хотя бы суть происходящего. Я оказался свидетелем соревнования двух классных стрелков в перестрелке длинными искрометными очередями французских фраз.

Сергей Львович работал и жил в очень напряженном режиме. Я это понял впервые, когда перед отъездом в Москву и за границу он дал мне рукопись своей научной статьи на французском языке для корректуры и печати. Рукопись С.Л.Соболева была написана по-французски очень хорошо, почти без помарок и исправлений, но концы слов он, как правило, писал не разборчиво. Чтобы их восстановить, в некоторых местах необходимо было понимать суть написанного, что тоже порой для меня было загадкой. В отсутствие Сергея Львовича получился ребус. Да еще я подхватил грипп. В общем, я справился с этой работой лишь к концу недели, к приезду С.Л.Соболева. В начале он очень возмутился: «Как! Эта статья уже давно должна быть в редакции, разве я вам этого не сказал?» Но когда узнал, что я болел, смягчился, посмотрел исправления, удивился, что их так много, с некоторыми согласился, и в конце сказал: «По-моему, французский текст получился очень

приличным». Я был рад, что удалось справиться с такой ответственной работой, и помочь ему.

С вечеров и банкетов С.Л.Соболев обычно уходил одним из первых, он говорил: «Я жаворонок, утром математика даётся мне легче».

Было известно, что он рано вставал и утром работал дома, в Институт приходил после обеда, как правило, в одно и тоже время. Он быстро подписывал горы бумаг и решал административные вопросы.

В Новосибирском университете Сергей Львович возглавлял кафедру «Дифференциальных уравнений» и в первые годы сам читал курс «Уравнений математической физики».

Он говорил: «Математика – удел молодых людей, основные научные открытия совершаются в молодом возрасте, затем они лишь дорабатываются и развиваются».

Я ездил с ним в Душанбе, где мы проводили олимпиаду среди школьников, по результатам которой лучшие из них могли поступить учиться в Физико-математическую школу при НГУ и затем в НГУ. Когда в Душанбе увидели Сергея Львовича, его пригласили выступить по телевидению с рассказом о математике. Он говорил, что математики готовят «инструменты», которые затем используются в физике и в других областях человеческой деятельности. Еще мы посетили киностудию.

В Академгородке в первые годы научная жизнь кипела, часто проводились различные конференции для молодых ученых, на которых

выступали ведущие ученые СОАН и Сергей Львович, в их числе, и мы, молодые сотрудники, старались не пропустить его докладов, на которых он говорил интересно и так зажигательно.

Кстати, на Всемирном математическом конгрессе в Ницце (Франция, 1970 г.) Сергей Львович выступал с докладом «О проблемах школьного образования в СССР».

Он говорил еще: «Способнее тот, кто быстрее делает работу».

Молодежь он поддерживал и выдвигал. Примеров множество. Не вправе говорить о других, я расскажу о себе.

В 1965 году я написал свою первую научную работу, в которой, исследуя разрешимость задачи Дирихле для системы А.В.Бицадзе, обнаружил, что некоторые младшие производные этой эллиптической системы дифференциальных уравнений существенно изменяют характер разрешимости задачи (в сторону улучшения).

Андрею Васильевичу эта работа понравилась, и он сказал об этом С.Л.Соболеву. Сергей Львович пригласил меня на свой семинар в НГУ, выслушал ее и рекомендовал мне написать заметку в Доклады АН.

Обстановка на семинаре была теплой, домашней, без излишней нервозности, которая порой бывала на семинарах А.В.Бицадзе. В перерыве С.Л.Соболев достал свой пухлый многоцелевой перочинный нож и, продолжая

разговаривать с кем-то, ножницами подстриг свои ногти.

Он взял меня на первое Советско-Чехословацкое совещание, которое проходило в Математическом институте имени В.А.Стеклова в Москве в декабре 1965 года, и позднее рекомендовал мой доклад на Всемирный Конгресс математиков в Москве (МГУ, 1966).

Когда выяснилось в 1966 году, что моя первая статья, посланная в редакцию ДАН, где-то затерялась и, ужасно расстроенный, я пришел к нему в кабинет, он сказал: «Ничего страшного, давайте копию, я ее снова подпишу».

Сергей Львович любил общаться с молодежью. На дне рождения у своего ученика Славы Портного он азартно играл с нами в шахматные поддавки и всех обыгрывал, было очень весело.

Однажды на каком-то банкете, я сказал С.Л.Соболеву, что читаю главу из его книги «Некоторые применения функционального анализа в математической физике». Он тут же оживился и устроил мне настоящий экзамен, допытываясь, что же из прочитанного я понял. В этой главе Сергей Львович определяет пространства функций, обобщенные производные которых интегрируемы (с некоторой степенью), именуемые ныне пространствами Соболева, изучает их связь с известными ранее пространствами и между собой (теоремы вложения) и другие их свойства. По-видимому, он

остался доволен моими ответами, а я получил наглядный урок.

Сергей Львович сказал мне, что эту книгу писал в больнице и очень быстро. «Прочитайте последнюю главу», – посоветовал он мне на прощание, – «Это очень важно». Позднее, читая эту трудную главу, посвященную теории гиперболических уравнений, я обнаружил в ней несколько больше опечаток, чем в предыдущих главах. Их несложно было исправить, но зато я узнал о работе Сергея Львовича Соболева «Новый метод решения задачи Коши для линейных нормально гиперболических уравнений», опубликованной им в «Математическом сборнике» в 1936 году на французском языке. В ней изложены основы теории обобщенных функций и оригинальный метод решения задачи Коши. Читая ее, я вспомнил, что все это я изучал в МГУ еще в 1957 году в курсе Г.Е.Шилова под кодовым названием «Анализ - III» и сдавал экзамен. Но тогда я наивно полагал, что это результаты Л.Шварца, книга которого «Теория распределений» недавно появилась, изучалась и широко рекламировалась. Она не была переведена, и я помогал своим товарищам переводить некоторые из ее глав. Теперь, прочитав статью Сергея Львовича, я подумал: а ведь Л.Шварцу не нужно было даже переводить статью, благо, она написана на его родном языке. Оказалось достаточным ввести пространство бесконечно дифференцируемых функций в качестве пробных функций со сходимостью,

подсказанной Соболевым, у которого пробные функции имеют конечную гладкость. Но ведь «шапочка», важнейший элемент аппроксимации обобщенных функций у Сергея Львовича, уже имеет нужную бесконечную гладкость. Так что это пространство Шварца в работе Соболева подразумевается как возможное, но явно не вводится.

Конечно, Л.Шварц внес большой вклад в эту теорию, изучив преобразование Фурье обобщенных функций, и этот вклад Сергей Львович отмечал в своих дальнейших работах.

В 1971 году, после отъезда А.В.Бицадзе в Москву, С.Л.Соболев перевел меня в свой отдел на должность старшего научного сотрудника и предложил мне работать его помощником по иностранным делам.

Вторую книгу Сергея Львовича «Введение в теорию кубатурных формул» редактировали все сотрудники отдела и я в том числе. Он не любил исправлений по форме, по пустякам, только по содержанию, Многократно перепечатывал ее и очень быстро вставлял огромные массивы формул, будто знал их наизусть. Когда книга вышла, все сотрудники получили ее с благодарственной надписью С.Л.Соболева. Эту книгу я храню как реликвию.

Сразу же после выхода этой книги из печати, я поехал в командировку в ГДР. В университетах Дрездена, Лейпцига, Галле и Берлина я рассказывал о своей работе и о новой книге С.Л.Соболева. Когда, пару лет спустя,

С.Л.Соболев сам поехал в ГДР, он был приятно удивлен, что немецкие коллеги уже знают о его книге от меня. Он сказал мне об этом в самолете, при возвращении из Москвы в Новосибирск, где мы встретились случайно.

Сергей Львович и его ученик Г.Н.Салихов проводили семинар по теории кубатурных формул под Ташкентом на даче писателей. Заседания проходили на пленэре под чинарой, под настилом протекал арык. Стояла теплая осенняя погода. Несмотря на такой романтический антураж, семинар проходил очень напряженно. Состоялся серьезный разговор о теории и практике кубатурных формул. Там я впервые понял глубину этой проблемы, в которой алгебра, геометрия и функциональный анализ тесно смыкаются с численным анализом. В этом мне очень помог Вячеслав Иванович Лебедев, ученик С.Л.Соболева, работающий в Институте имени Курчатова в Москве, где до переезда в Новосибирск Сергей Львович работал заместителем директора и был также председателем Ученого совета.

В Доме писателей был биллиардный стол и Сергей Львович с удовольствием играл в биллиард, очень прилично, обыгрывал нас. Однажды мы со Славой Портновым заигрались и не пошли на очередное заседание семинара. С.Л.Соболев заметил наше отсутствие и спросил меня, где мы были. Я сказал ему правду и извинился. Он посмотрел на меня с укоризной, но

ничего не сказал. Мне было очень неудобно за наше мальчишество.

В это же время, в перерывах семинара и по вечерам, он писал доклад о перспективах развития математики в институте.

Позднее, слушая его доклад, на заседании Ученого совета Института математики, на который были приглашены все научные сотрудники, я осознал, что Сергей Львович глубоко понимает все направления, развиваемые в его институте, и услышал от ведущих ученых института о его умении выделять узловые проблемы.

Мне было приятно, что Сергей Львович в своём докладе упомянул направление, которое я развивал, как перспективное.

Ведь Сергей Львович внес фундаментальный вклад в развитие теории эллиптических и гиперболических операторов. Он ввел и исследовал понятие обобщенной производной и пространства функций, обобщенные производные которых интегрируемы (с некоторой степенью). Он доказал также, что краевые задачи для эллиптических уравнений естественнее всего изучать в шкале таких пространств. Они вошли в обиход математиков как пространства Соболева и стали основным инструментом при изучении особенностей решений дифференциальных и интегральных уравнений.

Сергей Львович знал все работы по краевым задачам для гиперболических и эллиптических

уравнений, стимулировал мои работы по слабо эллиптическим краевым задачам и обобщению понятия эллиптичности систем псевдо-дифференциальных уравнений. Он представлял мои статьи в Доклады Академии Наук СССР и в другие журналы, беспрепятственно командировал меня на важные конференции в СССР и за рубежом.

В этой области были открыты (интернациональными усилиями) модифицированные пространства соболевского типа, которые в шкале соболевских пространств векторнозначных функций лежат в промежутках между двумя обычными пространствами Соболева; понятие эллиптичности было перенесено с класса дифференциальных на классы сингулярных интегральных и псевдо-дифференциальных операторов, и исследована разрешимость обобщенно эллиптических операторов в модифицированных пространствах Соболева.

Сергей Львович не только был в курсе новых теорий, но и детально изучал некоторые из них вместе с молодыми сотрудниками Сибирского Отделения Академии Наук на реферативном семинаре.

Например, теорию псевдо-дифференциальных операторов мы изучали практически с момента ее появления в США в середине 60-х годов в работах Кона и Ниренберга. В ней были определены, в частности, микро-локальные аналоги пространств Соболева, а также

новые характеристики обобщенных функций, такие как волновой фронт и сингулярный носитель. Таким образом, эта теория представляет собой глубокое продвижение в теории обобщенных функций, фундамент которой заложен в работах С.Л.Соболева.

Работая в отделе А.В.Бицадзе, я применял в своих исследованиях комплексно аналитические методы И.Н.Векуа и Н.И.Мусхелишвили. В отделе С.Л.Соболева я перешел к изучению многомерных краевых задач и начал осваивать другие методы, такие как преобразование Фурье обобщённых функций и микролокальный анализ, которые С.Л.Соболев интенсивно развивал и применял.

Я был свидетелем, как Сергей Львович, указывая на одну теорему в новой книге Л.Хермандера, раскрытой у него на столе, сказал своему ученику: «Все-таки мое доказательство гораздо проще».

На семинаре Сергея Львовича желали выступить многие математики, и я не слышал, чтобы он кому-то отказал. Сергей Львович внимательно слушал докладчика и живо реагировал на возникающую порой дискуссию, когда другие участники семинара задавали вопросы.

Однажды очередной докладчик на семинар не приехал и, воспользовавшись представившейся возможностью, я решился рассказать работу, которую я только что сделал, но ее чистовой текст ещё не отшлифовал. После семинара, чувствуя, что мой рассказ получился немного сумбурным, я

спросил С.Л.Соболева, понял ли он идею и метод, о которых я говорил? Он ответил, что все понял, но по обилию мусорных слов почувствовал, что с докладчиком что-то не ладно. В заключение он добавил: «Слушателям понятно, когда докладчик прекрасно знает материал, о котором говорит, и излагает его спокойно, тщательно взвешивая каждое слово. Раньше у вас это получалось».

Я получил полезный урок и в дальнейшем такого себе не позволял, основательно готовил доклады.

Сергей Львович не разделял математику на приоритетную и неприоритетную, он считал, что все ее направления заслуживают внимания. Как-то он сказал, что много беседовал об этом с Анатолием Ивановичем Мальцевым, который всегда весьма интересовался работами молодых сотрудников, и что первая глава его последней книги, где изложен оригинальный метод решения систем линейных алгебраических уравнений, носит отпечаток этих бесед.

Насколько мне известно, в Новосибирске своим аспирантам Сергей Львович, как правило, не давал конкретной темы для исследования, он предлагал им читать его работы и самим выбирать темы. С ним работали самостоятельные личности, которые исследовали новые объекты, применяя методы, разработанные Сергеем Львовичем и другими, или находили новые пути исследования трудных задач. Я был оппонентом некоторых из них на их защитах кандидатских диссертаций.

Когда С.Л.Соболев стал читать спецкурс по обобщенным функциям, я слушал его вместе со студентами и аспирантами, которых было не очень много, человек десять. Сергей Львович тщательно готовился к лекциям, он приходил в НГУ пораньше и, сидя в комнате преподавателей, перечитывал свои записи заново.

Как-то перед лекцией я оказался с ним рядом, и Сергей Львович сказал мне, что после 60-ти лет ему стало трудно читать лекции.

Однако, на лекции С.Л.Соболев снова становился молодым: говорил азартно, зажигательно, очень хорошим русским языком, объяснял просто и понятно. Глядя на него, мы были как зачарованные, и нам казалось, что все ясно. Но, вернувшись домой и освободившись от чар, однажды, я почувствовал, что далеко не все понял в его доказательстве. Когда я сказал ему об этом, Сергей Львович заулыбался и ответил, что умение убеждать, гипнотизируя слушателей, есть искусство, которым обладают опытные лекторы. На следующей лекции он разъяснил все непонятные нам места.

Формулы на доске С.Л.Соболев писал очень четко и даже изящно. В памяти остался: красивый иероглиф на всю доску, состоящий из длинной цепочки пространств Соболева, связанных вложениями, их преобразований Фурье, а также график боронообразной функции.

Возвращаясь из НГУ пешком в Институт, Сергей Львович спросил меня: «Почему вы не ходите на Ученый совет Института?» Я ответил,

что официально я не являюсь членом Ученого совета Института математики. «Но вы можете ходить на него как ученый секретарь» - сказал он. Но я не ходил на заседания Ученого совета Института без приглашений.

Дело в том, что статус ученого секретаря по иностранным делам был весьма оригинальным. Вышло распоряжение Президиума АН СССР об организации такой должности во всех институтах, но не было издано положения об этой должности, где обычно указываются права и обязанности человека, занимающего этот пост и источник финансирования. По крайней мере, я и мои коллеги по должности в других институтах Сибирского Отделения Академии Наук не видели такового. В каждом институте этот вопрос решался по-своему. Я работал «на общественных началах». Порой, Сергей Львович отмечал меня к праздникам Почетной грамотой или премией, а в 1975 году меня наградили медалью «За трудовую доблесть».

Помню, как впервые меня вызвали на Ученый совет с отчетом о внешних связях института за последние три года. Я выписал на доске списки сотрудников, выезжающих за границу и списки иностранных ученых, приезжавших в Институт. Получилась довольно внушительная картина. Каждому из них мы оказывали различную помощь. После Совета заместитель директора ИМ В.Л.Макаров сказал мне, что я удачно построил свой доклад, выписав эти списки. Члены Совета воочию убедились,

какая большая работа ложится на плечи той небольшой группы, которую я возглавлял. Она состояла из двух переводчиц (с английского и с французского языка) и меня.

В трудных ситуациях Сергей Львович защищал нас и помогал. Как-то, переводя статью с английского языка, Ольга Николаевна (наш переводчик) никак не могла найти адекватного русского слова, я тоже не смог найти его, и мы пошли к С.Л.Соболеву за советом. Он тут же разобрался в смысле написанного текста и нашел нужное слово.

Когда благодаря поддержке В.Л.Макарова удалось открыть в институте лингафонный кабинет, где сотрудники ИМ могли изучать иностранные языки с преподавателем и самостоятельно, я пригласил Сергея Львовича посетить эту комнату. Он пришел, одобрил и сказал в диктофон несколько французских фраз нам на память.

В поездках за границу Сергей Львович не отказывал никому из сотрудников ИМ. Мы помогали всем в оформлении документов, которые отправлялись в Президиум Академии Наук, где принималось окончательное решение.

В юбилейный для США 1976 год к Сергею Львовичу приехал известный американский математик Роберт Филлипс. Он выступил с интересным докладом и оказался весьма общительным человеком. Он выразил желание совершить прогулку по Обскому морю, полюбоваться красотами Сибири и разливом Оби.

Удалось найти катер, и мы (всем отделом) совершили экскурсию по Оби. После экскурсии был ужин на берегу моря. Слава Портнов организовал шашлык. Было очень хорошо. Некоторые купались, а Сергей Львович загорал, но не купался. Уезжая, Роберт Филлипс подарил каждому из нас юбилейную, в честь двухсотлетия США, монету: полдоллара.

Однажды В.Р.Портнов вызвался сварить плов и принести его домой к Сергею Львовичу, у которого были гости. Когда он обнаружил, что не сможет это сделать, он почему-то позвал меня на помощь. Кажется, у нас была кулинарная книга, но я тоже только видел, как варят плов. Поэтому мы переварили рис, и не решились нести Соболевым это варево. Когда Сергей Львович узнал об этом, он очень удивился, но все же настаивал, чтобы мы принесли то, что получилось. Но мы извинились и пообещали, что в следующий раз сварим настоящий плов. На следующей неделе мы позвали коллегу из Узбекистана, он сварил отменный плов, и мы понесли его С.Л.Соболеву, у которого в гостях были А.Д.Александров и Ю.И.Гильдерман. Плов всем понравился. Во время ужина Юрий Ильич неудачно подшутил над Александром Даниловичем и тот обиделся. А Сергей Львович все повторял: «Шура, не обижайся, он же пошутил!» Но А.Д.Александров шутки не понял и ушел раньше нас. Я не слышал, чтобы кто-нибудь еще называл Александра Даниловича так тепло: «Шура».

Очень представительную конференцию провел в 1973 году в Улан-Удэ Царэн Базарович Шойнжуров, ученик С.Л.Соболева. Запомнился пленарный доклад Сергея Львовича в Актовом зале Технологического института, который проходил при большом стечении народа. Повидимому, учитывая это, Сергей Львович рассказывал введение в теорию кубатурных более доступно и популярно. Он говорил также о связи дискретной математики с непрерывной (как он выразился, реальной с идеальной математикой), «которая являясь служанкой первой, в то же время является ее госпожой, потому что вряд ли возможно решение сколько-нибудь сложной системы линейных алгебраических уравнений до тех пор, пока не найдется адекватной непрерывной модели».

Остальная часть конференции проходила на берегу озера Байкал, на спортивной базе Института в живописном месте у поселка Баргузин. Там было все: работа и отдых, баня и купание в холодном озере, прогулки на катере и рыбная ловля (во время которой, путаясь с сетью, мы поймали на удивление много щук и ничего более), волейбол, а вечером ужины – банкеты, беседы и танцы.

Мой коллега из Таджикистана был приглашен на эту конференцию. Он привез с собой статью в Доклады АН, но стеснялся подойти к С.Л.Соболеву. Зная содержание этой интересной работы, и не имея возможности в этот день ему помочь, я посоветовал ему самому смело

подойти к Сергею Львовичу, в перерыве заседаний, и показать статью. Сергей Львович заметку сразу же прочитал и представил ее в Доклады Академии Наук СССР.

В 1969 году С.Л.Соболев был избран во Французскую Академию Наук и на семинаре сообщил, что теперь он может представлять работы также в Доклады Французской АН (Compte Rendus). М.Д.Рамазанов воспользовался этим предложением и принес С.Л.Соболеву свою статью, которую сам переводил на французский язык. Сергею Львовичу работа понравилась, но ее перевод он забраковал. Тогда Марат Давидович обратился ко мне за помощью и, после тщательной совместной доработки, статья была представлена и опубликована.

В 1964 году Сергей Львович организовал Советско-Чехословацкое сотрудничество по дифференциальным уравнениям и вычислительной математике. Первое совещание проходило в 1965г. в Москве в Математическом Институте имени В.А.Стеклова. Я помню энтузиазм, которым были полны наши чешские и словацкие коллеги, приехавшие на конференцию. Да и у сотрудников ИМ появилась реальная возможность посетить Злату Прагу, Братиславу и увидеть, как живут и работают наши европейские коллеги и друзья. Сергей Львович сказал кратко, но емко: «Дружба умножает силы».

В дальнейшем совещания проводились поочерёдно через каждые 2-3 года в СССР и ЧССР: в Тупадлах (около Праги, 1968 г.) и в

Новосибирске (1971 г.), в Праге (1973 г.) и в Алма-Ате (1975 г.), в Смоленице (1979 г.) и в Ереване (1981 г.), в Донецке (на Азовском море, 1986 г.) и в Старой Туре (ЧССР, 1988 г.).

Сергей Львович участвовал во всех этих конференциях, кроме последних двух, на которые не мог приехать из-за болезни.

На конференции в СССР с каждым разом приезжало все больше и больше специалистов с обеих сторон.

В моей памяти запечатлелись две очень представительные конференции.

Первую проводил Таджибай Идрисович Аманов, ученик Сергея Львовича. В Алма-Ате было тепло и красиво. Заседания проходили в Президиуме Академии Наук. Для желающих была организована экскурсия на стадион Медео. Некоторые из участников катались на коньках, мы с А.Куфнером организовали соревнование в беге на 100 метров. Победила дружба и Алоис Куфнер.

Вторая конференция была в Цахкадзоре в очень красивом месте вблизи горно-лыжной базы. Ее организация легла на плечи Рафаила Арамовича Александряна – другого ученика С.Л.Соболева. На этой конференции было много участников с обеих сторон и много интересных докладов. Хозяева организовали нам интересную экскурсию к древним памятникам Армении. По вечерам мы собирались и пели песни. Я был удивлен: как наши друзья любят, знают и как трогательно поют русские народные песни и романсы.

Вспомнив слова Сергея Львовича: «Дружба умножает силы», я подумал: «А ведь эта Дружба изменила и мое мировоззрение, и мое мироощущение».

В 1978 году Сергей Львович организовал также Советско-Венгерское сотрудничество по дифференциальным уравнениям и вычислительной математике. Я помню два совещания.

Первое совещание проходило в Будапеште в Математическом институте Венгерской Академии Наук в 1979 году.

На нем было довольно много венгерских специалистов, а с нашей стороны только четверо: Сергей Львович, Юрий Григорьевич Решетняк, Станислав Викторович Успенский и я.

В Будапеште выяснилось, что нам заказали в гостинице два двухместных номера, один для С.Л.Соболева и меня, а другой для Ю.Г.Решетняка и С.В.Успенского. Когда мы с С.Л.Соболевым поднялись на этаж, то увидели уютный, но небольшой номер. Сергей Львович ничего не сказал и начал распаковывать вещи. Я понял, что для С.Л.Соболева он подойдет, но в компании со мной он не будет иметь полноценного отдыха. Спустившись вниз и собрав все свои знания в немецком (ибо по-английски и по-французски они не понимали), я попросил оставить этот номер за С.Л.Соболевым, а нам дать трехместный. Администратор согласился и выделил нам большую светлую комнату. Отмечу, что Сергей Львович об этом меня не просил и даже не

намекал, но остался явно доволен этим решением. Он часто приходил в нашу комнату, чтобы перекусить или поговорить с нами.

Доклады на семинарах были на английском и французском языках, Сергей Львович выступал по-французски. Он выслушал всех докладчиков, задавал вопросы. Конференция была напряженной, она длилась неделю с утра до вечера с небольшими перерывами на обед и потребовала от С.Л.Соболева большой выдержки и терпения.

Однако, я не чувствовал, что Сергей Львович сильно устает. Он был бодрым, во время прогулок охотно разговаривал со мной, рассказывал забавные истории из своей жизни, я его не видел таким раньше. Однажды он сказал мне серьезно:

«Я сейчас размышляю над действительными числами».

Я решил, что его размышления связаны с теорией нестандартного анализа, которая тогда только что появилась и активно обсуждалась на разных семинарах в Институте математики, и с новым понятием бесконечно малой величины. В связи с отказом от аксиомы Архимеда в нестандартном анализе бесконечно малая величина является конечным числом и структура множества действительных чисел совсем иная. Говорилось также, что понятия бесконечно малой величины у Ньютона и Лейбница, основателей современного математического анализа, различны и что рассуждения Л.Эйлера при доказательстве

теорем в его курсе математического анализа более типичны для нестандартного анализа. Этот пересмотр основ математического анализа аналогичен пересмотру основ геометрии Эвклида при появлении геометрии Лобачевского.

Вот я и подумал тогда, что Сергей Львович размышляет об основах анализа действительных чисел, и не решился расспросить его подробнее об этом, о чем теперь сожалею.

Еще мы были в театре Оперы и балета, где шла опера кого-то из классиков, которую Сергей Львович слушал с большим удовольствием. Я сейчас не помню кого именно, но мне показалось, что эту музыку он хорошо знает и любит, а я порой «клевал носом». И ранее, я неоднократно убеждался, как хорошо С.Л.Соболев знает оперную и классическую музыку. Позже я узнал, что в детстве он учился в музыкальной школе, неплохо играл на фортепьяно. Возможно, он мог бы стать неплохим пианистом, но к счастью для нас он выбрал математику. В 15 лет в Петербурге он поступал в университет, но его не приняли по возрасту. Однажды, в присутствии Л.В.Канторовича, Сергей Львович сказал нам: «Мы с Леонидом Витальевичем поступали в университет в один год, но меня не взяли по возрасту, и я целый год провел впустую, играя на фортепьяно и в шахматы».

А я подумал: «Значит, его судьбе было угодно не торопить события и дать возможность молодому человеку развиться всесторонне».

В Будапеште мы все вместе сходили также в кинотеатр на фильм известного венгерского режиссера, посетили дом-музей одной известной художницы на берегу Дуная, а С.Л.Соболев посетил еще национальную картинную галерею.

На приеме в Президиуме Венгерской Академии Наук, проходившем в очень красивом старинном здании, состоялся заинтересованный разговор о перспективах научного сотрудничества.

Один раз ездил я за границу вместе с Сергеем Львовичем, но тепло этих встреч и бесед не забыть.

Второе совещание проходило в Новосибирске в Институт математики в 1982 году. Приехало много математиков из Венгрии и из разных городов СССР. Получилась хорошая школа общения и основа для сотрудничества. Гости отказались от сопровождающих, и мы им раздали карты-схемы Академгородка. Было забавно видеть их в различных местах маленького города с картой в руках.

В 1975 году книгу Сергея Львовича представили в Комитет по Ленинским премиям и С.В.Успенский попросил меня позвонить профессору Ж.Лере в Париж. Я набрал номер его домашнего телефона и, услышав на удивление близко голос Лере, представился и сказал, что книгу С.Л.Соболева «Введение в теорию кубатурных формул» представили к Ленинской премии. Он сразу все понял и сказал, что эту книгу он хорошо знает, считает ее достойной

такой премии, и что он напишет в Комитет письмо-представление с поддержкой этой работы С.Л.Соболева иностранным членом Академии Наук СССР, каким он является.

Однако, премию Сергею Львовичу не присудили, мотивируя это решение тем, что в книге нет приложений. Когда при мне заговорили с С.Л.Соболевым об этом, он спокойно и достойно ответил, что эта книга теоретическая, она представляет собой синтез функционального анализа и вычислительной математики.

Мы, конечно, переживали за Сергея Львовича, понимая, что эта книга является фундаментальным исследованием, в 19 главах которой собран многолетний труд С.Л.Соболева и его учеников в алгебре, геометрии, теории аналитических функций, функциональном анализе и вычислительной математики, создавший основу нового направления математики, в которой Сергей Львович также является первооткрывателем. Что касается приложений, специалисты мне объяснили, что время для повседневных применений формул Соболева придет, когда возникнет потребность в вычислении большого количества интегралов с высокой степенью точности и когда появится новое поколение мощной и быстродействующей вычислительной техники, позволяющей вычислять многомерные интегралы достаточно быстро.

Ученики и сподвижники Сергея Львовича в Москве, в Санкт-Петербурге, в Новосибирске, в Красноярске и в Уфе продолжают развивать эту

науку. Они регулярно проводят конференции по кубатурным формулам, и утверждают, что потребность в формулах Соболева растет и их область применений расширяется.

Перед последним отъездом из Новосибирска в Москву С.Л.Соболев подписал мне научную характеристику, которая мне пригодилась в дальнейшем при переезде в Уфу.

Моя последняя встреча с Сергеем Львовичем состоялась у него дома в 1984 году. В работе «Об одной новой задаче математической физики» 1954 года С.Л.Соболев, исследуя вращение тел, заполненных жидкостью, вывел и изучал систему дифференциальных уравнений нового, неклассического типа, названную позднее системой Соболева. Для нее С.Л.Соболев доказал разрешимость основных начально-краевых задач. Я решил рассмотреть краевые задачи для системы уравнений Соболева в случае установившихся процессов, когда данные задачи и ее решение зависят от времени определенным образом. Оказалось, что полученная система с параметром эллиптична при почти всех значений параметра, и что к ней можно применить теорию, которую я развивал. Я написал работу и, будучи в Москве, позвонил Сергею Львовичу и сообщил ему об этом. Мне хотелось знать его мнение об этой работе. Сергей Львович пригласил меня к себе домой. Он выглядел хорошо, только передвигался медленно. Он читал мою работу не спеша, заинтересованно, и спросил, кому еще я ее показывал. Я ответил, что Вере Николаевне

Масленниковой (его ученице) и некоторым другим участникам семинара имени И.Г.Петровского, на который я приехал.

Затем он достал авторучку и на первой странице моей статьи оставил столь знакомый и памятый автограф: «Представляю в ДАН. Академик С.Л.Соболев. 18 января 1984 года».

Ариадна Дмитриевна пригласила меня отобедать с ними.

Перед отъездом из Новосибирска в Уфу в марте 1987 года я позвонил Сергею Львовичу домой и спросил: «Как вы себя чувствуете?» Он ответил просто: «Как все старики».

Я сообщил ему, что уезжаю работать в Уфу. Он сказал: «Поезжайте, там вам будет хорошо». И как в воду глядел.

Я и не предполагал, что это будет мой последний разговор с Сергеем Львовичем Соболевым.

В январе 1989 года мы узнали печальную весть. Я поехал в Москву для выступления на семинаре имени И.Г.Петровского в Московском университете и встретил там В.Я.Иврия, ученика С.Л.Соболева, работавшего тогда в Магнитогорске. Мы с ним решили посетить Новодевичье кладбище, где был похоронен Сергей Львович Соболев, и проститься с ним. На его могиле было очень много цветов. После этого я позвонил Ариадне Дмитриевне, чтобы выразить ей соболезнование. Она была больна, но согласилась меня принять и рассказала мне

печальную историю о последних днях жизни Сергея Львовича.

С 1987 года я работал в Башкирском государственном университете, на математическом факультете. Мне доверили читать курс «Уравнений математической физики». Я выбрал учебник В.С.Владимирова «Уравнения математической физики» и задачник к нему, изданный группой математиков под редакцией В.С.Владимирова. Основная особенность этого курса – широкое использование концепции обобщенного решения краевых задач классической математической физики. В книге содержится специальная глава, посвященная теории обобщённых функций. Следуя ей, я читал специальный курс «Обобщённые функции», в дополнение к курсу «Уравнения математической физики» в течение многих лет и проводил практику среди студентов. На этом опыте я убедился, что при восприятии понятий обобщённой функции и обобщённой производной студенту приходится преодолевать ощутимый психологический барьер. В начале курса непонятно, зачем нужен такой крутой переход от привычных функций к функционалам над некоторым основным пространством, и какая связь между ними. И только в конце курса эти вопросы разъясняются, и все становится на свои места. Становятся понятными преимущества этой теории, ее изящество и простота.

В 1998 году Сергею Львовичу Соболеву исполнилось 90 лет. В день его рождения, 9

октября, я оказался в Москве и позвонил Ариадне Дмитриевне, хотелось поздравить их всех с юбилеем С.Л.Соболева. Она сказала, что сегодня они собираются в тесном кругу, и я могу подъехать к ним. Там были члены большой семьи Сергея Львовича и Вера Николаевна Масленникова, его ученица. Вспоминали различные моменты жизни Сергея Львовича.

Его сын Сергей Сергеевич стал так похож на С.Л.Соболева и в фигуре и в движениях, что мне иногда казалось, что я сижу рядом с Сергеем Львовичем, и даже возникал невольный порыв обратиться к нему: «Сергей Львович!», но тут я снова возвращался к действительности и видел, что это его сын Сергей Сергеевич, с которым я встречался на юбилеях Сергея Львовича, и первый раз, в 1968 году в Новосибирске.

Этот юбилей был очень памятным. Поздравить Сергея Львовича в Дом Учёных пришло много людей. Сергей Львович в парадном костюме с сыновьями Сергеем Сергеевичем и Олегом Сергеевичем по сторонам торжественно стояли в зимнем саду на видном месте и приветствовали всех входящих. Запомнилось, что юбилейный ужин проходил не в столовой Дома Ученых, а в большом спортивном зале, рядом с ней, и полностью был заполнен народом.

Не менее представительными были юбилейные международные конференции в 1978 и в 1983 годах. У меня сохранились коллективные фотографии участников этих конференций.

Популярность работ и личности Сергея Львовича росла.

В 1988 году вышло в свет 3-е издание книги Сергея Львовича «Некоторые применения функционального анализа в математической физики» с предисловием автора. Редакторы – Ольга Арсеньевна Олейник и Виктор Иванович Буренков. В нем в качестве дополнения к главе 3 помещена статья Сергея Львовича «Новый метод решения задачи Коши для линейных нормально гиперболических уравнений» 1936 года. Ее перевод с французского языка выполнил Виктор Павлович Паламодов, профессор Московского университета. В примечаниях к этой работе В.П.Паламодов пишет об истории создания теории обобщенных функций и приводит краткий обзор прогресса в этой теории. Приведу цитату из заключительной части его примечаний: «Мощный импульс, приданный теорией обобщенных функций анализу, привел к появлению новых направлений, содержащих конкретные достижения и методы, использующие необычные сочетания аналитических, топологических и алгебраических идей. Сама теория обобщенных функций, растворяясь этих направлениях, становилась в большей степени языком, универсальным для всего анализа. Этот язык столь же необходим, как и язык банаховых пространств. Роль теории обобщенных функций как универсального языка и места соединения разнообразных идей имеет мало параллелей в математике. В алгебраической топологии

подобную роль, пожалуй, играет, уступая ей в масштабах, гомологическая алгебра – как единый язык и совокупность общих приемов. В алгебраической геометрии подобное место занимает теория схем Гротендика. Хотя теория обобщенных функций уже имеет более чем полувековую историю, возможности ее развития и влияния на анализ, как я полагаю, еще не исчерпаны».

В заключение приведу стихотворение А.С.Пушкина полностью.

«Вакхическая песня»

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Уфа, 25 июня 2003 года.

РАМАЗАНОВ М.Д.*
МОЁ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СИБИРСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ С.Л. СОБОЛЕВА

Разбирая архив Сергея Львовича, я обнаружил один поразивший меня документ – конверт от письма, полученного им в Новосибирске 18.10.1962 (по почтовому штепселю). На оборотной стороне конверта рукой Сергея Львовича записано стихотворение А. Ахматовой. (На взятие Парижа, 1940 г.):

«Когда погребают эпоху
Надгробный псалом не звучит
Крапиве и чертополоху
Украсить её предстоит
И только могильщики лихо
Работают – время не ждёт
И тихо – так, господи, тихо
Что слышно как время идёт
А после она выплывает

* Рамазанов Марат Давидович, профессор, работал в отделе С.Л.Соболева в 1965-1970 гг.

Как труп на весенней реке
И матери сын не узнает
И внук отвернётся втуне
И клонятся головы ниже,
Как маятник ходит луна.
Так вот над погибшем Парижем
Такая стоит тишина».

Я представляю Академгородок в 1962 года. Не так много учеников приехало в Сибирь с Сергеем Львовичем. Ему уже за пятьдесят, а надо начинать новую задачу – новую жизнь. Как ему привычно, бросается он на проблему в одиночку, берёт на себя всю ответственность за неизвестность будущего исследования. Это потом, когда он как корабль пойдёт, раздвигая волны, будут в них колыхаться ученики и последователи. Можно вспомнить, что у него так было всегда. Я думаю, Сергей Львович жил в математике один, далеко впереди увлеченной им школы последователей. А в 1962 году на научное одиночество наложилось, видимо, одиночество в Сибири. Меня и сейчас щемит эта запись 1962 года. А он, наверное, уже привык так жить и ведь побеждал, всегда побеждал. Не являюсь прямым учеником Соболева, мой научный учитель Валентин Петрович Михайлов. Но я стал последователем научных занятий Сергея Львовича: изучая теоремы вложения, уже оказался в кильватерном строю его школы этого направления, в вычислительной математике был увлечён его постановками проблем и стал

продолжателем его дела (на почтительном расстоянии).

Здесь уместно попытаться описать вклад Сергея Львовича Соболева в создание теории приближённого вычисления интегралов от функций многих переменных – тем более, что в архиве сохраняется много первоначальных текстов его работ на эту тему.

Устные легенды, услышанные мной от Екатерины Кузьминичны Исаковой, относят начало интереса Сергея Львовича к проблематике семикратного интеграла, предложенного ему академиком Н.Н. Семеновым в годы участия в атомном проекте. Первые открытые публикации Сергея Львовича по приближенному интегрированию посвящены формулам механических кубатур, то есть формулам алгебраической точности. Он установил здесь известную сейчас «теорему Соболева» о кубатурных формулах, инвариантных относительно группы изометрических преобразований области интегрирования.

В Институте им. И.В. Курчатова с тех времен и до сих пор работает ученик С.Л. Соболева профессор Лебедев Вячеслав Иванович, который добился важных результатов в построении формул, точно интегрирующих по трёхмерной сфере сферические функции очень высоких порядков.

С начала новосибирского периода Сергей Львович начинает построение другой теории, совмещающей алгебраический и функциональный

подходы. Основная идея нового метода воплощена в алгоритме его формул с регулярным пограничным слоем. Они предназначены для вычисления интегралов по многомерным областям произвольных форм и могут считаться обобщениями на n-мерный случай квадратурных формул Грегори. Именно, полная кубатурная формула строится как сумма локальных формул, каждая из которых является алгебраически точной на многочленах до некоторой заданной степени m. Оказывается, сумма автоматически имеет хорошие свойства в функционально аналитическом смысле, то есть функционал погрешности такой кубатурной формулы оптимален по порядку. При растущем N – числе узлов, на “пространствах Соболева” W_2^m этот порядок есть $N^{-m/n}$. Чтобы задание области интегрирования являлось внешним параметром метода, распределение узлов формулы не должно быть связано с формой области. Поэтому С.Л. Соболев останавливается на решётчатом расположении узлов с произвольной матрицей этой решётки. Зато он добивается асимптотической оптимальности своих формул, то есть асимптотика нормы функционала погрешности (на пространствах $L_2^{(m)}$ – у С.Л. Соболева) начинается с такого же первого члена, как и у (неизвестных) оптимальных формул: точной константы, помноженной на оптимальный порядок $N^{-m/n}$. Эта константа $B_{n,m} = \sqrt{|\Omega| \sum_{k \in \mathbf{Z}^n - 0} |hHk|^{-2m}}$,

где H – матрица с $det\ H$ =1, задающая решетку узлов $\{hHk\}_{k\in \mathbf{Z}^n}$ кубатурной формулы.

Мне пришлось быть свидетелем жесткой оппозиции такой постановки С.Л. Соболевым основной проблемы со стороны известных специалистов по вычислительной математике тех лет. Главный аргумент оппозиции состоит в том, что вычислительная техника различает только порядки сходимости, а не константы при них. Значит, и теория должна быть только порядково точной, чтобы не стать схоластической. Сейчас мне удивительно, как противостоял С.Л. Соболев такому окружению и как смог он интуитивно правильно выбрать направление. Ведь только в относительно недавние годы (уже после его кончины) удалось установить, что именно для кубатурных формул его класса понятие порядковой и асимптотической оптимальности по существу совпадают. В предчувствии таких оправданий будущими исследованиями заключалась, видимо, сила его интуиции и натуры.

Ещё одна сторона его таланта восхищает – это умение поставить для исследования на такие проблемы, в которых переплетаются многие основные струи современной математики. В заданном им направлении исследований по кубатурным формулам по существу взаимосвязаны задачи функционального анализа, дифференциальных уравнений и алгебры, теории чисел и комбинаторики и, конечно, вычислительной математики.

Следует сказать о патриотизме, высоком чувстве ответственности за будущее Страны и за подготовку новых поколений математиков, присущем нашим учителям и, в частности, ярко проявившемся в отношении Соболева к молодежи. Процитирую воспоминания о Сергее Львовиче математика из Уфы Зигаидара Иргалиевича Биглова (1818-2001), одного из организаторов математики в Уфе и первого декана открытого в 1972 году математического факультета БашГУ. «Мне не раз приходилось встречаться с Сергеем Львовичем в МГУ. Как правило около него толпилась молодежь – его ученики. Разговор всегда шел о важнейших задачах математической науки, о проблемах современной математики.

Он всегда был в напряжении, даже в лифте ему не было покоя. Он часто в шутку говорил, что здесь, в МГУ, он занимается проблемами дифференциальных уравнений. Давал этим понять, что в других местах, в Новосибирске, например, он занимается другими проблемами: программированием на ЭВМ и кубатурными формулами.

Очень интересными, содержательными были его лекции, научные сообщения на семинарах, конференциях, симпозиумах.

Это было время создания и развития научного центра в Новосибирске, в котором основной труд несли 3 выдающих ученых – Соболев, Лаврентьев, Осокетианович.

Когда я обратился к Сергею Львовичу, нельзя ли наших лучших студентов послать к Вам,

в Новосибирск, на продолжение учебы в НГУ, он с удовольствием ответил: пожалуйста, сколько хотите. Только присылайте лучших, чтобы из них получились высококвалифицированные кадры. Кроме того мы поможем вам в формировании кафедр матфака БГУ молодыми кадрами, выросшими сибирском отделе АН СССР.

С тех пор научные связи между математиками БГУ и НГУ росли и укрепились и сегодня многие проблемы решаются совместными усилиями ученых Уфы и Новосибирска».

Я работал в Академгородке в отделе Сергея Львовича только шесть лет. Начинал молодым кандидатом и смотрел на него как на человека преклонных лет, отмечая его неизменную энергию и благожелательность. Даже за мои явные промахи ни разу не покритиковал он меня грубо. И, конечно, всегда на «Вы». Один только раз, он нечаянно назвал на «ты» – сразу меня захлестнула тогда волна смущения (и радости). Поэт уже сказал

«Пустое Вы сердечным ты
Вы раз, обмолвясь, заменили
И все забытые мечты
В душе остывшей оживили»

Образ Сергея Львовича Соболева остаётся у меня прорезающим безбрежность ледоколом, за которым идёт прорубленный коридор для последователей. Остаётся его утешительная для нас фраза: «Способности различаются только скоростью работы». У Сергея Львовича работа

делалась быстро, у его последователей, к сожалению, много медленнее. Но все-таки делаются! – с благословения людей старого поколения, ярким представителем которого был для нас С.Л. Соболев.

РАМАЗАНОВ М.Д.
МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АРХИВ АКАДЕМИКА С.Л. СОБОЛЕВА

Бумаги с математическим содержанием, принадлежавшие Сергею Львовичу Соболеву, были подарены мне Ариадной Дмитриевной Соболевой в 1993 году. За прошедшее время эти бумаги были разобраны, переплетены в отдельные тома по избранной систематизации и составили всего 200 томов. Кроме того, в архиве имеется 113 названий отдельных изданий, книг и диссертационных работ. Большинство – 191 том, составляют оттиски статей или машинописные копии работ, подаренных С.Л. Соболеву разными математиками (всего более _____ авторов). 6 томов составили бумаги, написанные лично Сергеем Львовичем, и его переписка с коллегами, три тома заняло оглавление.

Совокупность подаренных С.Л. Соболеву работ можно назвать срезом примерно за 50 лет (1935 – 1985 гг.) мировых исследований по математическому анализу в широком смысле, математической физике и прикладной математике. Ввиду широты и разнообразия тематики была выбрана схема систематизации по фамилиям авторов работ в порядке алфавитов русского (т.т. 1-90) и других (т.т. 116-161). В каждом из этих томов на отдельных страницах «Содержания» по порядку перечисляются несколько авторов и названия их работ. Так как в архивных материалах работ некоторых математиков оказалось так

много, что эти работы могли занять целые тома, то так и было сделано. Русскоязычному тексту посвящены тома 1-115, латинице 116-179, каждый том составляет работы одного автора. Как правило, авторы – известные математики и отдельные эти тома ценны ещё систематичностью тем исследований. Например, работы академика И.М. Гельфанда составляют тома 95, 96 и содержат, в частности, трудно доступные сейчас статьи исследований начального периода развития теории нормированных колец. Полезно перечислить всех авторов отдельных томов: Березанский Ю.М., Векуа И.Н., Вишик М.И., Гельфанд И.М., Давиденко Д.Ф., Дезин А.А., Крылов А.Н., Леднев Н.А., Медведев Ж.А., Михайлов В.П., Михлин С.Г., Мышкис А.Д., Никольский С.М., Олейник О.А., Привалов И.И., Раппопорт И.М., Сергеев Н.П., Смолицкий Х.Л., Шкловский И.С., Amerio L., De Giorgi E., Fichera G., Gagliardo E., Grothendiek A., Gunther N., Haimovici A., Hua L., Leray J., Lions J., Magenes E., Moisil G., Petrowsky Y., Picone M., Popovicin J., Segal J., Stampacchia G.

В Архиве есть оригинальные работы, не только математического содержания, представляющие самостоятельный интерес.

Например, два тома монографии И.С. Шкловского по радиоастрономии, оригинал не опубликованной монографии Ж. Медведева об истории лысенковщины в советской биологии, фотокопия работы H. Freudenthal «Lincos design of language for cosmic inter course», посвященной

логической разработке языка общения возможных космических цивилизаций.

Более подробную информацию о содержании математического архива академика Соболева Сергея Львовича можно получить по электронной почте ramazanov@imat.rb.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя 3
Голубятников В.П. Стихи, посвященные С.Л. Соболеву 5
Воспоминания А.Д., жены С.Л. Соболева 9
I Детство 9
II От юности к зрелости 23
III Сибирь и последние годы 38
Воспоминания Н.Г., матери С.Л. Соболева 59
«Воспоминанья предо мной свой длинный развивают свиток» 59
«Но вот, наконец, и Петербург» 81
Контрабандисты 99
4 марта 1901 г. 115
«Эх ты, Волга, мать родная, Волга русская река» 140
«Где Вы теперь, кто Вам целут пальцы» 152
«О родина моя, прими меня – я твой» 162
9 января 180
«И возникают в ней виденья первоначальных чистых дней…» 189
Воспоминания Масленниковой В.Н. 194
Дезин А.А. Штрихи к портрету 218
Половинкин В.И. Воспоминания и размышления о С.Л. Соболеве 226
Ибрагимова З.М. 250
Гарипов Р.М. Он казался монументом 282
I Чтобы быть львом, надо иметь сердце льва 282
II Большая наука и провинциальная 287
III Творчество – это донкихотство 293

IV Трудное время 301
Воспоминания Сакса Р.С. 306
Рамазанов М.Д. Мое представление о сибирском периоде жизни С.Л. Соболева 345
Рамазанов М.Д. Математический архив академика С.Л. Соболева 352

Выходные данные книги